

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (25)

Сыктывкар, 2020

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2020. № 1 (25).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиromская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Т.С. Садыков (Нур-Султан), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар),
Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН,
журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

Е-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук.
редакционно-издательской группы)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Черкасова М.С. (Вологда). Семья и термины родства в источниках XVI–XVII веков	4
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-4-8	
Леонтьев Е.В. (Минусинск). Образование домохозяйства в жизненном цикле служилых людей Красноярского уезда по данным податной ревизии 1722 года	9
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-9-12	
Мацук М.А. (Сыктывкар). Мещане города Усть-Сысольска: уровень детности по ревизской сказке 1795 года	13
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-13-14	
Суций С.Я. (Ростов-на-Дону). Геодемографическая динамика русского населения закавказских территорий Российской империи в XIX – начале XX века	15
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-15-20	
Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Миграции казаков и крестьян на юг Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века)	21
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-21-26	
Бурматов А.А. (Куйбышев). Смертность населения в Сибири накануне коллективизации	27
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-27-31	
Журавлев Н.Ю. (Сыктывкар). Миграционные процессы в Коми и их влияние на становление и развитие производства (с конца XV до середины XX века)	32
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-32-36	

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Попова Л.А. (Сыктывкар). Тенденции разводимости населения в Республике Коми в XX веке и начале XXI века	37
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-37-45	
Байжиенова К.Т. (Нур-Султан, Казахстан). Оценка влияния развития системы здравоохранения на показатели демографии Республики Казахстан	46
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-46-49	

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Гагиева А.К., Гагиев Н.Н. (Сыктывкар). Роль купеческого элмента в освоении арктических территорий Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX века. К постановке проблемы	50
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-50-53	

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. (Пермь). «Екатеринбургская неделя» как источник по демографии населения Пермской губернии последней четверти XIX века	54
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-54-58	
Обедков А.П. (Сыктывкар). Отечественная научная школа географического градоведения: лидеры и направления научных исследований	59
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-59-80	
Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). ПАМЯТИ ВИКТОРА АНАТОЛЬЕВИЧА СЕМЁНОВА	81
DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-81-83	

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание журнала «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» за 2019 год	84
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	86

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 930.2:27-788:314 "16/17"

DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-4-8

*М.С. Черкасова**

Семья и термины родства в источниках XVI–XVII веков

В статье анализируются семейно-родственные аспекты исторической демографии, использование в источниках слова «семья» и различных терминов родства. Отмечены ближние и дальние его степени, роль канонических и церковных правил в функционировании института православного брака. Привлекаются челобитные, публично- и частноправовые акты XVI–XVII столетий. Обращается внимание на родственную терминологию в отношении женского и мужского монашества.

Ключевые слова: семья, отношения родства и свойства, ближние и дальние родственники

M.S. Cherkasova

Family and various terms of kinship in the sources of the 16th and 17th centuries

The article examines the family-related aspects of historical demographics: the use of the word “family” and various terms of kinship in straight and lateral lines. The near and far degrees of kinship, the role of canonical and ecclesiastical rules in the functioning of the institution of orthodox marriage are noted. The human rights, public and private acts of the 16th and 17th centuries are involved. Attention is drawn to related terminology in relation to female and male monasticism.

Key words: family, relationship of kinship and properties, near and far relatives

Термин «семья» в эпоху Московской Руси с её знаменитым «Домостроем» нечасто встречается в источниках. В духовных грамотах служилых землевладельцев монастырям в 1560-е гг. предписывалось «... за наше здравье при нашем животе Бога молити, за меня и за мою семью, а после нашего живота им нас поминати и родителей наших и в сенаник написать» [1, с. 201–202]. По наблюдениям Е.Н. Швейковской, из 345 публичноправовых актов между Судебником 1550 г. и Соборным Уложением 1649 г. семья в контексте судебносудебных мероприятий употребляется в двух: в наказе о губных делах 1556 г. и севернорусском Судебнике 1589 г. («... в обысках многие люди лжут семьями и заговоры великими»). В Уложении царя Василия Шуйского 1607 г. «семья» фигурирует в связи с порядком найма на сезонные работы – это мог делать человек «один, а не семьею» [2, с. 26]. И если здесь семья – малый коллектив родственников (супружеская пара с детьми), то в выше приведенной духовной 1560-х гг. под семьей могла пониматься жена-вдова. В дозорных книгах Вологодского уезда 1615/16 г. семейная формула «крестьяне з женами и з детьми» используется, когда говорится, что они «умерли от зяблых лет во 111-м (1602/03) году» или «сошли в мир от казачья разорения» или «от хлебной скудости» [3, с. 1043, 1045]. Формула «з женами и детьми и со всеми их животы» в Соборном Уложении применительно к сыску беглых крестьян общеизвестна и под ней подразумевалась малая двухпоколенная семья.

* **Черкасова Марина Сергеевна** (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета; г. Вологда, ул. Ленина, 15; mscherkasova@mail.ru

Возможное значение этого слова как СЕМЬ-Я удалось заметить в закладной записи по Алатырскому уезду 1632 г.: во дворе хозяин «в семье сам семья», в другом – мать-вдова с детьми «сама сема», в третьем – семья «сам друг с женою» [4, по Алатырю № 55]. Попутно получаем сведения о численности малой семьи – её количественный состав был примерно одинаков во всех социальных слоях общества, 5–7 чел. Вдова служилого человека после его гибели «осталась сама сема с пятью сынами и дочерью». Двое старших сыновей «в службу поспели», а трём было соответственно 13, 8 и 5 лет, возраст же дочери не указан. Здесь интересны данные и о возрасте младших детей – редкая деталь в документах того времени.

В источниках встречаются и более «густо населенные», неразделенные семьи. В вотчине Дионисьево-Глушицкого монастыря в 1679 г. жила «горькая вдова» вместе с четырьмя взрослыми сыновьями, у тех, в свою очередь, восемь сыновей, а всего людей в данной крестьянской усадьбе было 25 чел. мужского и женского пола [3, с. 816–817]. Столь объёмной численности семьи никакой из видов кадастровых источников XVII в. – ни вотчинный, ни церковный, ни государственный – не даст. Священник в челобитной мог указывать, что у него «на хлебе 10 душ». В одной челобитной 1690-х гг. по Чарондской округе описан совместный труд местных причетников: «...покосышко распахали и росчистили, и хоромы поставили, а семьи у них 14 душ» [5- вып. 7, с. 157–158]. Семья как единица исчисления народонаселения фигурирует в итогах переписной книги Вологды 1678 г. Там говорится, что 247 семей посадских людей и бобылей «живут на дворничестве у жилецких людей всяких чинов» [6, с. 167].

В наказе властей Соловецкого монастыря 1679 г. отмечены дворы, в которых проживало по 2–3 семьи, под семей же понимается локальное сообщество тех, «кто хлеб едят особно по своим» и был установлен размер судебной пошлыны «двода»: с крестьянской семьи 2 алт., с бобыльской 10 денег [7, № 232]. Здесь семья выступает как объект вотчинного обложения и несомненна её ведущая роль в хозяйственно-производственной жизни, в социализации человека на доиндустриальной стадии общественного развития.

Вписанной в более широкий коллектив – крестьянскую общину – выглядит семья в документах Вологодской архиерейской кафедры в её крупной вотчине на Лежском Волоке, где к началу XVIII в. насчитывалось более 1000 дворов и около 4 тыс. жителей. Отсюда крестьяне обращались с различными челобитными к правящему архиерею, и в них вслед за мирскими старостами поименно указывалось до 50-ти дворохозяев «от семей» [8, № 11306, л. 3]. От них же в помощь старостам избирались мельничные и житничные целовальники, выполнявшие в вотчине и крестьянском мире важные организационно-хозяйственные функции. Так выборные представители от совокупности (обычно десятка) семей вместе с мирскими старостами и вотчинными приказчиками становились низовым звеном в вертикали вотчинной власти и мирского самоуправления в деревне.

Особенностью словоупотребления в эпоху Московской Руси была уменьшительная форма *семьишко* для обозначения жены («женишко-семьишко»), причём безотносительно к социальной принадлежности называемой персоны [8, № 6455]. Так могла быть названа жена и служилого, и посадского человека, и «крестьянка-салдацкая женишко». Любая из них, потеряв мужа, в челобитных фигурирует как «убогая сирота вдовишко» [3, с. 675, 726–727]. Иногда и полная форма использовалась: жена-семья. Ранний (1600/01 г.) образец такого отождествления был выявлен Д.Е. Гневашевым среди документов вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, а опубликован Е.Н. Швейковской [2, с. 46–47 – прим. 61]. Речь идёт о вдове умершего служилого человека И.С. Трусова Варваре, которая постриглась в приписном Никольском монастырьке на Валухе и её должны были «покоить» и содержать до смерти прилуцкие власти. Термины *вдова* и *женишко* употреблены как синонимы в челобитной группы помещиков Брянчаниновых архиеп. Гавриилу – «вдова Федорица Яковлевская женишко Брянчанинова да вдова Марьица Патрекеевская женишко Чернавского» [8, вып. 12, с. 113, 239]. В термине семья отразилась не только собирательность, но и его избирательность, направленность на замужнюю женщину [2, с. 52].

Для обозначения незаконных жен (они же наложницы/жонки/блю(-я)дницы и пр.) с точки зрения мужчин в челобитных иногда использовалось слово *дворница/поддворница* [8, № 7161, л. 5]. Распространение сезонного наёмного труда у крестьян, не исключая и женщин, иногда приводило к незаконному сожительству хозяев с женками-наймитами и женками-приимками [9, № 92]. Такие работницы становились поддворницами, жившими в чужих дворах. Отсутствие своего жилья и полноценной семьи нередко приводило человека в состав монастырских слуг: «бездомовные холостые служебники» [3, с. 1058].

Пришедшие в семью новые члены назывались зять, невестка/сноха, свесть. Если зять – это муж дочери, а сноха-невестка – её название по отношению к родителям мужа, то светь/свесть – родная сестра жены (свояченица/«своячина»), как шурин – родной брат мужа, а деверь – родной брат жены. Расторгнувшие брак и ставшие монахинями из-за болезни женщины назывались «посестрии / подружии», поступившие в монахи мужья – «побратимы» [5, вып. 2, с. 32–33; вып. 7, с. 126, 149]. Если у монахини в мирской жизни было два брака, а потом мужья тоже постриглись, то она их определяла как «мой первый и мой второй побратим».

Умерший (и вполне законный) муж в духовном завещании монахини мог и вовсе называться «мой сожитель», что вызывает невольное удивление [10, № 452, л. 7].

Во всяком случае удержание родственного оттенка для монашества весьма показательно с точки зрения его социальной природы, тесной включенности в социум, неразрывности связующих мир и обитель социальных и родственных нитей, их широкой и глубокой взаимопроницаемости. Сильно «опутанными» эти связи выглядят у белого приходского духовенства на севере, когда отец – поп, один его сын (или брат) – дьякон или дьячок, брат жены или сын-подросток – пономарь, жена – просвирница в том же храме и т.п. Это явление отражало тенденцию к потомственной закрепляемости данного сословия, его семейно-профессиональной сплоченности, важности сохранения за собой поземельно-имущественного статуса, места в данной церкви и его передачи детям [11]. Предпринятое нами ретроспективное изучение переписных книг Устюга 1710 и 1717 гг. позволило выявить у ряда семей городского духовенства непрерывное служение до четвертого поколения («поповской правнук»).

Наряду с отцом и матерью, в актах отмечены «вотчимы» и мачехи – свидетельство распространения в ту эпоху повторных браков [1, с. 191; 11, т. 1, № 116, 168, 283, 296, 318; т. 2, № 29, 33, 42, 43, 101; т. 4, № 71, 72, 401, 542, 547]. С этим явлением были связаны и такие определения чужих детей, как «приимыш», пасынок и падчерица. Приёмные родители и дети назывались нередко «Богом данными».

Распространение в русской армии в царствование Алексея Михайловича солдатских наборов обусловило длительное отсутствие мужей в семье и непростые отношения оставшихся там их жен со свекрами и свекровьями. В челобитной одной крестьянки Дионисьево-Глушицкого монастыря 1658 г. описана сложная семейная коллизия, когда свекр умер, а его вдова (приходящаяся мачехой ушедшему в армию солдату) вышла замуж, присвоив деньги свекра и пасынка [3, с. 675]. Сноха могла судиться со свекровью о приданом перед монастырскими властями [3, с. 693–694], а вдова – с деверьями (братьями умершего супруга) «о мужних статках по духовной» [13, л. 6 об.]. У одной заболевшей сразу же после свадьбы девушки «свёкра» отняла приданое, а муж понуждал к пострижению. Матери девушки пришлось искать управу на новую родню в архиерейском суде [3, с. 790–791]. Отмеченные в документах «сваты» и «кумы» отражают отношения (помимо «роду-племени») свойства/сватовства и кумовства [3, с. 676–677]. Обобщённым названием ближайшего круга родственников по боковой линии мужской и женской (брат-сестра-племянник-племянница-тетка-дядя родные и двоюродные) служили слова родимцы/сродники/сродичи [5, вып. 7, с. 9; вып. 12, с. 34–36; вып. 13, с. 71].

Сохранилось несколько сказок священников о полном составе своих семей, вместе с которыми они по приказу вологодского архиеп. Варлама отправлялись в Тобольск в распоряжение архиеп. Тобольского и Сибирского Макария в 1635 г. Численность этих семей колебалась от 4–5 до 11–12 чел. Кроме попа с попадёнй, в семью входило 3–5 детей (включая дочерей), иногда родные и двоюродные братья (женатые или холостые), а ещё «люди»-работники («человек мой», «женка-вдова-вдовишко», «малой на хлебе»). Монашествующие черные попы, направляемые в Сибирь, указывали в своих сказках племянников и братьев [14, т. 2, стб. 595–596]. Два белых священника указали живших у них матерей-вдов, представлявших старшее поколение, – «матушка моя, попова», «мати-старица Софья».

В явочной челобитной помещика Н. Борятинского 1634 г. в перечне пограбленных ворами домашних вещей отмечены «шапка вдовья камчатая черная» и «летник вдовий...вошвы бархат черной». Вошвы – это лоскутки дорогой ткани, вшиваемой как украшение в одежду [14, стб. 574]. Выходит, вдова в семье/доме могла выделяться цветом повседневной одежды? Уменьшительной формы от матери типа жена/женишко не встречается, а определение *матушка* только подчеркивало уважительное к ней отношение. Оно же чувствуется и применительно к отцу. В раздельной грамоте попа 1660 г. говорится, что он «...умножения ради *семьи по батюшкову* приказу отделил брата своего, во всем житейском заводе дал ему половину, а в земле треть во всех полях, и моим детям и внучатом не обижать его детей и внучат и в поповской деревне земли им дать, по семье смотря...» [5, вып. 3, с. 9–10].

В исходящих от духовенства документах термин семья чаще всего покрывает собой отнюдь не только жену, а весь малый коллектив: «...Помираю от голода *со всею своею семьею*» [5, вып. 12, с. 117]. У потерявшего жену попа дети «сиротишки, родственником и приятелей им нет» [5, вып. 3, с. 72]. Отсутствие у детей родителей отождествлялось с нищенством: «нищее сиротство, что у меня нет ни отца, ни матери» [5, вып. 3, с. 77]. Понятия одиночества-сиротства-скудости-нищенства тесно соприкасались, но и тяготение к созданию семьи заметно: «...благослови, святитель, жениться ради моего нищего сиротства, что нет у меня, нищего, ни отца, ни матери»; «...человеченко я пахотное, одинакое и без жены мне никак не мошно»; «...человеченко я одинакой и скудной» [5, вып. 9, с. 122]. Бедственное материальное положение сельского духовенства раскрывалось цепочкой уменьшительных слов: женишко-робятишки-домишко-дворенко-повытейцо», из них «попы со своими семьями ушли» [5, вып. 3, с. 86–88].

Термин *сирота* имел и предельно широкое социальное значение: так определяли себя в челобитных крестьяне к архиерейским, монастырским, царским властям. Прибегали к нему и посадские люди, а в индиви-

дуальном употреблении он дополнялся совокупностью депрессивных черт, касающихся и возраста, и состояния здоровья челобитчика: «дряхлой-увечной-безногой-нищей-беспомощной сирота». В таком положении человек просил разрешения у архиепископа постричься в монастыре [5, вып. 11, с. 127].

Иногда в рамках определения «мои дочеришки» отражены существенные отличия возраста и семейного статуса: две девки-девчонки, а третья – замужняя дочь [5, вып. 12, с. 113, 239]. Великовозрастную незамужнюю дочь-«вековушу» родители-крепостные помещицы крестьяне могли назвать «девченко в полных летех, близко сорока». Она постригалась в вологодском Горнем Успенском монастыре, и в данном случае монашество выступало альтернативой несостоявшемуся замужеству. Для престарелых же родителей, а ещё милостиво отпустивших её в обитель бывших помещиков она становилась усердной богомолицей [15, с. 265].

В актах служилых землевладельцев и кадастровых источниках понятия «бездетности», «бессемейства», «бесплеменства» указывают на отсутствие потомства («бездетен, последний *роду* их»; «...он умре, а после него роду (вариант: отроду) не осталось»). За термином «родители» (и *прародители*) стоит более широкая ассоциация предков, нежели просто отец с матерью («помянуть всех *родителей* моей матери»), различаются понятия рода *ближнего* и *дальнего* [1, с. 86–88, 90, 94]. В росписях родства/родству, прилагаемых посадскими людьми и крестьянами к челобитным о вступлении в брак, фигурируют термины «единоутробный брат» (значит, у братьев была общая мать, а отцы разные), «двуродная сестра», «двоюродный шурин» и «тётка в третьем колене» [5, вып. 11, с. 61; 8, № 745].

Не было принципиальной разницы в составе семей крепостных людей, принадлежавших господам («Николко з женою и с детьми и со всею семьею», такой-то з «женою и с детьми и со внучаты») [12, т. 1. № 216; т. 2. № 42]. Их семьи тоже могли быть двух- или трехпоколенными. Не имевшие полноценной семьи крепостные определялись как «хлопец», «детина», «паробок», «девка», «женка» (одинокая или незамужняя женщина с детьми, а ещё могла быть вдова с детьми) [12, т. 1. № 158, 288; т. 2. № 247] или только по имени: «Окулинка, Федотка, Галка» [12, т. 1. № 216]. Наличие повторных браков у холопов подтверждается духовными грамотами 1490-х гг. А.М. Плещеева и В.Б. Тучки-Морозова, упоминающих детей их холопов от первой и второй жены [16, № 562, 612].

«Росписи родству» составлялись в связи с конфликтными ситуациями, возникавшими на почве отказа одной из сторон от ранее заключенного сговора. В 1648 г. в архиерейском суде рассматривалось дело посадского человека Лариона Попова, который хотел женить своего младшего брата Давыда на девице, а её родственники, нарушив сговорную запись, ему отказали, сославшись на обнаружившееся между сторонами родство. В представленной архиерейским судьям росписи отмечены «единоутробные братья» (значит, отцы у них были разные), сестры родные и сестры двоюродные; тетка родная; отец и дед [8, № 745, стб. 4]. Интересные росписи родства были выявлены Н.В. Башниным в архиве Дионисиево-Глушицкого монастыря [3, с. 663–664, 894–895, 940–942, 1016–1017]. Для подтверждения того, что канонических препятствий к браку нет (между сосватанными женихом и невестой отсутствуют отношения родства-свойства-кумовства) привлекались священник, церковный и мирской старосты, все прихожане-дворовладельцы данного села или деревни [8, № 745, стб. 4]. Тем самым каноническая правильность брака находилась под контролем и церкви, и общины. В выдаваемых священникам венечных памятях содержались элементы брачного обыска: жених и невеста не должны быть «ни в роду, ни в племени, ни в крестном братстве, ни в кумовстве, ни в кровном и духовном свойстве, ни в сватовстве» [8, № 86].

При рассмотрении спорных дел о браках в архиерейском суде привлекались «росписи приданого». Они отражали материальный аспект заключаемых браков. В 1648 г. был спор двух помещиков – Томилы Островского и Семена Сапогова – на той почве, что последний, вопреки зарядной записи в 200 руб., отказался жениться на дочери Томилы. Размер «заряда», вероятно, был соотносим с составом приданого – в его росписи перечислены иконы, женские украшения-«кузнь» (серьги, ожерелья, перстни), одежда (шапки и «меховые шупки») с указанием стоимости каждой вещи. В челобитной богословского попа Иванища вологодскому архиеп. Варламу 1637 г. было высказано беспокойство о судьбе приданого его выданной замуж «внуки» (стоимостью 19 руб.) – муж с родней его пропили, а её «спехнули со двора нагу и босу» [14, стб. 1015–1017].

Таким образом, нами были рассмотрены случаи употребления в разных источниках эпохи Московской Руси терминов родства и расширение области использования основополагающего слова СЕМЬЯ как важного интегрирующего их начала. Во всех социальных слоях общества преобладала малая двух- или трехпоколенная семья, хотя встречались и более крупные, наразделенные семейно-родственные коллективы прямого и бокового родства.

Источники и литература

1. Антонов А.В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001.
2. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня в конце XVI – начале XVIII в. М., 2012.
3. Башнин Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв. Исследование и тексты. М.; СПб., 2016.

4. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии).
5. Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вып. 1. Вологда, 1899; Вып. 2. Вологда, 1900; Вып. 5. Вологда, 1902; Вып. 7. Вологда, 1904; Вып. 9. Вологда, 1908; Вып. 11. Вологда, 1910; Вып. 12. Вологда 1913; Вып. 13. Вологда, 1917.
6. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 1. М., 2008.
7. Акты Археографической экспедиции. Т. 4. СПб., 1836.
8. ГАВО. Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 1 (Вологодский архиерейский дом).
9. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3 (Устюжский архиерейский дом).
10. ГАВО. Ф. 496 (Вологодская духовная консистория). Оп. 1.
11. *Черкасова М.С.* Приходское духовенство на севере в XVI – начале XVIII в.: вопросы демографии и генеалогии // Генеалогия на русском севере: Мемориальная культура и родовое древо севера. Архангельск, 2019. С. 94–104.
12. Акты служилых землевладельцев. XV – начало XVII в. Т. 1. М., 1997; Т. 2. М., 1998; Т. 4. М., 2008.
13. ГАВО. Ф. 883 (И.Н. Суворов).
14. Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875.
15. *Суворов Н.И.* Сборник актов Северного края XVII–XVIII вв. Вологда, 1925.
16. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М., 1964.

*Е.В. Леонтьев**

Образование домохозяйства в жизненном цикле служилых людей Красноярского уезда по данным податной ревизии 1722 года

В статье приводятся результаты подсчетов, свидетельствующие о сроках образования домохозяйства в жизненном цикле служилых людей г. Красноярска и Красноярского уезда в первые десятилетия XVIII века. В ходе анализа указанная информация сравнивается с аналогичными показателями, рассчитанными для посадского населения и крестьян. Среди обстоятельств, оказывавших влияние на сроки получения казаками статуса самостоятельных дворохозяев, рассматриваются данные о времени поверстания их на службу в гарнизон.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, податная ревизия, семья, двор, домохозяйство, жизненный цикл

E. V. Leontiev

Formation of household in lifecycle of employees of Krasnoyarsk uyezd according to the information of tax audit 1722

In this article there are results of counting which say us about periods of formation of household in lifecycle of employees of Krasnoyarsk uyezd in the first decades of XVIIIth century. According to analysis, this information is compared with the same indicators towards to posad population and peasants. Among circumstances, which influenced periods of receiving of Cossacks of the status of independent homeowners are considered information about time of their power stone to the service of garrison.

Key words: employees, Cossacks, tax audit, family, yard, household, lifecycle

Изучение организации домохозяйства на основе массовых источников церковных и податных дает уникальную возможность получить представление об условиях функционирования традиционного локального социума и природе происходивших в его среде долговременных изменений. Важным результатом этой работы является статистическая информация, позволяющая описать хронологию основных событий в жизни людей рассматриваемой эпохи: например, средний возраст вступления в брак, время и интервалы деторождений, этапы раздела родительской семьи и т.д.

В историографии Сибири XVIII в. исследователи пока не ставили перед собой задачу реконструировать жизненный цикл населения служилого или тяглового. Настоящая статья также не претендует на ее решение и затрагивает лишь один из аспектов в жизни русских сибиряков этого времени, связанный с наследованием имущества и образованием собственного домохозяйства. Источником используемых в работе показателей являются материалы первой податной ревизии жителей г. Красноярска и Красноярского уезда 1722 г. В их числе основное внимание уделялось категории служилых людей, составлявших при подведении итогов переписи более 2/3 от численности мужского населения данной территории (86.85 % – в городе, и 60.01 % – в уезде) [Подсчитано по данным: 1.].

В русском обществе XVIII в. выдел из состава отцовского (братского) домохозяйства с наследованием части общесемейного имущества (земли, скота, денежного капитала и пр.) являлся одним из главных событий в жизни мужчины любого социального положения. Покинув родителей, глава вновь выделившейся семьи впервые получал самостоятельный статус, становился владельцем собственного двора и официально причислялся (независимо от других живущих отдельно родственников) к одной из социальных групп. С этого момента он также впервые принимал на себя обязательство перед государством в несении службы или налогового бремени – тягла [2, с. 89]. Время наступления данного события в разных поколениях варьировало, что отражалось на семейной структуре образуемых ими сообществ. Если раздел семьи происходил на сравнительно ранних этапах жизни людей, в составе населения увеличивалась доля простых (нуклеарных) домохозяйств,

* Леонтьев Евгений Викторович (Минусинск) – старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартынова. 662608. г. Минусинск, ул. Ленина 60, eu.leontjew2017@yandex.ru; martianov-muzey@mail.ru

ядром которых была только одна супружеская пара с детьми; если разделы, напротив, откладывались, начинало расти количество сложных многосемейных дворов, объединявших несколько пар супругов.

Далее на материалах податной ревизии 1722 г. мы рассмотрим, в какой период своей жизни получали самостоятельность и становились домохозяевами служилые люди Красноярского уезда. При обработке указанного источника в составе служилого населения фиксировались: дети боярские – верстанные и неверстанные, казаки служилые – конные и пешие, казаки отставные и неверстанные в службу казачьи дети. Все они вместе с членами их семей мужского пола старше 15 лет были разбиты на несколько возрастных когорт с выделением в каждой доли владельцев дворовых хозяйств. Жители города Красноярска и казаки, селившиеся в деревнях, рассматривались отдельно. Для сравнения полученных показателей аналогичные данные также были рассчитаны среди крестьян и посадских людей Красноярского уезда (табл. 1).

Таблица 1

**Доля владельцев дворовых хозяйств среди служилых людей
г. Красноярска и Красноярского уезда. 1722 г.***

Возраст, лет	Служилые люди: город		Служилые люди: уезд		Посадские люди		Пашенные и монастырские крестьяне	
	I	II	I	II	I	II	I	II
15 – 19	12	13.19.	9	4.23	2	4.75	4	7.69
20 – 29	44	23.91	67	20.36	4	7.28	7	9.33
30 – 39	69	56.10	163	52.76	32	49.23	24	40.00
40 – 49	62	77.50	161	80.10	56	87.50	50	65.68
50 и ст.	112	94.11	227	84.70	51	87.93	91	89.21
Неизвест.	16	–	11	–	13	–	1	–
Всего	315	29.75	638	25.47	158	27.10	177	26.18

I – количество дворовладельцев данного возраста

II – доля их среди мужчин своей возрастной когорты

* Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска и его уезда 1719–1722 гг. / Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. М.: «Ломоносов», 2014. 424 с.

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что в конце первой четверти XVIII в. молодые семьи в среде служилых и тяглых людей г. Красноярска и его уезда были достаточно редким явлением. Владельцами собственных дворов красноярские казаки в основном становились в возрасте от 30 до 39 лет. Причем в городе это событие, по-видимому, обычно наступало на несколько лет раньше, чем в деревне. Гораздо позднее по сравнению со служилыми людьми обретали самостоятельный статус представители тяглых слоев. Особенно это касалось крестьян, среди которых мужчины в основном получали самостоятельность уже после 40 лет.

В литературе указывается, что структура традиционного домохозяйства, основанного на земледелии, эволюционировала в основном под влиянием факторов, определявших состояние его трудового баланса. Решающую роль здесь играло изменение уровня трудовой нагрузки, ложившейся на плечи взрослых членов домохозяйства, обязанных обеспечивать потребление остальных домочадцев. Увеличение такой нагрузки, ввиду налогового гнета со стороны государства или в условиях освоения новых земель, способствовало усложнению и росту семейных коллективов, стремившихся к мобилизации имевшихся у них резервов рабочей силы [3]. Складывалась закономерность: чем большее количество труда требовалось затратить в сложившихся условиях для обеспечения нормальной жизнедеятельности семьи, тем больше и сложнее она была по числу образующих ее брачных пар. Данное обстоятельство позволяет, на наш взгляд, объяснить, очевидно, показанное выше различие в сроках образования новых домохозяйств среди представителей разных социальных групп.

Обработка пашни являлась в начале XVIII в. главным источником жизнеобеспечения служилых семей, живших в г. Красноярске и расположенных вблизи него деревнях. То же, безусловно, касалось крестьян и посадских людей, являвшихся в большинстве своем сельскими жителями. Согласно писцовой книге 1701 г., земледелием среди красноярских служилых людей занимались 560 хозяйств, из них 241 принадлежали горожанам [4, с. 97]. Размеры возделываемых участков были невелики, составляя в среднем чуть более двух десятин земли на одно хозяйство. Для сравнения, в хозяйствах крестьян площадь «собинной» запашки достигала 2.95 дес. [5, с. 273]. При этом большинство казачьих семей (74.92 % – в городе и 66.05 % – в уезде) имели в своем составе хотя бы одного зачисленного в штат мужчину [Подсчитано по данным: 1]; за редкими исключениями, это был глава семьи. Соответственно приходная часть бюджетов таких семей кроме земледелия складывалась также за счет поступлений, которые давала служба (прямых – в виде жалования и сопутствующих от торговли, промыслов, поборов с ясачных и т.д.). Поэтому по сравнению с земледельцами из дру-

гих социальных групп они, очевидно, меньше нуждались в развитии собственного хозяйства, что уменьшало объемы необходимых для его ведения трудовых затрат [6].

В этом же направлении, вероятно, действовало и то, что в отличие от крестьян и посадских служилые люди были свободны от дополнительной нагрузки в виде казенного тягла. Тогда как податные обязательства крестьян, например, носили в это время преимущественно характер повинности по обработке «государевой пашни». С ее учетом общая площадь возделываемых земель в среднем на крестьянское хозяйство превышала аналогичные показатели у казаков в 1.7 раза (3.59 и 2.09 дес.) [Подсчитано: 5, с. 273].

Важным событием в жизни служилых людей, способствующим получению ими самостоятельного статуса являлось зачисление в штат служилого гарнизона. Сроки наступления этих событий были связаны между собой, и последнее, как правило (но не всегда), предшествовало первому. Однако на рубеже XVII – XVIII вв. количество молодых мужчин среди красноярских казаков значительно выросло по отношению к количеству штатных мест в гарнизоне. В итоге многие из них становились владельцами собственных дворовых хозяйств, так и не дождавшись поверстания в службу. В материалах ревизии данная категория домохозяев носила звание неверстанных казачьих детей. Ниже мы подсчитали процент зачисленных в штат служилых людей среди красноярских казаков – дворохозяев разного возраста (табл. 2).

Таблица 2
Доля поверстанных казаков среди служилых дворохозяев г. Красноярска и Красноярского уезда. 1722 г. (%)*

Возрастная категория	Город	Уезд
15 – 19 лет	8.33	0.00
20 – 29 лет	47.72	46.27
30 – 39 лет	82.61	66.26
40 – 49 лет	95.16	70.81
50 – 59 лет	85.71	71.43
60 – 69 лет	79.31	75.86
70 лет и старше	55.56	63.16

* Подсчитано по тем же данным, что и табл. 1.

служилыми [7, с. 516]. Так, например, в деревне Барабановской у 77-летнего казака конной службы Ивана Волховитского в семье было двое неверстанных сыновей: Борис – 32 лет и Дмитрий – 30 лет; у 70-летнего пешего казака Ивана Зыкова из села Березовского ревизией во дворе были записаны трое детей: Данило (40 лет), Иван (30 лет) и Тит (27 лет) [1, с. 90, 98].

Между тем сохранялся обычай, по которому уходящий в отставку казак, имел возможность передать свое «выбылое» место и служилый оклад одному из ближайших родственников: при поверстании «новик» регистрировался в «именном списке» с указанием вместо кого он поверстан, и казачий сын обычно претендовал на освободившееся место своего отца [5, с. 65]. Почему же пожилые родители, в чьих семьях была готовая для службы замена, предпочитали обычно не спешить с прошением об отставке?

На наш взгляд, главным мотивом такого поведения, очевидно, являлось стремление сохранить экономическую целостность двора. Изученные материалы показывают, что в семьях, где вместе с родителями находились еще несколько женатых сыновей, поверстание одного из них в службу вело к разделу дворового хозяйства. Вместо одного, вероятно, крепкого хозяйственного коллектива, появлялись два ослабленных. При этом доходами от службы в этом случае продолжали пользоваться уже не все члены прежней большой семьи, а только жена и дети отделившегося после поверстания дворохозяина. Чтобы не допустить, а, вернее, отсрочить подобное развитие событий, престарелые главы больших дворов должны были «оставаться в строю» как можно дольше. Возможность для этого существовала благодаря тому, что обычная практика несения службы в гарнизоне допускала ситуации, когда вместо внесенного в штатное расписание казака фактически те или иные поручения по службе за него выполнял, получая плату, другой отсутствующий в штате человек. Несмотря на противодействие администрации, такие «наемщики» встречались среди красноярских казаков в XVIII в. очень долго [8, с. 47]. Естественно, предположить, что когда в этом качестве выступали близкие родственники (например, неверстанный сын вместо пожилого служилого отца), никакой платы за их услуги не требовалось, и сама замена выглядела в глазах начальства допустимой.

Изучение материалов податной ревизии 1722 г. показало, что владельцами собственных дворовых хозяйств в истекший период служилые люди г. Красноярска и Красноярского уезда в основном становились в возрасте от 30 до 39 лет. В городе это событие, по-видимому, наступало несколько раньше, чем в деревне. Дворохозяином среди казаков, как правило, являлся поверстанный в службу человек. Доли людей, зачисленных

в штат и ставших владельцами собственных хозяйств, впервые превышают здесь 50-процентный показатель в составе одной и той же возрастной когорты. Это говорит о том, что время наступления этих событий в жизни служилых людей примерно совпадало.

По сравнению с представителями тяглых сословий, особенно крестьянами, разделы «родительских» дворов в среде служилых людей обычно происходили раньше. Можно предположить, что казацкие семьи испытывали меньше потребности в концентрации труда и рабочей силы в своем хозяйстве: часть доходов им давала служба, не было необходимости платить подати и нести повинности. В рассматриваемый период, однако, наметился отход от службы части населения, принадлежавшего к войсковой общине. Из-за отсутствия вакансий в гарнизоне, многие красноярские казаки уже не могли рассчитывать на получение оклада, что, вероятно, сдерживало разделы семей и откладывало иногда образование новых дворохозяйств на более поздние сроки.

Литература и источники

1. Перепись г. Красноярск и его уезда 1719–1722 гг. // Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. М.: «Ломоносов», 2014. 424 с.
2. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки XVII – начала XVIII вв. Новосибирск, 1992. 227 с.
3. Носевич В.Л. Многосемейное крестьянское домохозяйство: реликт патриархального прошлого или феномен Нового времени? // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М.: РОССПЭН, 2006. С. 503–538.
4. Александров В.В. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
5. Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII в. (Енисейский и Красноярский уезды): Дис. на соиск. уч. ст. к.и.н. Красноярск, 2016. 367 с.
6. Чурсина А.А. Служилые люди Томского уезда: хозяйственная деятельность и структура семьи в первой четверти XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4. С. 17–26.
7. Люцидарская А.А. Жизненный цикл и жизнеобеспечение служилого населения Западной Сибири в XVII в. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. 660 с.
8. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913. 253 с.

М.А. Мацук*

**Мещане города Усть-Сысольска:
уровень детности по ревизской сказке 1795 года****

Автор проанализировал 350 семей (абсолютное большинство) мещан города Усть-Сысольска на предмет наличия детей в семьях и уровня детности. Малодетные семьи составляли около трети семей, среднедетные – около 40 % и многодетные – около пятой части семей. То есть, преобладали среднедетные семьи, и недостаточное число многодетных семей не позволяло быстро расти численности горожан Усть-Сысольска в указанное время.

Ключевые слова: Коми край, город Усть-Сысольск, мещане, уровень детности, ревизия 1795 года

М.А. Matsuk

**The townspeople of the city of Ust-Sysolsk:
the level of parenthood status (actual number of children)
according to the revision lists of 1795**

The author analyzed 350 families (the absolute majority) of the townspeople of the city of Ust-Sysolsk for the presence of children in the families and the level of parenthood status (actual number of children). Small families made up about a third of families, medium-sized families – about 40 % and large families – about a fifth of families. That is, average-sized families prevailed, and the insufficient number of large families did not allow the number of Ust-Sysolsk residents to grow sharply at the specified time.

Key words: Komi region, the city of Ust-Sysolsk, townspeople, the level of parenthood status, revision of 1795

Уровень детности – один из основных показателей при анализе движения народонаселения. Широко известно, что детность – среднее число детей в семье, и в зависимости от числа детей в демографической науке выделяют бездетных – семьи, не имеющие детей; малодетных – семьи в которых 1–2 ребенка; среднедетных – семьи с 3–4 детьми; и многодетных – семьи, в которых пять и более детей, без учета умерших до 5 лет включительно детей.

Нам представлялось интересным проанализировать одну из первых сохранившихся ревизских сказок по городу Усть-Сысольску – ревизскую сказку 1795 года на предмет выявления числа детей в семьях мещан этого города. Напомним, что уездный город Усть-Сысольск был создан в 1780 году на базе существовавшего ранее сельского поселения. Первый документ учета населения – ревизская сказка 1782 года пока не найдена, возможно, документ не сохранился до наших дней. В Национальном архиве Республики Коми (ГУРК НАРК) сохранилась копия с ревизской сказки города Усть-Сысольска 1795 года – второй в истории города ревизии. Этот документ был опубликован мною и В.В. Сморгунковым в 2017 году [1].

Было интересно понять – сколько вообще детей рождалось в мещанских семьях. Поэтому мы отошли от правила демографов при анализе детности учитывать лишь живых, на момент очередной переписи населения, детей в семьях. Мы, в первой части исследования, учитывали всех рожденных детей. Во второй части исследования мы анализировали данные о мещанских семьях города Усть-Сысольска по правилам, принятым у демографов.

Всего мы проанализировали сведения о 350 семьях. За рамками исследования осталось около 50 семей: это одинокие люди, а также старики, у которых не отмечено наличие детей. Кроме того, мы исключили из анализа бездетные пары юного возраста – до 20 лет, поскольку мы не располагаем сведениями о времени заключения брака этими людьми. Кроме того, мы не рассматривали данные о внебрачных («незаконнорожденных») детях.

* **Мацук Михаил Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, michailmatsuk@rambler.ru

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Результат нашего исследования о всех рожденных и зафиксированных в ревизских сказках 1782 и 1795 годов следующий.

Выявлено 18 бездетных семей. В 47 семьях имелось по одному ребенку. В 75 семьях было рождено двое детей. В 79 семьях число рожденных детей равнялось трем. В 56 семьях было рождено четверо детей. В 36 семьях – пять детей. Шестеро детей было рождено в 27 семьях мещан города Усть-Сысольска. Семь детей было рождено в семи семьях. Восемь детей появилось на свет в четырех мещанских семьях. И в одной семье было рождено десять детей.

Итак, доля бездетных семей составляет 5,14 % от общего количества проанализированных мещанских семей. Доля однодетных – 13,43 %. Доля двухдетных – 21,43 %. Доля трехдетных семей – 22,57 %. Доля четырехдетных семей – 16 %. Доля пятидетных семей – 10,29 %. Доля шестидетных семей – 7,71 %. Доля семидетных семей – 2 %. Доля восьмидетных семей – 1,14 %. И доля семьи, в которой было рождено 10 детей – 0,29 %.

Таким образом, в городе Усть-Сысольске в конце XVIII столетия многодетных семей, в которых всего родилось пять и более детей, было всего 20 %. Велика была доля малодетных семей – 34,86 %. Наиболее значительная масса городских семей относилась к среднететным (38,57 %). Приведенные данные не согласуются с высказываемыми мнениями о том, что в России XVIII столетия в семьях рождалось много детей, что выражалось в итоге в быстром росте численности населения. Наоборот, недостаточное число многодетных семей не позволяло резко расти численности горожан Усть-Сысольска в указанное время.

Напомним, что мы учитывали всех рожденных живыми детей, однако для чистоты анализа отсеем детей умерших до 5 лет включительно. Результат анализа получился следующий: количество бездетных семей осталось на прежнем уровне – 18 семей. По другим семьям прежние результаты изменились. Однодетных мещанских семей в городе Усть-Сысольске по ревизии 1795 г. стало 49. Двухдетных семей – 85. Трехдетных семей стало 83. В 55 семьях было четверо детей. В 31 семье на период проведения ревизии 1795 г. было зафиксировано пятеро детей. Шесть детей было в 19 семьях, семь детей – в восьми семьях. Восемь детей отмечено в одной семье. И девять детей – наивысший показатель детности – зафиксирован в одной семье. Таким образом, при исключении из учета детей, умерших в возрасте от 0 до 5 лет включительно, увеличилось количество семей с одним, двумя и тремя детьми. Очень незначительно уменьшилось количество семей с четырьмя детьми. Больше изменилось в сторону уменьшения количество детей с пятью и шестью детьми. Весьма немного увеличилось количество семей, в которых было семь детей. Значительно снизилось количество семей с 8 детьми.

В процентном выражении доля бездетных семей в общей массе проанализированных составляет, как и ранее, 5,14 %. Доля однодетных семей стала равняться 14 %. Доля двухдетных семей – 24,29 %, трехдетных – 23,71 %. Доля семей с четырьмя детьми – 15,71 %. Доля пятидетных семей – 8,86 %. Доля семей с шестью детьми стала равняться 5,43 %. Доля семей с семью детьми – 2,28 %. И доля семей с восьмью и девятью детьми была равна 0,29 % в каждой группе.

Малодетных семей мещан города Усть-Сысольска насчитывалось 134 (39,29 %), среднететных – 138 (39,42 %) и многодетных – 60 семей (17,16 %).

Таким образом, в городе Усть-Сысольске при проведении ревизии 1795 г. весьма незначительно преобладали среднететные семьи. С ними почти были равны по доле в общей массе проанализированных малодетные семьи. В то же время после проведенной коррекции доля многодетных семей снизилась. Указанное положение приводило к тому, что численность горожан Усть-Сысольска в указанное время увеличиваться достаточно быстро за счет естественного прироста не могла.

Источники и литература

1. Мацук М.А., Сморгунов В.В. Ревизская сказка города Усть-Сысольска 1795 года // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2017. № 3 (39). С. 8–118.

С.Я. Суций*

Геодемографическая динамика русского населения закавказских территорий Российской империи в XIX – начале XX века**

В статье анализируется количественная и пространственная динамика русского населения российского Закавказья в XIX – начале XX в. Был зафиксирован поступательный рост русского этнического присутствия в регионе, максимально ускорившийся в последние десятилетия имперского периода. В целом за анализируемый период русское население Закавказья выросло с нескольких сотен до 400 тыс. чел. При этом характер его продвижения в регион долгое время имел существенные расселенческие особенности. Вплоть до реформенного периода основным русским населением в городах Закавказья были военные и чиновники, а в сельской местности – религиозные сектанты. К концу века социально-сословная и социoproфессиональная структура русских региона становится более разнообразной. К этому времени русские входят в группу ведущих этнических групп городского населения Закавказья, наиболее весомо представленную в крупнейших центрах региона. Существенно возрастает их удельный вес и в сельской местности, заметно расширяется общая география, хотя вплоть до конца имперского периода расселение русских в регионе продолжает сохранять анклавный характер.

Ключевые слова: геодемографическая динамика, русское население, Закавказье, гендерная структура, городская система, сельские территории

S.Y. Suschiy

Geodemographic dynamics of the Russian population of the Transcaucasian territories of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries

The article analyzes the quantitative and spatial dynamics of the Russian population of the Russian Transcaucasia in the 19th - early 20th centuries. The steady growth of the Russian ethnic presence in the region was recorded. He accelerated as much as possible in the last decades of the imperial period. During the analyzed period, the Russian population of Transcaucasia grew from several hundred to 400 thousand people. Until the reform period, the main Russian population in the cities of Transcaucasia was the military and civil servants, and in rural areas - religious sectarians. By the end of the century, the social-estate and socio-professional structure of Russians in the region is becoming more diverse. By this time, Russians are one of the leading ethnic groups in the urban population of Transcaucasia. The proportion of the Russian population in rural areas also increases significantly. Its geography is noticeably expanding, although it continues to maintain an enclave character.

Key words: geodemographic dynamics, Russian population, Transcaucasia, gender structure, urban system, rural territories

Формально границы Российской империи перевалили через Кавказский хребет в последней четверти XVIII в. – с 1782 г. под российским протекторатом находилась Восточная Грузия. Однако фактический выход империи в пределы Закавказья состоялся в первой трети XIX в. и был связан с чередой войн: в 1804–1813 и 1826–1828 гг. Россия воевала с Персией, в 1806–1812 и 1828–1829 гг. – с Османской Портой.

Все они оказались успешными для Российской империи, позволив ей к началу 1830-х гг. включить в своей состав значительную часть Южного Кавказа. На первые десятилетия XIX в. приходится и появление в Закавказье постоянного русского населения. Формирование в пределах региона стратегических центров и создание на местах разветвленной российской администрации определило социальный состав этого населения. Первыми более или менее многочисленными группами русских в Закавказье были военные и чиновники. Армейские гарнизоны и управленческие структуры тяготели к городам, прежде всего самым крупным. Как ре-

* Суций Сергей Яковлевич (Ростов-на-Дону) – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, 344006, г. Ростов-на-Дону, улица Чехова, 41, SS7707@mail.ru

** Работа выполнена в рамках исследовательского гранта Российского научного фонда (проект № 17-19-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология»).

зультат, русское этническое присутствие в таких центрах могло становиться заметным уже в первой четверти XIX в. Тем более что общие размеры даже крупнейших городов региона в это время были незначительными. К примеру, население Тифлиса в 1803 г. составляло только 11,8 тыс. чел. [1]. Даже небольшой воинский гарнизон и некоторое число имперских чиновников с семьями должны были создать хорошо различимую группу городского населения.

Однако рядом таких городских центров география русских Закавказья в это время в основном и ограничивалась. В отличие от активно колонизируемых южных территорий, степного Предкавказья и Северного Причерноморья, вошедшие в состав империи провинции южного Кавказа, обладали многочисленным местным населением и плотной поселенческой сетью. Масштабная крестьянская колонизация Закавказья выходцами из центральных губерний России и Малороссии была невозможна. И в целях увеличения русского этнического присутствия в регионе власть должна была находить и использовать другие формы. Одной из них стала организация поселений отставных солдат. Нередко такие поселения создавались в непосредственной близости от родных гарнизонов оставников, дислоцированных в Тифлисе, Цалке, Коджори, Манглиси, Цкаро, Ахалцихе и др.

Но в регионе достаточно скоро появляется еще одна группа русских, ориентированная уже исключительно на сельское проживание. В Закавказье начали прибывать староверы и религиозные сектанты (духоборы, молокане, субботники). Их переселение осуществлялось как насильственным образом, так и в добровольном порядке, которое, как правило, было согласовано с властями, но иногда представляло и самовольное перемещение в пределы Закавказья.

В первых двух вариантах власть соответствующими актами достаточно жестко регламентировала правовое положение религиозных переселенцев и районы их размещения. «В тот период русские села вкрапливались в поселения коренного крестьянства, отстоявшие подальше от городов. Со временем происходит трансформация правительственных взглядов на назначение этой категории русских переселенцев, в результате чего права раскольников и сектантов законодательно были расширены. Постепенно из категории людей гонимых они превращались в лиц, чьи права были приравнены к правам государственных крестьян с возможностью свободы передвижений» [2].

После решения российского правительства о высылке в Закавказье молокан и духоборов (октябрь 1830 г.) часть из них расселяется вдоль торговых путей, связывающих Россию и Грузию с Персией (по линии Тифлис – Дилижан – Эривань – Джульфа), другая часть размещается на турецком направлении (Тифлис – Ахалкалак – Карс – Эрзерум). Многие тысячи сектантов переселяются в пределы Шемахинской губернии. Их численность в ее пределах в 1848 г. достигает 9,8 тыс. чел. (1,76 тыс. семей) [3]. Таким образом, в пределах плотной системы расселения коренных народов региона к середине века появляются русские этнические анклавы, заключающие в целом десятки русских поселений.

Очевидно, что в условиях крайне ограниченного русского этнического присутствия власть пыталась использовать сектантов как дополнительную скрепу, связывающую данный специфический национальный регион с остальной империей. Именно этим можно объяснить расширение прав русских (восточнославянских) религиозных меньшинств, в т.ч. разрешение селиться им в городах, которым, впрочем, воспользовались очень немногие из молокан и духоборов (в упомянутой Шемахинской губернии в городах в середине XIX в. проживало только 5 % сектантов).

В целом, несмотря на усилия власти, численность русских в Закавказье оставалась весьма незначительной. По расчетам В.М. Кабузана, в конце 1850-х гг. их было около 25 тыс. чел. [4]. Однако эта цифра не включала многочисленных военных (дислоцированные в регионе команды линейных батальонов, артиллерийские и гарнизонные бригады, казачьи посты, инвалидные и военно-рабочие роты), общая численность которых составляла весьма внушительную величину «составляя до трети городских жителей в Тифлисе и Кутаиси, четверть населения города Гори, около 10 % Ахалциха и от 5 до 2 % Шемахи, Сигнахи, Телави, Елисаветполя и др.»* [5].

Безусловно, данные воинские части были интернациональны по своему составу. Однако этнические русские составляли значительную долю военнослужащих. И в середине XIX в. русские в городах южного Кавказа – это всё еще преимущественно военные и чиновники со своими семьями, а в сельской местности – в основном религиозные сектанты. Хотя по мере количественного роста и укоренения русского населения в регионе данная социодемографическая особенность начинает постепенно размываться.

Например, «в Тифлисе на Песках, над рекой Курой, возникает так называемая “молоканская слобода”, жители которой занимались промыслами, в частности, извозом, что составляло характерную особенность ремесленно-промысловой деятельности русских переселенцев... Позднее возникает слободка русских поселенцев в городе Баку... Помимо военного и гражданского чиновничества и сектантов, в Тифлисе оседали от-

* Таким образом, численность военных в середине века могла составлять в Тифлисе 7–7,5 тыс. чел., в Кутаиси и Ахалцихе – 0,8–1 тыс., а в других перечисленных центрах несколько сотен человек.

ставные чины со своими семьями. Из них образуется также самостоятельное приписанное к городу поселение – Новотроицкое... Иной характер носило расселение русских в городах с преобладающим мусульманским населением... Здесь они размещались в тех частях города, которые населялись армянским, т. е. христианским населением» [6].

Пореформенные десятилетия, связанные с быстрым ростом социально-экономической активности, существенно увеличивают масштабы притока русского населения в Закавказье. Параллельно способствует этому и сама возрастающая продолжительность пребывания региона в составе империи. Впрочем, речь идет о сложном и разнонаправленном процессе. Если в последней трети XIX в. в пределы Закавказья направляются все новые группы русских переселенцев, то некоторые славянские «старожилы», прожившие в регионе уже несколько десятилетий, в это же время его покидают. Так, попытка российских властей в самом конце века ввести среди местных духоводов воинскую повинность закончилась жестким конфликтом и миграцией значительной части закавказской общины в Канаду.

Но в любом случае численность русских как в городах, так и сельской местности региона растет быстрым темпом. Тем более что именно в 1880–1890-е гг. в имперской национальной политике всё более отчетливо начинается прослеживаться курс на социокультурную русификацию обширного Кавказского региона, в том числе его закавказских провинций. Как замечает А.А. Цуциев, «политика русификации складывается отчасти в качестве имперского ответа на консолидацию местных элит по этническому принципу и фактического блокирования ими возможностей для русского доминирования» [7].

За 15-летний период (1858 – начало 1870-х гг.) русское население Закавказья увеличивается почти в 3 раза – с 25 тыс. до 70–75 тыс. чел. В последующие 25 лет эта цифра вырастает еще вдвое. По переписи 1897 г., в пяти закавказских губерниях и Карсской области проживало уже почти 222 тыс. русских. Однако и этот значительно расширившийся этнический массив по-прежнему составлял менее 5 % населения региона. В пространственном отношении в Закавказье отчетливо выделялось два основных средоточия русского присутствия – Тифлисская и Бакинская губернии, на которые приходилось 152,7 тыс. (почти 69 %) всех русских региона (рис. 1). А в пределах данных губерний они максимально концентрировались в административных столицах – Тифлисе и Баку, двух крупнейших центрах Закавказья. Численность русских в них составляла соответственно 44,8 тыс. и 37,4 тыс. чел. (28,1 и 33,4 % горожан).

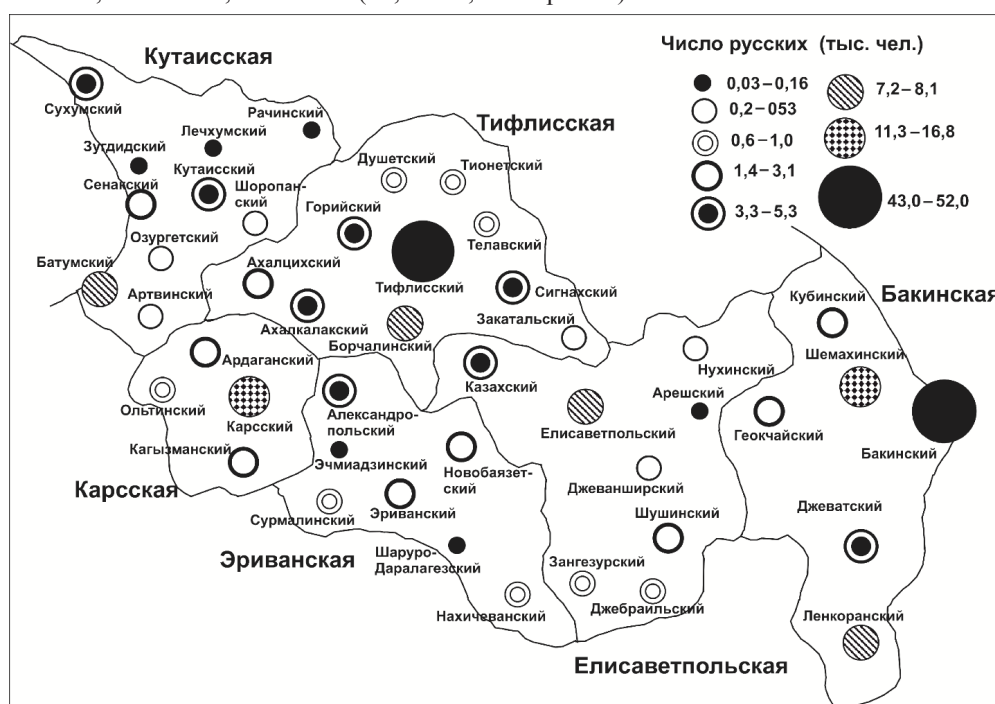

Рис. 1. Численность русских по уездам закавказских губерний, 1897 г. (тыс. чел.) (данные для рис. 1–3 и табл. 1 рассчитаны по [8]).

В остальных городах региона (включая другие губернские центры) не только число, но и удельный вес русских были существенно ниже (5–15 % в структуре населения). Но в целом на русских в конце XIX в. приходилось уже 16,8 % горожан Закавказья, а общий уровень урбанизированности местного русского населения составлял 54,5 % (в 3,5 раза выше, чем у русских всей империи).

Превысило к этому времени 100-тысячную отметку и число русских поселян в Закавказье. Причем в пределах Бакинской губернии и Карской области их доля в структуре местного сельского населения составляла уже 5,1 и 6,3 % соответственно. В поуездном разрезе доля русских в большинстве административных образований составляло 1–2,5 % (рис. 2).

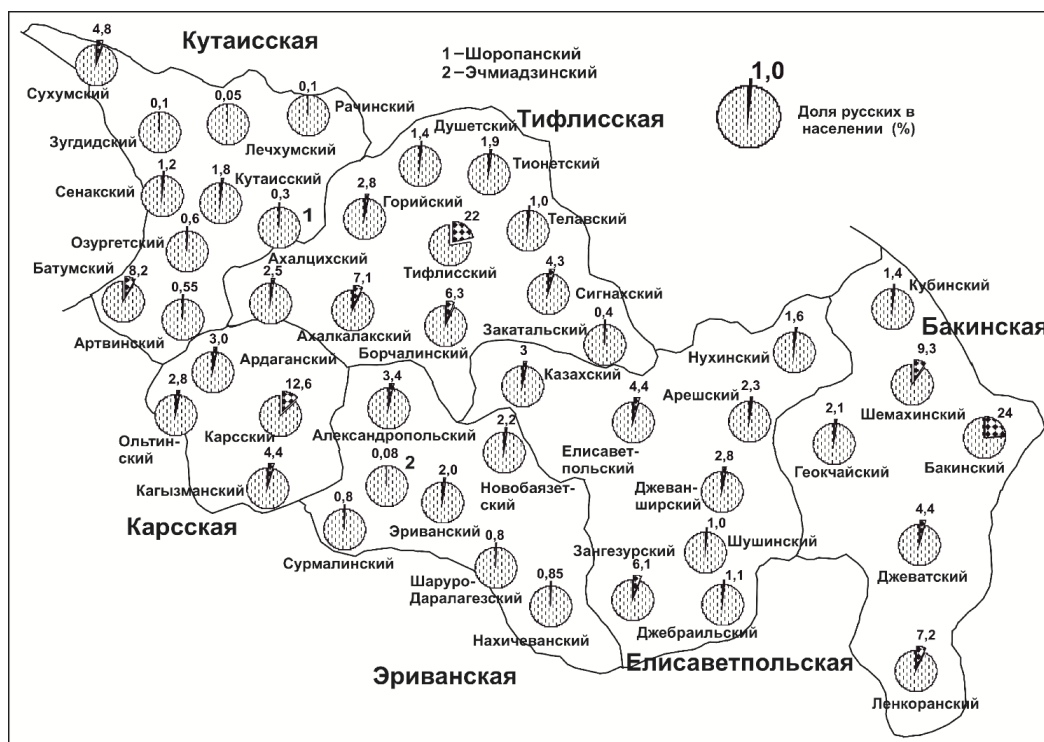

Рис. 2. Доля русских в населении уездов закавказских губерний, 1897 г., %

Итак, на рубеже XIX–XX вв. почти 2/5 всех русских региона (82,2 тыс. чел.) – жители Тифлиса и Баку, своего рода «столичные» горожане. На остальные городские центры Закавказья приходилось еще 17,2 % русских (38,1 тыс. чел.); в сельской местности проживало 45,7 % русского населения (101,3 тыс. чел.).

Следует учесть, что приведенные цифры включают военнотружеников, доля которых в составе русского населения отдельных закавказских губерний была самой значительной. Что не удивительно – по данным переписи 1897 г., на Кавказе размещалось 9,5 % всех воинских контингентов империи. Среди русских горожан пограничной Карской области доля военных достигала 66,9 %, в Эриванской губернии составляла 65,7 %; в Кутаисской и Елисаветпольской губерниях – соответственно 24,9 и 17,1 % [9]. Как результат, в большинстве городских центров этих провинций мужчин среди русского населения было в 3–6 раз больше, чем женщин (рис. 3).

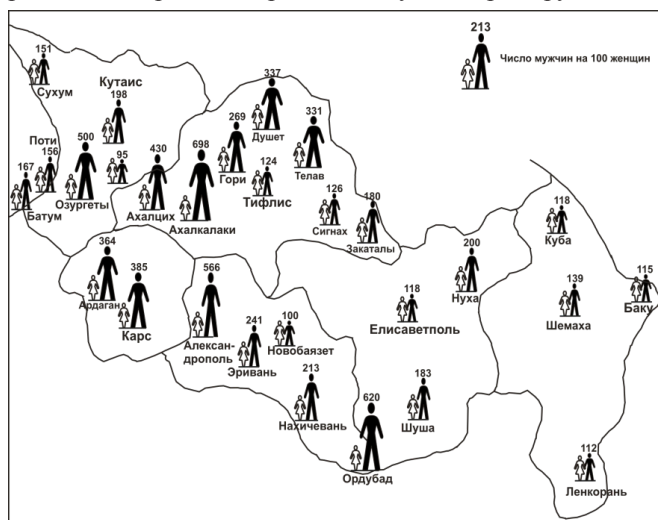

Рис. 3. Гендерная структура русского населения в крупных и средних городах Закавказья, 1897 г.

Воинские гарнизоны располагались и в сельской местности. Русское население Закавказья в гендерном аспекте почти повсеместно обнаруживало острый мужской перевес, достигавший максимума в Кутаисской губернии и Карской области (табл. 1). Другой причиной мужского количественного доминирования у русских региона являлись выросшие к концу XIX в. масштабы миграции (среди переселенцев и трудовых мигрантов мужчины составляли большинство). Показательно, что за 1886–1897 гг. гендерный дисбаланс русских общин большинства территорий Закавказья заметно усилился (в Эриванской губернии число мужчин на 100 женщин выросло со 102 до 159, в Кутаисской губернии – со 130 до 197, в Елисаветпольской – со 110 до 152, в Тифлисской – со 109 до 133).

Таблица 1

Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Закавказья, 1897 г.

Территории	Русское население, тыс. чел.			Урбанизация, %	Доля (%) русских среди			Гендерный баланс (мужчин на 100 женщин)		
	Всего	Город	Село		всего населения	горожан	жителей села	Всего	Город	Село
Бакинская губ.	73,6	40,1	33,5	54,5	8,9	23,6	5,1	118	116	122
Елисаветпольская губ.	14,1	3,5	10,6	24,8	1,6	3,9	1,35	152	140	156
Карсская обл.	22,3	6,4	15,9	28,7	7,7	16,9	6,3	187	464	139
Кутаисская губ.	19,3	13,4	5,9	69,4	1,8	13,7	0,61	197	176	258
Тифлисская губ.	79,1	49,1	30,0	62,1	7,5	21,8	3,6	132	133	131
Эриванская губ.	13,2	7,8	5,4	59,1	1,9	8,4	0,73	159	382	120

Этнодемографические тренды пореформенных десятилетий сохраняются и в начале XX в. Их результатом был достаточно быстрый количественный рост русского населения всего Закавказья и постепенное расширение его географии. К 1917 г. в пределах региона уже было расселено более 400 тыс. русских – на 81 % больше, чем на рубеже веков и в 16 раз больше, чем в конце 1850-х гг. Темпы этого демографического роста в территориальном разрезе напрямую соотносились с экономической активностью отдельных кавказских провинций. А в этом аспекте очевидным лидером Закавказья в конце имперского периода был Бакинский промышленный район.

За 1897–1917 гг. число русских в Бакинской губернии выросло более чем вдвое (табл. 2). В первую очередь, этот опережающий рост был связан с самим Баку (здесь русское население за 20 лет выросло с 37,4 тыс. до 104,6 тыс. чел.). Но по-прежнему привлекательным для русских переселенцев был и Тифлис – ведущий социокультурный центр региона. В этих двух центрах в середине 1910-х гг. проживало около 45 % русского населения всего Закавказья, а на две губернии (Бакинскую и Тифлискую) приходилось 72 % русских региона.

Таблица 2

Динамика русского населения в Закавказье, 1858–1917 гг. (составлено по [10])

Территории	Численность русских, тыс. чел.				Доля русских в населении, %			
	1858	1871–1874*	1897	1917	1858	1871–1874*	1897	1917
Бакинская губ.	14	18,2	73,6	156,2	2,7	4,1	8,9	14,2
Елисаветпольская губ.		8,9	14,1	43,9	1,5	2,4	1,6	4,0
Карсская обл.		8,2	22,3	15,4		5,4	7,7	3,9
Кутаисская губ.	1,7	1,23	19,3	16,0	0,5	0,21	1,8	1,5
Сухумский окр.		0,86		16,7		1,36		11,4
Батумская обл.		–		7,3		–		4,0
Тифлисская губ.	7,0	36,4	79,1	133,2	1,1	5,5	7,5	9,8
Закатальский окр.		0,26		0,3		0,35		0,3
Эриванская губ.	6,0	4,34	13,2	12,2	1,5	0,82	1,9	1,2
Всё Закавказье	24,7	78,4	221,6	401,2	1,1	2,54	4,7	6,2

* Вместе с украинцами и белорусами.

С рубежа XIX–XX в. имперской властью начинают осуществляться и все более целенаправленные «попытки создать если не сплошные сегменты, то насыщенные сети русских поселений... Эти попытки реализуются в формировании сети переселенческих участков, возникновении новых поселений по линиям железных дорог, в предместьях городских центров. В это время возникает «Русская Мугань» – район с компактным православным населением на опустошенных кочевьях тюркского племени шахсевенов» [11]. Только за 1912–1917 гг. в пределах Талышской низменности (правобережье Куры от Карабаха до Каспийского моря) было основано более 50 русских поселений (более 20 тыс. чел.) [12]. Еще несколько десятков сел в этот же период возникло на побережье Каспийского моря в Кубинском и Ленкоранском уездах. Столь масштабная колонизация была бы невозможна без протекционной политики центральной власти, планировавшей широкое заселение русскими Муганской и Мильской степей.

Показательно, что желание ряда богатых азербайджанцев вложиться в развитие хлопководства в Муганской степи встретило жесткую реакцию со стороны канцелярии главноначальствующего по гражданской части на Кавказе, извещавшей бакинского губернатора о том, что «заселение означенной соседней с Ираном степи мусульманским населением является с политической точки зрения совершенно недопустимым и что в политических видах эта степь должна быть заселена... русскими людьми...» [13].

Аналогичные планы имелись и в отношении Мильской степи, заселение которой русскими, как отмечалось в отчете о состоянии Елизаветпольской губернии за 1901 г., «отвечая современным государственно-экономическим запросам, будет иметь и серьезное политическое значение, ибо между закавказскими провинциями, населенными магометанами шиитского вероисповедания, и единоверною им Персиею пройдет широкая полоса, заселенная коренным русским элементом...» [14].

Впрочем, Мугань была своего рода исключением. В пределах Закавказья было совсем немного низменных и малонаселенных территорий, позволявших организовать широкую крестьянскую колонизацию из центральных регионов России. И в других провинциях Южного Кавказа небольшое количество русских сел по-прежнему просто тонуло в плотной системе расселения местных народов. Даже в пределах Русской Мугани (Ленкоранский уезд Бакинской губернии) русские в начале XX в. составляли всего 8 % (10 тыс. чел. из 120 тыс. населения).

Таким образом, спустя столетие после включения Закавказья в состав империи значительная этническая русификация всего региона оставалась для российской власти задачей практически непосильной. Однако в пределах ряда провинций региона русское этническое присутствие в начале XX в. стало достаточно весомым. Помимо уже названных территорий отметим здесь причерноморский Сухумский округ, в котором численность русских за 1897–1917 гг. выросла в 3,3 раза (с 5,1 тыс. до 16,7 тыс. чел.).

Итак, этнодемографическое освоение русскими Закавказья в XIX – начале XX в. представляло постепенно ускоряющийся процесс, набравший максимальную скорость в последние 30–40 лет имперского периода. Уже к середине XIX в. русские (прежде всего за счет воинских гарнизонов) выдвигаются в группу ведущих этнических групп городского населения Закавказья, наиболее весомо представленную в его крупных и средних центрах. В сельской местности русские долгое время были представлены сектантами, анклавно расселенными в пределах всего региона. В пореформенный период социально-сословная и социoproфессиональная структура русского населения Закавказья становится более разнообразной, а его география заметно расширяется, не утрачивая, впрочем, своего анклавного характера.

В целом за весь анализируемый период численность русских в Закавказье выросла с нескольких сотен до 400 тыс. чел., а доля в структуре населения региона к середине 1910-х гг. поднялась до 6,2 %. При этом данный затяжной восходящий геодемографический тренд в самой значительной степени коррелировал с социально-политической устойчивостью империи, что в полной мере подтвердилось масштабным сокращением русского населения региона в первые послереволюционные годы (1918–1922 гг.).

Источники и литература

1. Карапетян С. Мэры Тифлиса. Ереван. 2003. С. 9.
2. Исмаил-Заде Д.И. Население городов Закавказского края в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 75.
3. Исмаил-Заде Д.И. Указ соч. С. 75.
4. Кабузан В.М. Русские в мире. М., 1996, С. 286.
5. Исмаил-Заде Д.И. Указ соч. С. 154.
6. Исмаил-Заде Д.И. Указ соч. С. 91–92.
7. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 33.
8. Составлено по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg
9. Исмаил-Заде Д.И. Указ соч. С. 233–235.
10. Демоскоп Weekly (приложения) URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=566;
- Кабузан В.М. Указ. соч. С. 286; Кавказский календарь на 1886 год. Тифлис. 1885. С. 234.
11. Цуциев А.А. Указ соч. С. 35.
12. Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990. С. 9.
13. История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960. С. 463.
14. Указ соч. С. 464.

Ю.В. Аргудяева*

Миграция казаков и крестьян на юг Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века)

Освещаются особенности миграции казаков и крестьян из числа восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов) из европейской части России, Сибири, Забайкалья на юг Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в. Рассматривается роль правительственных структур в организации и проведении основных этапов переселенческого движения сельского населения на восток страны. Выявлены причины и численность преобладания украинцев на определённых этапах переселенческого движения.

Ключевые слова: миграция, казаки, крестьяне, восточные славяне, юг Дальнего Востока России

Y.V. Argudyaeva

Migration Cossacks and peasants on the South East of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)

The features of migration of Cossacks and peasants from among the East Slavic peoples (Russians, Ukrainians, Belarusians) from the European part of Russia, Siberia, Transbaikalia to the south of the Far East of Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries are highlighted. The role of government structures in organizing and conducting the main stages of the resettlement movement of the rural population in the east of the country is considered. The reasons and the number of Ukrainians prevailing at certain stages of the resettlement movement are revealed.

Key words: migration, Cossacks, peasants, Eastern Slavs, the south of the Far East of Russia

В настоящее время более 90 % населения юга Дальнего Востока – Приамурский край (Амурская область и Приморская область, с входившем в её состав Южно-Уссурийским краем (Приморьем) составляют потомки казаков и крестьян из числа восточнославянских (русские, украинцы, белорусы) народов, тесно взаимосвязанных между собой социально-экономическими, соседскими, брачными, культурными контактами. Это население сложилось исторически в результате заселения Приамурского края с 50-х гг. XIX в. казаками и крестьянами из разных губерний Европейской России, Сибири, Алтая, Забайкалья, отличавшихся региональными особенностями.

Среди крестьян и казаков встречались выходцы почти из всех губерний России, большинство из которых исповедовали официально признанное православие. Интересны и группы русских крестьян иных конфессиональных воззрений – молокан, духоборов (духоборцев), старообрядцев и их потомков. Неоднородно по конфессиональному составу украинское и белорусское население.

Интенсивное заселение южной части Дальнего Востока восточными славянами – казаками и крестьянами – началось в 60-е гг. XIX в. после воссоединения этого региона с Россией по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам первоначально за государственный счет. Но ещё до подписания этих трактатов, в целях защиты дальневосточных земель от посягательств иностранных государств, летом 1854 г. был осуществлен первый сплав русских по Амуру под руководством генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, позднее получившего за свою деятельность графское достоинство и имя Муравьев-Амурский. На Амур были доставлены сводный батальон регулярных частей и конная сотня забайкальских казаков.

Основные переселенческие потоки казаков на юг Дальнего Востока России начались в 1855 г. Первая массовая казачья колонизация в этот регион произошла в 1855–1862 гг. Переселение казаков в этот период имело две задачи: главную – заселить новые территории по рекам Амур и Усури, обеспечив их оборону и хозяйственное освоение, и составить контингент для образования нового Амурского казачьего войска; допол-

* Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, argudiaeva@mail.ru.

нительную – увеличить численность казачьего населения в крае. Главная задача разрешалась переселением на Амур и Уссури забайкальских казаков, а дополнительная – переселением как в Забайкальское, так и в Амурское войско штрафованных нижних чинов из гарнизонных батальонов внутренней стражи, расквартированных в европейской части страны. Это переселение носило принудительный характер, проводилось поспешно. Поселки создавали главным образом для защиты окраины Русского государства, а также для почтового сообщения по всей линии рек Амура и Усури до Владивостока.

Второе массовое переселение казаков было осуществлено в течение одного года (1879). Примерно половина казачьего населения, проживавшего на р. Уссури, переселилась в Южно-Уссурийский край, заняв там территорию вдоль русско-китайской границы. Главная цель переселения заключалась в необходимости хозяйственного освоения Южного Приморья и обеспечения его пограничной охраной.

1895 год дал начало новому крупному переселенческому потоку казаков, на этот раз направленному в Приморье в основном из Оренбуржья, Дона, Забайкалья для обеспечения охраны территории вдоль строявшегося полотна железной дороги и увеличения численности казачества на юге Дальнего Востока. Это переселение продолжалось до конца XIX в. и в первые годы XX в. [1]. Понимая всю важность и необходимость быстрее заселения и хозяйственного освоения Приамурья, Н.Н. Муравьев обратил внимание на крестьянство.

В отечественной литературе неоднократно делались попытки определить этапы миграционного движения крестьян на юг Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в. [2]. Заслуживает внимания хронология, данная Л.Л. Рыбаковским. Выделив во всем многообразии факторов, влиявших на переселенческое движение, главный – социально-экономические условия выселения крестьян из малоземельных районов европейской части России, он всю дореволюционную эпоху заселения дальневосточных земель делит на четыре периода: первый (1855–1882) – от первых переселений до начала аграрного кризиса; второй (1883–1899) – от начала аграрного кризиса до вступления России в эпоху империализма и промышленного кризиса; третий (1900–1906) – от промышленного кризиса до начала столыпинской аграрной реформы; четвертый (1907–1917 гг.) – от начала столыпинской аграрной реформы до Октябрьской революции [3].

В Приамурье в 60-е гг. XIX в. возникло три основных района крестьянской колонизации: первый – в низовьях Амура между Мариинском и Николаевском, второй – по берегам Амура между Хабаровкой и Софийском, третий – в долине среднего Амура с его левыми притоками Зеей и Буреёй.

Крестьянские переселения в низовья Амура начались в 1855 г. Первыми были 50 крестьянских семей из Иркутской губернии и Забайкальской области (474 души обоего пола), назначенные вначале на Камчатку. Они поселились в устье Амура между Николаевским и Мариинским постами и образовали несколько селений [4].

Но этого населения для освоения земель по берегам такой огромной реки, как Амур, было явно недостаточно. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев в 1858 г. представил Сибирскому Комитету, ведавшему переселениями в восточные регионы страны, свой проект «Правил» для переселения крестьян в Приамурский край, где обосновал, что переселение надо разрешить всем лицам свободного состояния, на свой счет, по желанию, но правительство должно предоставить ряд льгот. В частности, предлагалось, что крепостные люди, «зашедшие» в Амурскую и Приморскую области, становятся свободными. Для переселенцев необходимо было устранить все формальности и препятствия (кроме состояния под судом и следствием). На новом месте они освобождались от рекрутской повинности на 10 лет и от всех государственных податей на 20 лет. Им должны были позволить выбирать самим себе место для поселения и выдать ссуду на домообзаводство из хозяйственного капитала Восточной Сибири. Однако при существовавшем крепостном праве Министерство государственных имуществ, ведавшее в том числе и переселениями крестьян, усматривало большую опасность в постановке дела на столь широких началах, но разрешило Н.Н. Муравьеву устраивать в Приамурском крае переселенцев, прибывших на свой счет, и выдавать им ссуду на обзаведение, используя для этого 50 000 руб. из хозяйственного капитала Восточной Сибири, с взысканием по 3 % ежегодно [5].

Ассигнованные на ссуды из хозяйственного капитала Восточной Сибири деньги были распределены между Иркутским, Забайкальским и Амурским военными губернаторами. Предполагалось всю сумму ссуды выдавать частями: в Иркутске выдать по 10 руб. на семью для приобретения земледельческих орудий, в Чите – 20 руб. на покупку скота и такую же сумму в Благовещенске для устройства жилищ.

В Министерстве государственных имуществ было решено заселять Приамурье постепенно, ежегодно направляя сюда из внутренних губерний России до 500 семей государственных крестьян из расчёта затрат на переселение одного человека до Иркутска, где находилось Главное управление Восточной Сибири (ГУВС), 150 руб. Для этих целей в распоряжение министерства из Государственного казначейства предполагалось выделять до 100 тыс. руб. ежегодно [6].

Переселение крестьян из центральных губерний России в таких предполагаемых объемах было совершенно новым и затратным делом. В связи с этим Сибирский комитет в апреле 1859 г. определил следующие

правила: из 500 назначенных для переселения семей отправить в Приамурский край только 250, остальные расселить в ближайших сибирских губерниях. Расходы на переселение как на Амур, так и в Западную Сибирь определить в 100 тыс. руб. В случае, если этих денег не хватит, взять еще 100 тыс. руб. из сумм, определенных для переселения крестьян в 1860 г., но в таком случае не отправлять в 1860 г. переселенцев на Амур [7].

В итоге, к переселению на Амур определили 138 русских крестьянских семей из Вятской губернии, 50 – из Тамбовской, 41 – из Пермской, 14 – из Воронежской и четыре семейства «самовольно зашедших в Томскую губернию» крестьян из Орловской губернии. В конце 1859 г. 230 семей (1770 чел.) прибыли в Иркутск. В январе 1860 г. они вышли в направлении к Чите, откуда с открытием навигации были сплавлены на плотках и баржах в Приморскую область, в Хабаровку. Остальные семьи, зазимовавшие в Западной Сибири, были отправлены на Амур в 1861 г. [8]. Крестьянами в низовьях Амура были образованы селения Воронежское, Вятское, Сарапульское, Яблоновское Троицкое, Пермское (Мылки), Горин (Тамбовская слобода), Жеребцовское (Бирминское), Мариинск (Кизи).

В этот период началось переселение крестьян и казаков в Амурскую область. Сюда в 1859–1860 гг. из Сибири, Забайкалья, Полтавской и Таврической губерний прибыло 731 крестьян-переселенцев, которые основали селения Александровское, Белогорье, Воскресенское, Высокое, Новоастраханское, Черемховское, Никольское [9].

С отменой крепостного права переселение крестьян стало отвечать основным положениям проекта Н.Н. Муравьева [10]. 26 марта 1861 г. были приняты «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», предоставлявшие переселенцам ряд льгот [11]: отвод свободных участков земли во временное пользование или в полную собственность; выделение 100 десятин земли на семью в бесплатное пользование на 20 лет; возможность переселенцам дополнительно приобрести землю в собственность по цене 3 руб. за десятину; освобождение переселенцев в течение первых 20 лет со времени водворения от государственных повинностей и податей, а также в течение десяти наборов – от рекрутской повинности и навсегда – от подушной подати. В январе 1882 г. действие «Правил» было продлено на 10 лет, а по их истечении – на следующее десятилетие [12]. Эти «Правила» имели силу до 1900 г., и всех крестьян, переселившихся до этого времени, называли «старожилами-стодесятинниками» или просто «старожилами».

Интенсивная свободная крестьянская колонизация юга Дальнего Востока началась с 1861 г. и продолжалась до 1881 г. Однако, несмотря на сдерживание переселения крестьян крупными помещиками, боявшихся потерять дешевые рабочие руки, и трудности в пути, «на Амур» дошли в этот период из Европейской России и Сибири 11 634 крестьян-переселенцев, большая часть которых (68,2%) расселилась в Амурской области [15 ((21 (22))].

В южной части Приморской области (Южно-Уссурийский край или Приморье) в эти же годы почти одновременно возникло несколько центров русских поселений – в районе бухты Св. Ольга, в Приханкайской низменности, на оз. Ханка и некоторых др. Удобную гавань бухты Св. Ольга и долины впадающих в неё рек Аввакумовка и Ольга, первоначально стали осваивать ссыльные и отставные военные. Первые крестьяне прибыли в этот район с Нижнего Амура, куда они незадолго до этого переселились из Воронежской, Вятской, Тамбовской и Пермской губерний.

Стремясь быстрее заселить земли, близкие к морским гаваням, царское правительство в 1866 г. утвердило «Особые правила», по которым переселенцам в Южно-Уссурийский край предоставлялись дополнительные льготы (100-рублевая денежная ссуда на семью, солдатский паек до нового урожая и др.). Этим воспользовались 1371 чел. крестьян из Амурской области, сравнительно недавно переселившиеся туда из Астраханской, Воронежской и некоторых других губерний [13]. Ими были основаны селения Астраханка, Никольское, Раздольное, Троицкое и др. В 1870 г. в Приморье переселилось несколько десятков семей староверов-семейских из Якутии, попавших туда в 50-е гг. XIX в. из Забайкалья для обслуживания Аянского тракта.

Итак, на первом этапе переселенческого движения на юг Дальнего Востока переселилось 16 843 чел., в том числе 30,2 % казаков и 69,1 % крестьян. С 1861 по 1881 г. сельскими жителями было основано 134 населенных пункта [14].

К началу 1880-х гг. в Европейской России увеличились волнения крестьян, и одновременно возросла тяга крестьян к переселению на свободные казенные земли. Острота аграрных противоречий в Европейской России в значительной мере обусловила поворот в переселенческой политике государства, которое пошло на ряд уступок в организации крестьянского переселения на юг российского Дальнего Востока, подчинив его государственному контролю и регулированию.

10 июля 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли» [15], а в июне 1882 г. вышел закон «О казеннокоштном переселении в Южно-Уссурийский край» [16], согласно которому в течение трех лет сюда из губерний Европейской России должны переселяться морем ежегодно по 250 крестьянских семей с отнесением всех расходов по перевозке переселенцев и обустройству

их быта на новом месте за счёт казны [17]. Переселенцы получили и ряд других льгот – с них слагались все мирские и земские недоимки в податях и выкупных платежах.

Большое значение для переселенческого движения имело открытие в 1879 г. морского сообщения между Одессой и Владивостоком. С 1883 г. по решению Государственного совета организуется доставка переселенцев морем из Одессы во Владивосток (Южно-Уссурийский край) на судах Добровольного флота. В 1883–1885 гг. сюда на казенный счет морским путем переселилось и водворилось 754 семьи (4688 чел.) [18]. На это государство истратило более одного миллиона руб. [19]. С 1886 г. казеннокоштное переселение было прекращено и возобновилось лишь в 1895–1899 гг., когда в Южно-Уссурийский край переселились 2331 чел. обоего пола [20].

Помимо казеннокоштного разрешалось и своекоштное переселение с предоставлением льгот по правилам 26 марта 1861 г. Переселенцам представлялась возможность получить ссуду до 600 руб. (позднее она была уменьшена до 300 руб.) сроком на 33 года. Своекоштное переселение началось с 1884 г. На него решались лишь обеспеченные крестьяне, поэтому в 80–90-е гг. XIX в. значительная часть бедноты оставалась вне переселений. Правда, некоторые родственные и соседские семьи, желая переселиться, объединялись в одну семью для внесения залога. Надежды правительства на то, что переселенцы будут прибывать в край с достаточными средствами на руках, не оправдались.

Наличие бедняцкой прослойки в переселенческом движении в определенной степени способствовали и организаторы переселения. Если к моменту отплытия в Одессе скапливалось крестьян больше, чем было мест на пароходе, их всё же всех сажали на судно. Это определило и плохие условия перевозки переселенцев: темные трюмы, скученность, спертый воздух, однообразная и недоброкачественная пища, плохая вода. Отсюда высокий уровень заболеваемости, в том числе инфекционными болезнями, и смертности, прежде всего детской. По подсчетам С.А. Уродкова, в течение 1883–1893 гг. общая смертность среди переселенцев морским путем составила 5,2 % [21].

И всё же, определенные льготы правительства дали немалый приток «морских» переселенцев, преимущественно крестьян, в Приморскую область, в том числе и в Южно-Уссурийский край, который начиная с 1883 г. превратился в основной колонизируемый район юга российского Дальнего Востока. В частности, в Южно-Уссурийский край в период с 1883 по 1901 г. морем прибыло 55 208 чел. [22]. Эти переселенцы осели в 65 селениях Приморья, из которых 54 были вновь основаны.

Параллельно с морским переселением на юг Дальнего Востока осуществлялось и сухопутное – через Сибирь по железной дороге, затем на лошадях до Читы и далее на плотах и пароходах по рекам Шилке, Аргуни, Амуру. Всего с 1882 по 1891 г. сухопутным в регион прибыло 26 049 чел., в том числе 25 223 крестьянина, было основано 111 селений [23].

Региональный состав восточнославянского населения, переселившегося на юг Дальнего Востока в этот период, был довольно пестрым. В 50–70-е гг. XIX в. в переселенческом движении в дальневосточный регион участвовали в основном русские крестьяне преимущественно из Черноземного Центра, Среднего Поволжья, Северного Приуралья, Сибири и отчасти Украины. Это были в основном русские из 20 губерний и областей Европейской и Азиатской России. Доля жителей украинских и белорусских губерний на этом этапе оставалась незначительной.

С 80-х гг. XIX в. основная ставка в переселенческом вопросе была сделана на украинские губернии, прежде всего, на Левобережную Украину (Черниговская, Полтавская, Харьковская губернии). Такой подход обосновывался рядом причин: в Левобережной Украине к 80-м гг. XIX в. усилились социально-экономические и демографические процессы. В частности, из-за естественного прироста населения произошло сильное сокращение земельных наделов. В украинских губерниях в отличие от центральных губерний России было распространено преимущественно подворное землепользование. Это позволяло крестьянину продать свой земельный участок, усадебные и хозяйственные постройки, инвентарь. Вырученные средства крестьянин-украинец мог использовать на новом месте проживания. Вместе с правительственными ссудами и земельными льготами на эти средства можно было на новом месте поднимать хозяйство.

Росту переселений из украинских губерний в значительной степени способствовала возможность морских перевозок крестьян из Одессы во Владивосток. Из 26 049 чел., переселившихся на юг российского Дальнего Востока во второй период колонизации (1882–1891 гг.), на долю выходцев из губерний Украины приходилось 17 165 чел., или 65,9 % [24], которыми заселялся в основном Южно-Уссурийский край.

Преобладающий поток переселенцев на российский юг Дальнего Востока в 1890-е гг. состоял также из крестьян украинских губерний – 75,5 % [25]. На втором месте – представители Белоруссии (10,5%), на третьем – Центрально-Земледельческого района (8,1 %). Выходцы из остальных регионов страны составляли 5,9 % переселенцев, осевших на Дальнем Востоке. Так, в 1892–1900 гг. в Амурскую область прибыло с Украины 59,6 % крестьян, из Белоруссии – 19,3 %, Центрально-Земледельческого района – 15,4 % и остальных – 11,7 %;

в Приморскую область – соответственно 91,8; 3,9 и 1,7 % [26]. Число переселенцев из украинских губерний возросло по сравнению с периодом 1882–1891 гг. на 9,6 %.

Общие итоги переселенческого движения на юг российского Дальнего Востока в первое сорокалетие пореформенного периода были таковы: с 1861 по 1901 г. в край прибыли 116 616 чел., из них крестьян – 95 398 (81,8 %), казаков — 10 512 (9 %), неземледельческого населения – 10 706 (9,2 %). Обратного в тот период возвращалось не более 2 % переселенцев [27]. Таким образом, во второй половине XIX в. земледельческая колонизация имела определяющее значение.

Процесс вступления России в конце XIX – начале XX в. в новую стадию развития вызвал значительные изменения в жизни страны. Русско-японская и Первая мировая войны, экономические кризисы и революции 1905 и 1917 гг., широкое железнодорожное строительство, разгром крестьянской общины – основные моменты российской истории, которые пришлось на самый крупный в истории России переселенческий поток.

Значительный приток переселенцев в 80–90-е гг. XIX в., увеличение общей численности населения российского юга Дальнего Востока позволили правительству пересмотреть закон 26 марта 1861 г. и утвердить 22 июня 1900 г. новые «Временные правила для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» [28], по которым прибывшие и водворившиеся на юге Дальнего Востока получали уже не 100 десятин земли, а только по 15 десятин удобной земли на мужскую душу. Этих крестьян стали называть «новоселами».

В начале XX в. переселенческий поток крестьян-новоселов Дальнего Востока формировался в основном выходцами из украинских и центральных российских земледельческих губерний. Устраивались на новых местах с большими трудностями, так как селились на заросших лесом и заболоченных землях, значительно удаленных от обжитых мест. Многие крестьяне разорялись, становились батраками или стремились переселиться в другие места.

В 1904–1905 гг. в связи с началом русско-японской войны переселение на Дальний Восток прекратилось; в Приморской области не было образовано ни одного нового селения. Механический прирост населения осуществлялся в основном за счет оседавших после окончания военной службы «нижних чинов».

Новая крупная переселенческая волна в 1906–1907 гг. совпала со столыпинской аграрной реформой, основная цель которой – насаждение частного крестьянского землевладения. Она предполагала разрушение общины, появление хуторов и отрубов, переселение беднейшей части крестьян на малозаселенные земли России.

В условиях столыпинской политики на юг Дальнего Востока России хлынула сельская беднота, основной причиной переселения которой было безземелье, малое количество скота, безденежье [29]. Поэтому большинство крестьян-переселенцев не смогли завести собственное хозяйство, значительная их часть возвращалась обратно, остальные шли в отход.

В 1906–1917 гг. Амурская и Приморская области заселялись в основном за счет крестьян, преимущественно из украинских губерний (56,25 % всех переселенцев) [30]. На втором месте была Сибирь, затем – Белоруссия и Литва, Центрально-Земледельческий район, Степной Край, Нижнее Поволжье. Основной поток переселенцев оседал в Приморской области [31].

В годы столыпинской аграрной реформы Амурская и Приморская области заселялись главным образом за счет притока земледельческого крестьянского населения, причем удельный вес временного неземледельческого населения сокращался. В заселении края все большую роль начинают играть выходцы из новых районов и губерний и переселенцы приступают к колонизации еще неосвоенных районов Амурской и Приморской областей (Селемджинская, Буреино-Архаровская, Томско-Бельская и Суражевская территории Амурской области; Иманский, Хабаровский, Удский районы Приморской области) [32].

Переселение казаков на Дальний Восток и приток извне неземледельческого населения в города в 1906–1916 гг. имели второстепенное значение. За это время в Амурскую область, например, переселились 11 792 казака, что составило 4,5 % общего числа переселенцев на юг российского Дальнего Востока [33].

Таким образом, заселение южной части Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. – это прежде всего крестьянская и отчасти казачья восточнославянская колонизация с преобладанием на первом этапе русских, а на последующих – украинцев.

Источники и литература

1. *Сергеев О.И.* Казачество на русском Дальнем Востоке в XVI–XIX вв. М., 1983. С. 67.
2. *Кольцова Н.К.* Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. Владивосток, 1956. С. 128; *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 46–47; Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. Владивосток, 1991. С. 31, 77 и др.
3. *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 46–47.

4. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 54, 252.
5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 542. Д. 443. Л. 321 об.
6. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 61. Л. 34.
7. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 61. Л. 36 об.
8. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 61. Л. 37.
9. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 62.
10. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 443. Л. 322.
11. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 443. Л. 322 об.
12. Осипов Ю.Н., Сергеев О.И. Сельскохозяйственное освоение Приамурья и Приморья во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С. 68.
13. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. Владивосток, 1991. С. 32.
14. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. Владивосток, 1991. С. 32.
15. РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 67. Л. 145–146.
16. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. 2. Вып. 2. С. 134–138.
17. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб., 1900. С. 75–76.
18. Кольцова Н.К. Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. Владивосток, 1956. С. 129.
19. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX вв. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 32.
20. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX вв. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 32.
21. Уродков С.А. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах // Из истории СССР. Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. ист. Л., 1959. Вып. 32. С. 191.
22. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 97.
23. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. Владивосток, 1991. С. 34.
24. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. Владивосток, 1991. С. 36.
25. РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 562. Л. 277, 317; Обзоры Амурской области за 1892–1900 гг. Благовещенск, 1893–1901. С. 35–37; Обзоры Приморской области за 1892–1900 гг. Владивосток, 1893–1902 гг. С. 25, 29, 35.
26. РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 562. Л. 277, 317; Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX вв. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 114–119; Риттих А.А. Переселенческое крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае: Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления. СПб., 1899. Прил. 7–8.
27. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 239.
28. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913. С. 126.
29. Меньщиков А.А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Владивосток, 1914. Т. 5. С. 37–38, 43.
30. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 146.
31. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 146, 149.
32. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 151.
33. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 136.

А.А. Бурматов*

Смертность населения в Сибири накануне коллективизации

В статье рассматривается смертность населения в Сибири накануне коллективизации. Тенденции в демографической сфере изучаемого периода важны для понимания эволюции населения и позволяют в дальнейшем оценить потери населения в ходе проведения коллективизации.

Ключевые слова: Сибирь, смертность, младенческая смертность, санитарное состояние, гигиена

A.A. Burmatov

Population mortality in Siberia on the eve of collectivization

The article deals with the mortality rate in Siberia on the eve of the collectivization. Demographic trends in the period under study are important for understanding the evolution of the population and allow to esteem the further loss of population during the collectivization.

Key words: Siberia, mortality, infant mortality, sanitary condition, hygiene

С началом восстановления народного хозяйства в годы нэпа произошло и улучшение показателей воспроизводства населения. Повсеместно наблюдалась компенсаторная волна, связанная с реализацией рождений, не осуществленных в предшествующие годы. Высокая рождаемость сочеталась со снижением смертности населения. В 1926 г. в городах Западной Сибири показатель смертности составил 24,5‰, в 1927 г. – 23,3‰, 1928 г. – 21‰, а в 1929 г. – 22‰. У сельского населения соответственно 25,9‰; 25,4‰; 22 ‰ и 23‰ [1, с. 4; 2, с. 137]. В селах смертность была выше вследствие более высокой рождаемости и худшего медицинского обслуживания. Невысокий уровень грамотности способствовал низкому санитарному просвещению населения. Факт, который мог нивелировать влияние более высокого уровня жизни жителей Сибири. Повышенный уровень смертности в Сибири, чем в целом по стране, напрямую связан с худшими социально-бытовыми условиями и медико-санитарным обслуживанием. В 1927–1929 гг. естественный прирост был в городах – 23–25‰ и в селах – 31–36‰ ежегодно. Население вошло в период демографического взрыва. Исследователи в годы нэпа считали, что увеличение темпов прироста населения вызвано уступками большевистского правительства традиционному образу жизни населения, как бы шагом назад от революционного времени.

В 1925 г. в РСФСР насчитывался 4271 врачебный участок. Однако в 21,3 % волостей не имели врачей, а 42,3 % – больниц. Лозунг «Ни одной волости без врача» не был реализован. По сравнению с дореволюционным периодом число врачебных участков возросло на 12 %, больниц – на 8 %, коек в них – на 9 % [3, с. 200]. Наибольшее число волостей, не имевших квалифицированных медицинских кадров, приходилось на Сибирь. Качество статистического учета в Сибири оставалось также хуже. ЦСУ РСФСР вносило поправки на недоучет естественного движения [4, с. 14]. В 1926 г. сведения о регистрации не предоставили шесть районов Барабинского округа Сибирского края [1, с. 38, 39]. В первом полугодии регистрация не производилась только в одном из них. В остальных регионах органы ЗАГС собирали сведения о рождаемости и смертности и передавали в статистическую службу [5, л. 15, 15 об]. Барабинск не имел регистрации в органах ЗАГС с июля по декабрь 1926 г. [6, л. 43, 43 об]. Законодательно были установлены следующие сроки регистрации: для рождений двухнедельный срок, а смертей – трехдневный срок [7, с. 278, 284]. С 1925 г. установлена обязательная врачебная регистрация причин смерти в городах и городских поселениях, а также в значительном числе сел. Во всех этих местностях смерть регистрировали в отделениях загсов только на основании «Врачебного свидетельства о смерти» [8, с. 66, 67]. На практике не хватало квалифицированных медицинских кадров, осмотр часто производился формально. Грешили ошибками и сами собранные материалы: неправильно указывали причины смерти, возраст и даже пол умершего.

* Бурматов Александр Анатольевич (Куйбышев) – кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Куйбышевского филиала ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». РФ, 632387, Новосибирская обл., г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7; научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. E-mail: al-burmatov@yandex.ru

В 1926 г. был принят новый кодекс РСФСР о семье, запрещающий прерывание гестации у первобеременных и для женщин, сделавших аборт менее полугода назад. К 1928 г. население смогло адаптироваться к новому закону. Криминальные аборты становились серьезным бичом для общества. Появились стишки «После повитух быстренько испустишь дух». Медицинские работники провели анкетирование распространения аборта в деревне. А.Б. Генс, анализируя собранные анкеты, указывал, что в Новониколаевской губернии из 27 существующих врачебных участков данные предоставили 9 (33,3 %), в Томской 10 из 37 (27,0 %), в Иркутской 6 из 28 (21,4 %), в Енисейской 19 из 43 (44,2 %). Все участки предоставили результаты анкетирования в Омской (43 участка) и Алтайской губернии (31) [9, с. 19]. Наркомат здравоохранения констатировал на основании данных половины врачебных участков: «До сих пор наша политика по отношению к деревне заключалась в том, что мы как бы «не пускали» аборта в деревню... все равно крестьянка ищет своих путей и находит их у бабок... Больницы вынуждены были принять 66 тысяч загрязненных больных..., потеряли свыше 3000 женщин» [10, с. 5]. Врачи забили тревогу. IV съезд врачей в 1926 г. уделил большое внимание в борьбе с абортами. В основном докладе говорилось: «Вести линию на полное запрещение абортов в частной практике. В дополнение к имеющимся бесплатным койкам встать на путь разрешения платных коек для абортов в городах... Средства, полученные от эксплуатации этих абортных коек, направлять в специальный фонд ОММ (охрана материнства и младенчества. – А.Б.) и тратить их исключительно на борьбу с абортами, исключив мотив получения прибыли» [3, с. 214, 215].

Официальные требования к врачебным участкам были следующие. Для врачебно-амбулаторного (т.е. когда отсутствовала больница) – один врач, один санитарный врач, два лица среднего медперсонала, одна акушерка и одна сестра-обследовательница. Для врачебно-больничного участка – не менее двух врачей, одного зубного врача, одного санитарного врача, трех лиц среднего медицинского персонала, две акушерки, две сестры-обследовательницы, ухаживающего и хозяйственного персонала. В нем должно быть 16 коек (из них восемь общего, хирургического и терапевтического профиля, четыре родильных и четыре инфекционных) [11]. Статистика по Сибири свидетельствует, что медицинское обслуживание населения не соответствовало даже этим минимальным критериям. Нехватку врачей, медперсонала и денежных средств признавали на верху. Как писал крупный специалист по социальной гигиене, заместитель наркомздрава СССР З.П. Соловьев: «Первым и главным лозунгом, осуществление, которого, даже при слабости материальных ресурсов, дает возможность проводить профилактические начала в деревне, будет жизненный и важный лозунг – второй врач на участок». С мест от населения поступали в Москву запросы с предложениями об улучшении медицинского обслуживания, в которых делался вывод: «Удовлетворение насущных нужд деревни считаем мы первоочередной задачей; но оздоровление населения одним только лечением без широкого участия самого населения в деле здравоохранения никогда не будет достигнуто, а это участие... можно вызвать только санитарным просвещением», – привел цитату из письма З.П. Соловьев на Втором съезде участковых врачей в 1925 г. [12, с. 108, 109].

Власти реагировали на плохое медицинское обслуживание своеобразно. На заседании Барабинского окрисполкома рассматривался вопрос о состоянии здравоохранения в округе. В речи заведующего окружным здравоотделом были отмечены расширение сети учреждений и увеличение числа медработников. Доклад подвергся критике со стороны представителей с мест. Делегат Кыштовского района заявил: «Вам здесь в городе хорошо, ибо у вас медпомощь оказывается более или менее удовлетворительно, не то совсем у нас в урмане, когда на 60 тысяч населения насчитывается всего 2 фельдшера и 2 акушера, а об аптеках и говорить нечего. За десятки верст приходится ездить за касторкой и бинтом». В ответ на критику было сказано, что главная проблема решается путем «изжития известного зажима средств здравоохранения со стороны некоторых риков» [13, с. 55, 56], т. е. недостаточное финансирование объяснили неправильным распределением средств на местах.

Качество воды во многих районах Сибири было низким. Это вызывало болезни, неоднократно принимавшие характер эпидемии. Плохое санитарно-гигиеническое состояние водоемов во многом вызывалось культурой населения. 17 июня 1927 г. Каинский горсовет принял постановление «О мерах против загрязнения источников», в котором запрещалось вываливать мусор на берегах реки, полоскание белья, вывоз навоза и т.д. [13, с. 56]. В Каинске «водокачка берет не фильтрованную воду из реки Оми (в документе указано ошибочно Оби. – А.Б.), вода которой не отличается высокими качествами [14]». Однако не предусматривалось никаких альтернативных мер по водоснабжению, очистке водоемов. В Татарском уезде, существовавшем в 1921–1925 гг. в составе Омской губернии, из 304 селений источником водоснабжения являлись: реки – в 26,4 %, озера – 21,9%, колодцы – 33,1 %, смешанный водоем и колодцы – 14,9 %, болота – в 3,7 %. В Татарске за питьевую воду жители платили 4,5 коп. золотом. Это было тяжелым бременем для населения [15, с. 32].

Снижение смертности сдерживали антисанитария и скученность: «Жилища коммунаров представляют собою отдельные маленькие крестьянские ветхие избы. Живут коммунары очень тесно, например, семья из

10 человек живет в двух небольших комнатах площадью приблизительно в 12 кв. метров; на этой площади расположена и русская печь. ... С пола и дверей всегда дует. Двери даже примерзают внутри. Нет теплых уборных, нет хороших колодцев, квартиры в большинстве отапливаются русскими печками, но во многих домах стоят даже железные печки, от которых температура воздуха бывает очень высокая во время топки и с прекращением ее быстро падает, что вредно отражается на здоровье коммунаров». Отмечается, что «в квартирах холостяков... грязно ... Воздух везде спертый и накурено. Практикуется даже плевание на пол и бросание окурков. Грязь и спертость воздуха можно объяснить отчасти и теснотой помещения, в котором приходится жить и работать». Отсутствует смена белья, нет места для сушки белья и т.д. В квартирах семейных «очень много тараканов и клопов». Донесениями отмечается сплошная неграмотность колхозников и коммунаров и рост числа неграмотных [16, с. 11, 48]. Гигиенист К.М. Гречищев писал: «Все сельское население Сибири... доселе остается вне какого бы то ни было влияния санитарной культуры... У сельского населения Сибири нет запросов к гигиенической жизни и нет к этому навыков» [Цит. по: 17, с. 182].

На основе текущей статистики и итогов всесоюзной переписи населения 1923 г. для населения Сибири были рассчитаны таблицы ожидаемой продолжительности жизни. Мальчику-сибиряку предстояло прожить в 1926/27 гг. в среднем 39,18 года, а девочке – 43,20. Для обоих полов показатель составлял 41,12 года. Это было значительно меньше, чем в европейской части РСФСР, в которой мальчику предстояло прожить 40,23 года, девочке – 43,61 года, для обоих полов – 42,93 года. У горожан-сибиряков ситуация была тревожной: для обоих полов 37,57 года, у мальчиков – 34,88 года, у девочек – 40,60 года. В сельской местности ситуация складывалась благополучней 41,72; 39,93 и 43,61 соответственно [18, с. 8, 134, 136, 138]. В значительной мере влияло качество статистического учета (в селах недоучет был выше), но и сам образ жизни. Например, отдаленные села эпидемии посещали редко, там была меньшая скученность и потери от недугов. Выходцы из этих сел болели корью, оспой и прочими болезнями часто, как дети. Среди городского населения течение эпидемических заболеваний носит более тяжелый характер [19, с. 9, 10, 14]. Основными причинами смертности в крупных и промышленных городах Сибири в 1928–1929 гг. являлись инфекционные и паразитарные заболевания (25,2 – 25,4 % всех смертных случаев), болезни органов дыхания (16,0–17,4 %) и пищеварения (16,0–16,2 %). Относительно редкими были причины смерти от сердечно-сосудистых (8,2–8,4 %) и онкологических (5,0–5,6 %) недугов. Смертность от внешних причин составляла 5,2 % всех смертей, старческая дряхлость – 3,2–3,5 %, преждевременные роды и пороки развития новорожденных – 4,9–5,5 % [20, с. 64]. **Структура смертности населения** соответствовала началу демографического перехода. Смертность носила ярко выраженный сезонный характер. В докладах медицинских работников это получает четкую характеристику: «В жаркое летнее время среди детей грудного возраста отмечается значительное учащение желудочно-кишечных заболеваний и также резко выраженная сезонность, и массовость этого явления дает высокий процент летней смертности детей раннего возраста» [21]. Высокая смертность младенцев обеспечивала и повышенную общую смертность населения. В городах Сибири число умерших детей до года составляло 25,5–46,1 % всех умерших, а в селах число не доживших до года – 46,7–60,4 % от всех скончавшихся в деревне. Исследователи отмечают: «Во все годы наблюдается более высокая смертность мальчиков сравнительно с девочками. ... Приходится ввиду этого принять, что новорожденные мальчики повсюду появляются на свет более слабыми и менее жизнеспособными, чем девочки» [23, с. 300, 301].

Смертность населения в 1927–1929 гг. сохранялась на высоком уровне – 21–22 %. Некоторое ее повышение в 1928 г. связано с увеличением младенческой смертности [1, с. 53; 23, с. 139, 140; 26]. Большая часть смертей младенцев падает на летние месяцы. Статистики заметили, что «общий ход детской смертности в течение года таков, что лишь 3 летних месяца – июнь, июль и август – она превышает среднюю смертность всего года; однако за эти месяцы она достигает колоссального подъема (1600–1800, принимая годовую среднюю за 1000)» [22, с. 301]. В данное время часто умирали и дети 3–5 лет. Из-за высокой рождаемости доля таковых в населении была значительной, а скученность и антисанитария способствовали распространению заболеваний и эпидемий. Особенно много детских жизней уносили желудочно-кишечные расстройства – «детская холера», которая наступала в условиях жаркого и сухого лета. Крестьяне отмечали повышение смертности детей в летние месяцы (июль–август). Жительница д. Ефремовка Верх-Ичинского (ныне Куйбышевского) района Елена (Алена) Яковлевна Клименок (белоруска по национальности, как и большинство жителей этого населенного пункта) сообщала: «Як дрыстун (паслен горько-сладкий, ядовиты все части растения, цветет в середине июля – августе) зацвяцець – мыт (изнуряющий понос) нападзец. Идзеш з поля – там скрынка (детский гробик), там».

По данным специальных исследований середины 1920-х гг. на летние месяцы падало 46 % всех умерших детей до года, на осенние – 20 %, на весенние и зимние – по 17 %. На первый месяц жизни смертных случаев новорожденных приходилось в 2,3 раза больше, чем в среднем за месяц на первом году жизни [24, с. 64]. Медики констатируют сезонную смертность по всей стране. Власти уделяли большое внимание охране материнства и детства. Кроме медицинских мероприятий, основной упор делался на просвещение населения

и ознакомление его с основами социальной грамотности. Руководство всей работой по охране материнства и младенчества СССР было поручено Центральному отделу Народного комиссариата здравоохранения, которое имело в губерниях соответствующие подотделы. Создавались комиссии содействия с целью широкой пропаганды идеи охраны материнства и детства среди работниц и крестьянок [25, с. 231, 232]. Исследователь Г.П. Синкевич отмечал, что младенцы находятся летом в темной и душной избе, и ребенок «становится рахитиком», а ребенку нужны свежий воздух и солнце. Няня-ребенок лет 6-8 нарушает запрет старших выносить младенца на улицу, заигравшись по-детски. Убедить молодых в необходимости прогулок ребенка на свежем воздухе еще удастся, но старуху-няню – не представляется возможным. «Бабушка находится в избе безвылазно». Мать находится целый день на поле, а вечером у нее «молоко перегорелое». «Летние помирали, а осенние жили», – отмечали крестьянки [24, с. 66–77].

Исследователи периода нэпа осознавали, что главный резерв снижения смертности – это устранение смертности от инфекционных заболеваний. К этому времени четко наметилось снижение смертности от них. Медики отслеживали и оперативно реагировали на распространение заболеваемости. Принимались срочные меры по устранению причин, вызывающих эти недуги. Отмечается постоянный рост числа учтенных острозаразных заболеваний в Сибири. Число заболеваний в городах снижалось (за исключением 1928 г.), а в сельской местности постоянно росло. Это свидетельствует об улучшении статистического учета. Снижается заболеваемость малярией с 1925 по 1928 г. в 3,2 раза, оспой в 3 раза, сыпным и возвратным тифами. С 1926 по 1928 г. почти вдвое уменьшилась заболеваемость коклюшем, на 1/3 – дизентерией. Отмечался рост заболеваемости гриппом, туберкулезом, столбняком и трахомой [26, с. 786–789]. Специалисты говорили «о постепенном из года в год нарастании обнаруженной заболеваемости» [27, с. 27]. Медики отмечали, что к основным опасным с социальной точки зрения относятся «заразные»: тифы, холера, скарлатина, оспа, туберкулез, сифилис. Борьба с ними является наиболее важной. Социально опасным признавался алкоголизм. Оздоровление жилища и источников воды крестьянина для медицинских кадров становились важнейшими задачами. Особый упор в медицинской практике делался на профилактику заболеваний, привитие навыков личной гигиены. Мероприятия объективно способствовали снижению смертности населения.

Источники и литература

1. Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск: Сибкрайисполком, 1930. 95 с.
2. Слуцкий А. Предварительные итоги естественного движения в Сибкрае за 1928–29 гг. // Статистика Сибири. Новосибирск: Сибкрайстатотдел, 1930. Вып. 2. С. 176–186.
3. Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940). М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954. 404 с.
4. Песчанский В. Основные показатели естественного движения населения РСФСР // Статистика и Народное хозяйство. М.: ЦСУ РСФСР, 1928. Вып. 1. С. 14–16.
5. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 12. Л. 15, 15 об.
6. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 13. Л. 43, 43 об.
7. Уипль Дж, Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М.: Госмедиздат, 1929. 683 с.
8. Мерков А.М. Демографическая статистика (статистика населения). М.: Медицина, 1965. 215 с.
9. Генс А.Б. Аборт в деревне. М.: Охрана материнства и младенчества, 1926. 48 с.
10. Лебедева В. Предисловие // Генс А.Б. Аборт в деревне. М.: Охрана материнства и младенчества, 1926. С. 3–10.
11. Горфин Д. Врачебный участок // БСЭ / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: БСЭ, 1929. Т. 13. Стлб. 412–415.
12. Соловьев З.П. Профилактические основы лечебного дела в деревне // Соловьев З.П. Строительство советского здравоохранения. М.: Медгиз, 1932. С. 96–123.
13. Новоиколаевская губерния – Новосибирская область. 1921–2000. Хроника. Документы / отв. ред. И.С. Кузнецов. Новосибирск: Администрация Новосиб. обл., 2001. 326 с.
14. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 513. Л. 23.
15. Волк В. Гидрография губернии // Омская губерния. Материалы к познанию производительных сил губернии. Омск: Омск. губ. экон. совещание, 1923. С. 14–35.
16. Политпросвет работа в совхозах и колхозах. Опыт работы. М.: Работник просвещения, 1930. 172 с.
17. Зверев В. А., Бурматов А. А. Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 279 с.
18. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л.: Планхозгиз, 1930. 140 с.
19. Реченский С. Корь и ее профилактика. М.: Охрана материнства и младенчества, 1928. 40 с.
20. Слуцкий А. Причины смертности по городам Сибири // Статистика Сибири. Новосибирск: Сибкрайстатотдел, 1930. Вып. 2. С. 60–66.
21. Исторический архив Омской области. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 24. Л. 127а.
22. Куркин П. И. Смертность грудных детей (статистический очерк) // Куркин П. И. Вопросы санитарной статистики. М.: Госстатиздат, 1961. С. 284–310.
23. Статистика в Сибири. Новосибирск: Сибкрайстатотдел, 1929. Вып. 1. С. 139–140.

24. Синкевич Г.П. Вологодская крестьянка и ее ребенок. М.; Л.: Гос. медиц. изд-во, 1929. 90 с.
25. Гинзбург Б.С. Охрана материнства и младенчества // Руководство по санитарной грамоте. М.: Новая Москва, 1925. С. 223–243.
26. Сибирский край. Стат. Справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. 804 с.
27. Блох И. Эпидемия гриппа в СССР и за границей // Вопросы здравоохранения. 1929. № 8. С. 24–30.

*Н.Ю. Журавлев**

Миграционные процессы в Коми и их влияние на становление и развитие производства (с конца XV до середины XX века)**

В данной работе рассматриваются основные вехи истории развития производства в Республике Коми, а также роль миграционных процессов в становлении и развитии производительных сил региона. Анализируются ключевые особенности каждого из этапов развития производства, их отличительные черты и взаимосвязь с миграционными процессами, происходящими в тот или иной исторический период.

Ключевые слова: миграция, развитие производства, Республика Коми

N.Y. Zhuravlev

**Migration processes in the Komi Republic
and their impact on the formation and development of industry
(from the end of the XV to the middle of the XX century)**

This paper examines the main milestones in the history of industry development in the Komi Republic, as well as the role of migration processes in the formation and development of the region's productive forces. The article analyzes the key features of each stage of industry development, their distinctive features and their relationship with migration processes occurring in a particular historical period.

Key words: migration, industry development, Komi Republic

Республика Коми была и остается регионом, обладающим специфическими особенностями, такими как низкая плотность населения, транспортная изолированность, суровый климат и т.д. Однако наличие большого разнообразия природных ресурсов и определенного производственного потенциала привело к тому, что в рамках развития производства стремительно выросла и численность населения региона. Увеличение численности можно связать в первую очередь с активной миграционной политикой государства, испытывающего необходимость в трудовых ресурсах в рамках процесса индустриализации.

Начиная с XV в. миграционные процессы оказывали значительное влияние на численность и структуру населения края. Активная миграционная политика позволила обеспечить стремительный рывок в области индустриализации региона, поскольку именно миграции способствовали формированию трудового потенциала [1].

В силу сложных климатических условий, территориальной удаленности от центра и малонаселенности крупные производства не были распространены, и до периода форсированного развития производства сложно было говорить о развитии промышленности. Вместе с тем нельзя сказать об отсутствии в Коми крае возможностей к реализации производственного потенциала, поскольку промышленная модернизация Коми имеет довольно давнюю историю.

Целью данной работы является определение предпосылок к формированию промышленных мощностей и освоению богатств региона, а также роли миграции населения в этих процессах.

В рамках изучения истории становления и развития производства в Коми мы остановились на периодизации, предложенной И.Л. Жеребцовым [2]:

Этапы развития производства:

1. Протоиндустриальный (с конца XV до середины XIX в.)
2. Начальная индустриализация (последняя треть XIX – первая четверть XX в.)

* **Журавлев Назар Юрьевич** (Сыктывкар) – старший инженер лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, zhuravlev.nazar@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019-2021 гг.).

3. Создание крупного машинного производства (1926–1950 гг.)
4. Формирование развитого индустриального общества (1951 – середина 1980-х гг.)
5. Кризис промышленного развития (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.)
6. Стабилизация и рост промышленного производства (с 2000 – 2010 гг.)

Основной пик индустриализации Республики Коми пришелся на вторую половину XX в. В классической интерпретации развитие промышленности в регионе связывали, прежде всего, с интенсивной социалистической индустриализацией периода довоенных пятилеток (1927–1940 гг.) [2]. Таким образом, хотя развитием производства и реализацией потенциала республика обязана более поздним периодам, затрагивая вопросы становления системы производства в республике, мы остановились на трех периодах: до 1950-х – протоиндустриальный, период начальной индустриализации и период создания крупного машинного производства, в рамках которых происходили формирование предпосылок и становление промышленных мощностей региона.

Можно сказать о том, что развитие производственного потенциала края было бы невозможно без значительного миграционного притока – в регионе просто не было достаточного количества трудовых ресурсов, в особенности это касалось специалистов высокой квалификации.

До XVI в. нет возможности оценить значение миграции для формирования населения Коми края. В дальнейшем, благодаря писцовым, переписным и дозорным книгам, появляется информация о прибывших в регион тех, кто ушел, «сбежал» и по тем или иным причинам был перемещен в другие губернии. Начиная с XVIII в. к числу источников информации о населении также относятся наблюдения летописцев, ревизские сказки, церковный учет родившихся и умерших. Данные источники позволяют выделить естественный и миграционный прирост населения [1].

Протоиндустриальный период

Хотя первые упоминания о Коми крае как о перспективном, с точки зрения развития производства, месте датируются 1213 г. К ним относятся сообщения о серебряных и медных месторождениях на р. Цильме, содержащиеся в русских летописях [3]. На момент начала освоения производственного потенциала республики (XV–XVI вв.) численность населения была относительно невелика (около 19–19,5 тыс. чел.), что говорило о малой заселенности территории и одновременно об огромном потенциале для ее освоения.

Первые попытки предпринимаются уже с XV в., однако вплоть до середины XIX в. экономическую основу региона, как и в целом по России, составляло мелкое домашнее производство, целью которого было удовлетворение повседневных нужд. Большинство крестьян знали основы плотницкого, столярного, бондарного и других видов ручного труда. Для собственных надобностей готовилась деревянная, глиняная и берестяная посуда, домашняя утварь, кирпич и другие изделия [4].

В качестве основных факторов и причин, влияющих на миграционную подвижность населения в XV–XVI вв., выделяются охота и рыболовство [5]. При оскудении привычных источников пропитания населению приходилось перемещаться в новые необжитые места. Еще одним немаловажным фактором выступало освоение (по сути колонизация) русскими западной части территории Коми края.

Отличительной чертой Коми края в рассматриваемый период также являлись его удаленность от центральных районов, слабая развитость дорожной инфраструктуры, что в свою очередь приводило к дороговизне привозимых товаров. Данный факт, а также отсутствие у местного населения достаточного количества свободных денежных средств обусловили развитие местных небольших ремесленных производств. Стоит отметить, что производимые ими товары шли не только на удовлетворение потребностей личных хозяйств, но и реализовывались на местных, а в отдельных случаях – на региональных и всероссийских рынках [6].

В период с конца XVI – начала XVIII в. в качестве основной причины территориальных перемещений выступали нехватка пищи вследствие низкой урожайности культур и земельная недостаточность. Повышается интенсивность миграционных потоков, направленных с запада на восток, в регионе начинает увеличиваться число выбывших за его пределы. При этом также возрастает число прибывших переселенцев. Важной особенностью движения населения Коми края в рассматриваемый период были массовые крестьянские миграции. Столь серьезный отток существенно снижал численность населения, а вместе с ней значительно тормозил развитие производства и снижал складывающуюся хозяйственную общность отдельных районов [1].

Период начальной индустриализации

Начальным этапом развития промышленности в Коми считается период с последней трети XIX – первой четверти XX в., когда на волне завершающегося промышленного переворота начались промышленные заготовки леса, были построены крупные лесопильные заводы, активизировалось изучение природных богатств региона, предложены различные проекты развития транспортной сети, предполагавшие прокладку дорог, железнодорожных путей, каналов, появилось пароходное сообщение, проведена некоторая модернизация ранее существовавших предприятий. Определенное развитие получили замшевое, кожевенное, кирпичное и некоторые другие производства [2].

Развитие профессионального ремесла началось еще с середины XVIII в. На территории возникают первые промышленные предприятия, что обусловило потребность в квалифицированных специалистах и рабочих. Это, в свою очередь, способствовало притоку мигрантов из соседних губерний. Колонизируются Ижма и средняя Печора, одновременно при этом происходит отток населения в Сибирь, на Урал и т.д. [1]. Увеличивается количество мастеров, расширяется разнообразие профессий. Часть ремесленной продукции начинает производиться не только на заказ, но уже и на рынок, начинает развиваться мелкотоварное производство, возникают мастерские. Существуют свидетельства о существовании мастерских по производству кирпича, кожевенных и мыловаренных мастерских. Сосредоточены эти производства были в сравнительно крупных населенных пунктах и направлены в основном на удовлетворение потребностей местных жителей [6].

Среди относительно развитых производств следует отметить мелкотоварные мастерские по производству замши, располагавшиеся в Ижемской волости и ориентированные главным образом на рыночный сбыт. Получив серьезный импульс к развитию, благодаря развитому в данном районе оленеводству, они продолжали господствовать на протяжении XIX в., не допуская возникновения более крупных производств.

Отдельно стоит упомянуть столь широко распространенный промысел как судостроение. Оно затрагивало как строительство для собственных нужд крестьян, так и для ремесленных или торгово-промышленных целей. В южных районах края число занятых в строительстве судов зачастую превосходило численность охотников и рыболовов, однако, несмотря на большое число занятых, судостроение в Коми так и не вышло за пределы кустарного производства и не смогло преодолеть сезонный характер промысла. Последнее характерно также и для промышленности края, которая была представлена лишь тремя относительно крупными железоделательными и солеваренными заводами.

Попытки наладить регулярную промышленную разработку лесных ресурсов предпринимались еще в середине XIX в. Развитие лесозаготовок в крае наступило после 1820 г., когда право на вырубку строевого леса получили частные предприниматели. С этого времени рубка и продажа леса за границу через Архангельск получили более регулярный характер. Во второй четверти XIX в. лесозаготовки становились одним из важнейших элементов экономики края [6].

Хотя лесозаготовки носили выраженную торгово-промышленную направленность, они в рамках данного периода так и не смогли принять действительно промышленный характер, а обработка древесины осталась на уровне простейшей продукции – досок и бруса.

Если говорить о занятых в промышленности Коми края, то, с одной стороны, их численность была довольно невелика. Однако в данном случае учитываются постоянные работники, занятые именно в рамках основного производства, без учета людей, осуществляющих вспомогательные работы. Так, в первой половине XIX в. на сезонных вспомогательных работах при Сереговском солеваренном заводе иногда было занято до 3000 чел., при железоделательных предприятиях – от 1400 до 2320 чел. [6].

Рассматривая в контексте развития производства период конца XVIII – первой половины XIX в., можно сказать, что природные богатства Коми края не использовались в полной мере. В промышленном отношении частично были освоены запасы железных руд и соли. Остальные природные ископаемые начинали лишь изучаться различными экспедициями и отдельными исследователями. Правда, еще в XVIII в. предпринимались попытки организовать добычу и переработку нефти на Ухте. Инициаторами нефтяных промыслов в середине второй половины XIX в. выступали приезжие и местные лица, однако вследствие отсутствия правительственной поддержки нефтяной промысел не только не перерос в крупное предприятие, но к началу XIX в. вообще прекратил свое существование [7].

На период начальной индустриализации пришлось также и изменения в интенсивности и направленности миграционных процессов. С одной стороны, рост числа промышленных предприятий обеспечил прирост рабочей силы за счет населения соседних губерний, с другой – интенсивный обмен населением и некоторое улучшение транспортного снабжения породили значительный поток мигрантов за пределы края. Если говорить о влиянии миграций на численность трудовых ресурсов, то до 1897 г., вследствие миграционного оттока их величина сокращалась, что компенсировалось естественным приростом, а начиная с 1897 по 1926 г. население края увеличивалось благодаря и естественному, и миграционному приросту.

Можно подытожить, что хотя до начала XX в. миграции не способствовали количественному приросту населения, они сыграли свою роль в развитии отдельных промыслов и повышении качества трудовых ресурсов [1].

Период создания крупного машинного производства

В рассматриваемый временной промежуток происходит ряд социальных катастроф (три войны, повлекшие за собой разрушение хозяйств и небывалый голод) [8], значительно сокративших численность населения, что не могло не сказаться на темпах развития производства в регионе. Крупные социальные и экономические потрясения начала XX в., такие как Первая мировая война, революция 1917 года, гражданская война, привели к остановке процесса индустриализации страны, в том числе и Коми.

Приток населения в регионе в период с 1920-х по середину 1940-х происходил главным образом благодаря выходцам из сельской местности. Причиной того была масштабная индустриализация, проводимая на территории всей страны при неразвитой материально-технической базе. Реализация планов по развитию промышленности в таких условиях требовала привлечения огромного объема трудовых ресурсов, которыми на тот период располагала, прежде всего, территория за пределами городов, поскольку уровень урбанизации на тот момент был достаточно низок (городские жители составляли в 1917 г. – 18 %, в 1940 г. – 33 % от численности населения) [1].

Началом притока трудовых ресурсов в регион, возобновлением формирования промышленного потенциала, в рамках которого и происходило создание крупного машинного производства, можно считать 1926 год, когда руководство Коми автономной области определило направления хозяйственного развития. Начнутся крупные стройки (первая железная дорога, механизированный консервный завод в Усть-Усе). Начал работу Усть-Сысольский лесозавод, а в 1927 г. восстановлен лесозавод на нижней Печоре (близ современного Нарьян-Мара), были организованы экспедиции для поиска месторождений полезных ископаемых [2]. Результатом данного этапа развития производства можно считать высокий уровень развития добывающей промышленности, образованной в 1936 г. Коми АССР. К 1937 г. доля аграрной продукции сократилась до 25 % от всей продукции народного хозяйства республики [9]. В целом данный период можно охарактеризовать как заложение основ для дальнейшего промышленного развития.

Наступившая Великая Отечественная война повлияла на процесс освоения производственного потенциала Коми, значительно ускорив его. Возникшая вследствие оккупации территорий острая необходимость в обеспечении экономики углем, лесом, нефтью и другими ресурсами, частично была удовлетворена благодаря активной индустриализации региона. В годы войны было заложено 29 новых шахт, были открыты новые месторождения угля (Хальмерьюское в 1941 г. и Усинское в 1944 г.). К концу 1941 г. была построена железная дорога Котлас–Воркута [9].

Одним из специфических моментов, выделяющих Коми перед остальными регионами является освоение ресурсной базы за счет активно используемых форм принудительной миграции. Подобный метод освоения Коми АССР был вызван рядом причин: 1) наличие полезных ископаемых, при невозможности развития промышленности самостоятельно; 2) запрос со стороны «центральной власти» на запасы природных ископаемых на фоне форсированной индустриализации страны; 3) загруженность мест заключения и наличие опыта эксплуатации труда заключенных [10].

Началом эпохи формирования трудовых ресурсов региона через принудительную миграцию можно считать 1921 г., когда политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о создании концентрационного лагеря на р. Ухте. В 1929 г. в Коми АССР поступают первые партии заключенных, задействованных в развитии угольного и нефтяного комплекса, железнодорожного строительства [11].

Итогом данного периода становится окончательное становление производственного комплекса республики. Именно вследствие активного развития промышленности и транспортной системы в период Великой Отечественной войны Коми АССР оказалась в статусе топливной базы для Европейского Севера СССР.

Однако форсированная индустриализация под военные нужды имела свои негативные особенности. Широко использовался труд репрессированных слоев населения, таких как заключенные и спецпереселенцы. Кроме того, организация производства в сверхкороткие сроки приводила к невозможности надлежащего исполнения работ, что в конечном итоге обусловило необходимость реконструкции многих объектов в послевоенные годы [2].

Заключение

Реализация производственного потенциала республики по большей части произошла уже во второй половине XX в., однако становление промышленности, определение основных методов и способов привлечения трудовых ресурсов в регион – все это происходило на более ранних исторических этапах. Следствием особенностей миграционной и производственной политики в настоящее время является целый ряд проблем, таких как избыточность населения в некоторых районах и одновременно массовый миграционный отток населения за пределы республики. Решение подобных проблем не должно происходить без учета того специфического опыта формирования системы производства и рынка труда, который имеется у Республики Коми, поскольку именно понимание исторических закономерностей позволяет минимизировать возможные негативные последствия государственной политики при принятии стратегических решений.

Источники и литература

1. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 124 с.
2. Жеребцов И.Л. Основные этапы промышленного развития Европейского Северо-Востока России // Индустриали-

зация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С. 6–12. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72).

3. *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Возникновение и развитие промышленных предприятий и транспортных путей в Коми крае до середины XX века (хроника событий) // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С. 168–274. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72).

4. *Беленкина Т.И.* Развитие промышленности в Коми крае в к. XVIII – первой пол. XIX вв. Сыктывкар, 1963. (Учен. зап. Коми гос. пед. ин-та. Вып. 11).

5. *Жеребцов И.Л.* Миграции населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар, 1989. (Науч. докл. / Серия препринтов Коми науч. центр УрО АН СССР. Вып. 220).

6. *Котов П.П.* Внеземледельческие занятия населения Коми края в конце XVIII – первой половине XIX вв. Сыктывкар, 1999. 29 с. (Научные доклады / Серия препринтов / Сыктывкарский ун-т. № 17–99).

7. *Kotov P.P.* Expeditions in the Komi territory in the 19-th and early 20-th centuries // Congressus primus historial fenno-ugricae. V.1. Oulu. 1996. P. 597–612.

8. *Сан-Антус.* Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми (К вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. 1928. № 1.

9. *Борозинец Л.Г., Борозинец Г.Л.* Указ. соч.; История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2; Промышленные рабочие Коми АССР...; *Жеребцов И.Л., Конаков Н.Д., Шабает Ю.П., Шаранов В.Э., Цыпанов Е.А.* Народ коми: краткие очерки этнической истории и культуры. Сыктывкар, 2008. 320 с.

10. *Беловол А.А.* Индустриальное освоение северных территорий Коми АССР в конце 1920 – середине 1950-х гг. как фактор градообразования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 74–1. С. 45–51.

11. *Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.* Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг.: монография / отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 168 с.

12. История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2; *Жеребцов И.Л., Обедков А.П., Таскаев М.В.* На пути в XXI век // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 736–743.

13. *Лыткина Т.С.* Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.

Л.А. Попова*

Тенденции разводимости населения в Республике Коми в XX веке и начале XXI века**

Рассмотрены тенденции разводимости населения Республики Коми на протяжении последних 100 лет. Выделены факторы, определявшие уровень разводимости в разные периоды времени: трансформация брачно-семейных отношений после революции, нормативно-правовые акты в сфере семьи и брака, отношение населения к разводам, внешние обстоятельства (Великая Отечественная война, изменения в нравственно-психологическом состоянии российского общества в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг., социально-экономический кризис 1990-х гг.). Наиболее подробно проанализированы 1990-е – начало 2000-х гг., располагающие хорошей статистической информационной базой.

Ключевые слова: *стабильность семейной жизни, разводимость, брачно-семейное законодательство, Республика Коми*

L.A. Popova

Trends of population divorce in the Komi Republic in the XX century and the beginning of the XXI century

The article examines the trends of divorce rates in the Komi Republic over the past 100 years. The author identifies the factors that determined the level of divorce in different periods: the transformation of marital and family relations after the revolution, legal acts in the field of family and marriage, the attitude of the population to divorce, external circumstances (the Great Patriotic war, changes in the moral and psychological state of Russian society in the late 1980s-early 1990s, the socio-economic crisis of the 1990s). The most detailed analysis is made of the 1990s and early 2000s, which have a good statistical information base.

Key words: *stability of family life, divorce rate, marriage and family legislation, Komi Republic*

В демографических исследованиях основной фокус внимания сосредоточен на рождаемости, смертности и миграции населения. В то же время движение семьи включается в понятие воспроизводства населения в широком смысле слова, соответственно, изучение закономерностей развития брачно-семейных отношений также является частью демографического анализа. Кроме того, все демографические процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Особенности развития семейной структуры населения оказывают влияние на показатели рождаемости, уровень смертности, степень миграционной подвижности населения. Ранее нами были рассмотрены тенденции брачности населения Республики Коми в 1920–1990-е гг. и факторы, их обуславливающие [1]. Данная статья посвящена тенденциям разводимости населения республики на протяжении советского периода, в 1990-е гг. и в начале нового столетия.

* Попова Лариса Алексеевна (Сыктывкар) – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация. popova@iespn.komisc.ru

** Статья подготовлена в рамках темы НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ гос. регистрации АААА-А19-119012190103-0).

Движение семьи, ее демографическое развитие характеризуется, прежде всего, рождением детей, количество которых определяется репродуктивными установками супругов и степенью их реализации, а также длительностью супружеской жизни, которая во многом зависит от стабильности брака. Практически на протяжении всей советской истории в стране происходило усиление факторов, так или иначе способствующих повышению уровня разводимости: отделение брака от церкви, а церкви от государства, массовая секуляризация общественного сознания, уравнивание женщин в правах с мужчинами, повышение уровня образования и широкое вовлечение женщин в общественное производство, обусловившие их экономическую независимость, развитие социального обеспечения, общее повышение уровня жизни населения, урбанизация, рост обеспеченности населения жильем и пр.

Особенно заметный рост показателей разводимости наблюдался в первые годы Советской власти, характеризовавшиеся становлением новых, революционных, брачно-семейных отношений. Подписание в декабре 1917 г. декрета ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака» [2] и принятие в 1918 г. «Кодекса законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» [3] в корне изменило в стране отношение к вопросу о расторжении брака. Сосредоточив свое внимание на признании брака, зарегистрированного в государственных органах, на равенстве всех детей, Семейный кодекс 2018 г. уделял минимум внимания регулированию иных семейных отношений, а то и вовсе их игнорировал [4, с. 75]. В результате, если в дореволюционной России разводом заканчивался лишь один брак из 225, то в 1926 г. – уже каждый седьмой [5, с. 52].

Введенный в действие с 1 января 1927 г. новый, второй по счету, «Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР» [6] придал юридическое значение гражданскому сожительству – фактическим брачным отношениям, не зарегистрированным в органах ЗАГС, которые отныне приравнивались к юридически оформленному браку. Необязательность даже крайне легкой в соответствии с новым Кодексом, практически протокольной процедуры юридической регистрации брака не предусматривала и обязанности юридического оформления столь же легкой процедуры развода, который мог состояться как по обоюдному согласию супругов, так и по одностороннему желанию кого-нибудь из них.

Однако жизнь очень скоро показала, что новые брачно-семейные отношения не во всем оказались позитивными. Необязательность регистрации брака и чрезвычайная легкость развода в 1920–1930 гг. довольно часто имели следствием безответственность в вопросах семейной жизни, особенно у мужчин. Первым шагом в начавшейся политике последовательного отказа от свободы брака явилось Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе» [7], которым в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям был установлен личный вызов в органы ЗАГС обоих разводящихся супругов с обязательной отметкой о разводе в их паспорте. Кроме того, была повышена оплата регистрации разводов: первый развод – 50 руб., второй – 150 руб., каждый последующий – 300 руб. [4, с. 76].

Скудные, собранные по крупицам данные по Республике Коми за довоенный период позволяют зафиксировать достаточно заметное снижение уровня разводимости: с 2,2 разводов на 1000 человек населения в 1930 г. до 0,8‰ в 1940 г. (табл.1). В дальнейшем, в результате значительных потерь населения в ходе Великой Отечественной войны, которые привели к резкой диспропорции полов, ситуация с разводимостью снова ухудшилась. К концу войны стало достаточно очевидно, что в условиях существенного дисбаланса на брачном рынке мужчины легко могут по несколько раз вступать в брак. Тем более что для этого не обязательно и регистрироваться, а в случае регистрации очень легко развестись. Это ставило под угрозу устои советской семьи [8]. Призванный поднять авторитет брака как основы семьи Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Матеро-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [9] не только предусматривал обязательную регистрацию брака, но и существенно усложнил порядок его расторжения.

Согласно Указу 1944 г., брак можно было расторгнуть только через суд. Для подачи заявления на развод требовалось выполнить ряд условий: указать мотивы развода, вызвать в суд другого супруга для ознакомления с заявлением, опубликовать в местной газете объявление о расторжении брака и др. Расторжение брака судом имело двухступенчатую процедуру: сначала заявление рассматривал народный суд, которому надлежало выявить истинные мотивы развода и принять меры к примирению супругов, явка которых на судебное заседание считалась обязательной. Если примирения супругов в народном суде не происходило, истец обращался с заявлением о разводе в вышестоящий суд, который и принимал решение по существу вопроса. Если до этого Указа государственные органы лишь регистрировали факт развода, то теперь именно суд решал вопрос о наличии

причин для прекращения брака. При этом расторжение брака, даже если фактически семья уже перестала существовать, рассматривалось в обществе как безнравственное, осуждаемое поведение со всеми вытекающими негативными последствиями: публичным осуждением, исключением из партии и пр. [4, с. 77].

Таблица 1

**Динамика общего коэффициента разводимости населения Республики Коми,
разводов на 1000 человек населения**

Год	Все население	Городское население	Сельское население	Год	Все население	Городское население	Сельское население
1920	0,5	1989	4,5	5,3	2,3
...				1990	4,2	4,8	2,0
1930	2,2	1991	4,9	5,7	2,3
...				1992	5,4	6,4	2,5
1939	0,9	1993	5,5	6,3	2,9
1940	0,8	1994	5,9	6,9	3,1
...				1995	5,7	6,5	3,2
1945				1996	4,3	5,0	2,1
...				1997	3,9	4,5	2,0
1950	0,4	0,5	0,3	1998	4,0	4,7	2,0
...				1999	3,8	4,6	1,6
1955	0,8	2000	4,8	5,6	2,6
...				2001	5,9	6,9	2,8
1960	1,6	2,2	0,5	2002	6,1	7,0	3,4
...				2003	5,5	6,3	3,0
1965	2,0	2004	4,9	5,7	2,5
...				2005	4,6	5,2	2,1
1970	3,7	4,2	1,5	2006	4,9
...				2007	5,3
1975	4,0	2008	5,7
...				2009	5,7
1980	4,8	5,7	2,4	2010	5,1
1981	4,6	5,4	2,4	2011	5,4
1982	4,3	5,1	2,4	2012	5,3
1983	4,4	5,1	2,3	2013	5,6
1984	4,4	5,3	2,1	2014	5,6
1985	4,4	5,0	2,4	2015	4,8
1986	4,4	5,0	2,5	2016	4,8
1987	4,4	5,0	2,5	2017	5,0
1988	4,3	4,9	2,3	2018	4,6

Источники: Статистические сборники Комистата; 10, с. 107; 11, с. 24; 12, с. 109.

... – Нет данных.

Указ 1944 г. имел следствием значительное сокращение числа разводов в первый послевоенный период, однако длилось оно недолго. В Республике Коми уже к середине 1950-х гг. общий коэффициент разводимости вернулся к предвоенному уровню. Правда, с учетом существеннейшего сокращения к этому времени количества фактических браков, которые Указом были поставлены «вне закона», и послевоенного компенсационного роста официальной брачности, в Республике Коми значительно усиленного массовым миграционным притоком населения в возрастах максимальной брачности, одинаковый уровень общего коэффициента разводимости вовсе не свидетельствует о полной схожести ситуации со стабильностью семьи, сложившейся в 1950-е гг., с ситуацией, характерной для 1930-х гг. Но, с другой стороны, неизвестно и то, сколько браков распалось после войны фактически – без формального оформления развода, и сколько внебрачных детей выросли безотцовщиной в результате этого усложнения процедуры развода.

К тому же уровень разводимости продолжал расти и в дальнейшем. К 1965 г., в условиях неизменности в стране брачно-семейного законодательства, разводом вновь стало заканчиваться каждое шестое супружество – столько же, сколько в 1920–1930-е гг., при несравненно большей в то время легкости развода [13, с. 59]. В Республике Коми, которая, по крайней мере, с начала 1960-х гг., отличается более высокими показателями разводимости по сравнению со средними по России (табл. 2), общий коэффициент разводимости в 1965 г.

практически достиг уровня 1930 г., характеризовавшегося и достаточно близкими с 1965 г. показателями официальной брачности населения. Жизнь все больше показывала несостоятельность тех жестких мер, с помощью которых в течение 20 лет в стране пытались укрепить семью.

Таблица 2

Динамика общего коэффициента разводимости населения Российской Федерации и Республики Коми, разводов на 1000 человек населения

Год	Российская Федерация*	Республика Коми	Год	Российская Федерация*	Республика Коми
1960	1,5	1,6	1998	3,4	4,0
...			1999	3,7	3,8
1965	1,8	2,0	2000	4,3	4,8
...			2001	5,3	5,9
1970	3,0	3,7	2002	6,0	6,1
...			2003	5,5	5,5
1975	3,6	4,0	2004	4,4	4,9
...			2005	4,2	4,6
1980	4,2	4,8	2006	4,5	4,9
...			2007	4,8	5,3
1985	4,0	4,4	2008	4,9	5,7
...			2009	4,9	5,7
1989	3,9	4,5	2010	4,5	5,1
1990	3,8	4,2	2011	4,7	5,4
1991	4,0	4,9	2012	4,5	5,3
1992	4,3	5,4	2013	4,7	5,6
1993	4,5	5,5	2014	4,7	5,6
1994	4,6	5,9	2015	4,2	4,8
1995	4,5	5,7	2016	4,1	4,8
1996	3,8	4,3	2017	4,2	5,0
1997	3,8	3,9	2018	4,0	4,6

* Источники: 14, с. 119; 15; 16, с. 24; 17.

... – Нет данных.

10 декабря 1965 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых изменениях порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» [18], который заметно упростил процедуру расторжения брака. Развод опять полностью перешел в компетенцию судов первой инстанции: районных (городских) народных судов. Были отменены объявления в газетах о предстоящих бракоразводных процессах. В первый после этого год в стране произошло скачкообразное повышение уровня разводимости, явившееся результатом того, что сразу после упрощения процедуры в массовом порядке были оформлены разводы, которые фактически давно состоялись. Но уже в 1967 г. темпы роста уровня разводимости значительно сократились, а новое упрощение бракоразводной процедуры в результате принятия в 1968 г. нового брачно-семейного кодекса [19] на числе разводов и вовсе никак не отразилось [13]. Разводимость в стране продолжала расти, следуя своим закономерностям, поскольку общественное мнение все более терпимо относилось к факту расторжения брака.

В 1980-е гг. рост уровня разводимости перешел в стабилизацию и даже снижение. А начало 1990-х гг. в Республике Коми, как и по России в целом, ознаменовалось новым повышением ее уровня (рис. 1). Рост был не очень продолжительным – до 1994 г. Однако он происходил в условиях существенного снижения уровня брачности населения и, соответственно, свидетельствует о значительном нарастании в эти годы нестабильности брачно-семейных отношений.

Широкое распространение добрачных и внебрачных половых связей, значительное повышение уровня требований супругов друг к другу в интимной сфере в результате хлынувших во второй половине 1980-х годов из всех СМИ потоков сексуальной информации гедонистического направления – при недостатке общей и контрацептивной культуры населения во многом способствовали семейной дезорганизации. Определенную роль сыграли и социальные последствия начавшихся экономических реформ, приведшие к обнищанию значительных слоев населения и сильнейшей поляризации общества на бедных и богатых: исследования развития семьи в условиях заметного социального расслоения показывают, что семьи, сосредоточенные на противоположных полюсах, гораздо сильнее, чем средние по уровню жизни, подвержены влиянию дестабилизирующих факторов [20].

Рис. 1. Динамика общего коэффициента разводимости в Республике Коми в 1980–2018 гг., разводов на 1000 человек населения.

Здесь следует отметить, что период социально-экономического и демографического кризиса в России – 1990-е гг. и самое начало 2000-х гг. – оказался наиболее информативным в плане доступности детальной статистической информации о развитии брачно-семейных отношений. По разводимости населения органами статистики в этот период разрабатывались и публиковались самые разнообразные показатели: уровень по полу и возрасту разводящихся, по очередности и продолжительности брака, по наличию и количеству детей в семье и пр. – которые давали возможность производить полноценный анализ не только динамики уровня, но и закономерностей развития процесса. А после 2004 г. в демографических ежегодниках Республики Коми не публикуется даже информация об уровне разводимости отдельно по городской и сельской местности. Лишь за 2005 г. этот показатель удалось найти в экспресс-информации «Естественное движение населения Республики Коми за 2005 год» [11, с. 25]. В последующие годы показателей по городу и селу нет также и в этих бюллетенях. А в демографических ежегодниках остался только уровень разводимости по всему населению республики и абсолютно неинформативные для исследователей ввиду незначительности статистических совокупностей показатели разводимости по муниципальным образованиям и не представляющие научного интереса числа разводов по месяцам года.

Как видно по имеющимся данным (табл. 1, рис. 1), общий коэффициент разводимости городского населения Республики Коми в 2–2,5 раза выше, чем в сельской местности. В отдельные годы – даже в три. И причина здесь не только в более старой возрастной структуре сельского населения: как известно, развод – «привилегия» молодых. Вероятности развестись к определенному возрасту, рассчитываемые по принципу суммарного коэффициента – суммированием половозрастных коэффициентов разводимости, в городской местности также значительно превосходят аналогичные показатели в сельской, особенно для мужчин. Так, при уровне показателей разводимости, характерном для 1994 г. – года максимального для 1990-х гг. уровня официальной разводимости – вероятность развестись к 50 годам в Республике Коми имели 59,3 % мужчин и 71,9 % женщин. При этом в городской местности 68,0 % мужчин и 79,4 % женщин, в сельской – 31,9 % мужчин и 44,4 % женщин. Причем у сельского населения вероятность развестись до 50 лет немножко увеличилась еще и в 1995 г. – до 32,7 % у мужчин и 45,0 % у женщин.

А в целом по населению республики в 1995 г. рост показателей разводимости перешел в стабилизацию, а затем довольно заметное снижение, продолжавшееся в течение 5 лет. Отметим, что по времени эта благоприятная тенденция совпала с подготовкой и принятием в конце 1995 г. нового Семейного кодекса Российской Федерации [21], когда вопросы, касающиеся проблем развития семьи, имели широкое общественное звучание. В результате этого снижения к концу 1990-х гг. в республике были достигнуты уровни начала 1970-х.

Однако следует учесть, что 1990-е и 1970-е гг. принципиально различаются по брачной ситуации. В 1970-е гг. в республике наблюдался рост показателей официальной брачности, в то время как 1990-е ознаменовались расширением распространения фактических браков, а официальная брачность оказалась на уровне 1920–1930-х гг. В 1999 г., когда в Республике Коми наблюдался минимальный уровень разводимости, аналогичный уровню начала 1970-х гг., показатели брачности были более чем в 1,5 раза ниже уровня 1970 г.,

т.е. снижение уровня разводимости, характерное для середины – второй половины 1990-х гг., на наш взгляд, вовсе не свидетельствует об усилении в этот период устойчивости функционирования семьи.

Во-первых, это следствие значительного сокращения в связи со снижением официальной брачности числа молодых браков: в середине 1990-х гг. более трети разводов приходилось на браки продолжительностью до 5 лет. Во-вторых, это следствие широкого распространения фактических браков, имеющего место в 1990-е гг. [1]. С одной стороны, не оформленный юридически брак не требует и юридического оформления развода. А, с другой, фактическая брачность, охватывающая прежде всего повторную брачность, способствует и распространению фактической разводимости зарегистрированных первых браков – без юридического оформления факта развода. Существует также и такой нюанс: специалисты, регистрирующие демографические события, отмечали, что довольно распространенным явлением в 1990-е гг. стало пренебрежение населением, особенно мужчинами, фиксировать в органах ЗАГС разводы, совершенные в судебном порядке. Иными словами, часть даже юридически оформленных разводов не попадала в статистику разводимости – скорее всего, опять же в силу распространения фактической брачности в повторных браках. В-третьих, в условиях весьма низкого уровня жизни основной части населения и многомесячных задержек заработной платы, очень характерных для середины 1990-х гг., даже необходимость платить при разводе госпошлину могла быть фактором снижения официальной разводимости. И это тоже отнюдь не свидетельствует о повышении стабильности семейной жизни в 1990-е гг.

Распад семьи, развод затрагивает все стороны жизнедеятельности человека. Он влияет на его эмоциональное благополучие и состояние здоровья; порождает серьезные юридические проблемы; ставит разведенных, особенно женщин с детьми, в тяжелое экономическое положение; усложняет взаимоотношения с социальным окружением; обостряет проблемы, связанные с выполнением родительских обязанностей. Конечно, достаточно большая часть разведенных вновь создает семью. По данным за период с наличием детальной статистической информации по брачности и разводимости населения, ежегодно более четверти всех браков в Республике Коми совершается разведенными женщинами и мужчинами. Несмотря на первый неудачный опыт, семья представляет для них несомненную жизненную ценность. Однако исследователи отмечают, что повторные браки гораздо более неустойчивы, чем первые, особенно в первые годы своего существования. В таких браках удельный вес разводов с продолжительностью брака менее двух лет практически в два раза выше, чем аналогичная доля в первых браках. Лишь после 10 лет семейной жизни, когда большая часть неблагоприятных повторных браков уже распалась, разводы в них становятся менее распространенными, чем в первых [22, с. 146–147].

Возраст разводящихся и увеличение стажа брака негативно влияют на психологическое самочувствие людей, затрудняя процесс адаптации после развода. Молодые люди быстрее восстанавливают эмоциональное равновесие, легче привыкают к новому стилю жизни. У них лучше перспективы для вступления в новый брак. В первой половине 1990-х годов, в условиях роста официальной разводимости, наблюдалось некоторое омоложение ее структуры. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. развод заметно «постарел». Если в середине 1990-х гг. молодежь до 30 лет традиционно превышала треть всех разводящихся, то в начале 2000-х гг. на возраст до 30 лет приходилось менее 30% всех разводов. У женщин, которые в возрастных группах до 25 лет характеризуются в полтора-два раза более высокой интенсивностью разводимости, чем мужчины, в возрастах до 30 лет в этот период совершалось менее трети разводов, в то время как в середине 1990-х удельный вес разводов до 30 лет у женщин превышал 40 %.

В первой половине 1990-х гг. возрастная медиана разводимости – возраст, к которому совершается половина всех разводов – и у женщин, и у мужчин Республики Коми приходилась на возрастную группу 30–34 лет. Однако мужская медиана разводимости уже в середине 1990-х гг. была довольно близка к верхней границе этой возрастной группы, а в 1996 г. она пересекла ее. У женщин медиана разводимости попадала на возрастную группу 30–34 лет буквально до конца 1990-х гг. Однако в начале XXI в. женская возрастная медиана разводимости в Республике Коми также пересекла 35-летний рубеж. К возрасту 40 лет в начале 2000-х гг. в республике регистрировалось около 60 % разводов у мужчин и менее 65 % – у женщин. В середине 1990-х гг. эти цифры были выше более чем на 15 %.

Возрастная мода разводимости (возраст наибольшей интенсивности разводов) и у мужчин, и у женщин Республики Коми в начале 2000-х гг. по-прежнему приходилась на возраст 25–29 лет. Однако она также тяготела к переходу в следующую возрастную группу, пересекая время от времени 30-летний рубеж по отдельным категориям населения: чаще всего у мужчин. Так, в 2003 г. на возрастную группу 30–34 лет попала мода разводимости у всех мужчин республики и у сельских женщин. Однако уже в 2003 г. началось сокращение обязательного перечня показателей развития брачно-семейных отношений, разрабатываемых органами статистики: в указанном году в возрастной статистике разводимости населения Республики Коми появилась категория «возраст неизвестен», составившая довольно большой процент от числа разводов (у мужчин 18,5 %, у женщин – 11,6 %), что существенно ограничивает достоверность результатов анализа возрастной структуры разводов.

Постарел официальный развод за рассматриваемые полтора десятилетия не только по возрасту разводящихся, но и с точки зрения продолжительности брака. Как уже отмечалось, еще в середине 1990-х гг. около трети разводов совершалось в Коми в первое пятилетие брака. В начале 2000-х – лишь немногим более 20 %. К этому времени период максимальной интенсивности разводимости устойчиво переместился из группы браков с продолжительностью 0–4 года в группу с продолжительностью 5–9 лет. А в 2001 г. количество расторгнутых браков с продолжительностью менее 5 лет оказалось меньше даже числа расторгнутых браков с продолжительностью 10–14 лет. Причины этого, думается, также следует искать прежде всего в снижении в 1990-е гг. уровня официальной брачности: в относительно малом количестве молодых браков по сравнению с числом браков большой продолжительности. Однако такое постарение структуры разводов на стыке столетий – как по продолжительности брака, так и по возрасту разводящихся – следует расценивать как не вполне благоприятную тенденцию с точки зрения вероятности повторного семейного опыта.

Несмотря на постарение структуры разводов, в начале 2000-х гг. по-прежнему весьма существенная их часть приходилась на семьи, в которых супруги относятся к наиболее репродуктивным возрастам. Однако утверждение, что это существенно влияет на уровень рождаемости [23, с. 47], думается, является не совсем верным. На наш взгляд, в условиях режима низкой рождаемости связи между разводимостью и рождаемостью почти нет. При невысоких репродуктивных ожиданиях, тяготеющих к двум детям, репродуктивная потребность женщины имеет возможность удовлетвориться и при благополучном течении ее семейной жизни, и при разводе с последующим заключением повторного брака, и при разводе без вторичного брака. А развод с последующим вторичным браком может даже увеличить число детей, рожденных женщиной, сверх первоначальных ее ожиданий: в новой семье репродуктивные установки могут возрасти вследствие стремления супругов иметь общего ребенка (детей). На число детей, рожденных женщиной к концу ее репродуктивного периода, может повлиять, скорее, длительное проживание в формальном браке без его расторжения, чем факт развода.

Тем не менее одна из наиболее значимых проблем развода связана с тем, что он затрагивает судьбы детей. Подавляющее большинство детей при разводе остается с матерью. Соответственно, с ростом уровня разводимости, наряду с ростом уровня внебрачной рождаемости, увеличивается удельный вес неполных семей, возглавляемых женщинами. Это одно из самых неблагоприятных для общества последствий высокого уровня дезорганизации брачно-семейных отношений. Помимо основной проблемы таких семей – экономической – существует целый спектр трудноразрешимых вопросов, начиная с проблем социализации детей и кончая здоровьем, физическим и психическим, самих глав материнских семей.

В Республике Коми вплоть до 1988 г. более половины разводов происходили в бездетных семьях. В течение очень непродолжительного времени их удельный вес весьма заметно сократился: в середине 1990-х годов он едва превышал 30%. При этом среди распавшихся семей с детьми росла доля семей с двумя и более детьми. В 1994 г. она превысила 40% всех распавшихся семей с детьми, а в сельской местности составила почти половину. Иными словами, в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. прослеживалось не только уменьшение значимости детей как фактора, противодействующего официальному разводу, но и процесс исчезновения взаимосвязи вероятности развода и числа детей в семье.

Впоследствии, во второй половине 1990-х гг., доля бездетных семей в структуре официальной разводимости вновь несколько возросла – до 33–38 %. При этом в структуре распавшихся семей с детьми сократилась доля семей с двумя и более детьми: в начале 2000-х гг. она была меньше трети всех распавшихся семей с детьми. Однако несомненно, что прежде всего это следствие очень низкого уровня рождаемости на всем протяжении 1990-х гг. Кроме того, подчеркнем, что все эти тенденции касаются лишь официальной разводимости. Без специальных исследований ничего нельзя сказать о том, как обстоит дело с наличием и количеством детей в семьях, распадающихся фактически – без юридического оформления. Поэтому необходимость направления усилий общества на то, чтобы родительство пережило брак, что взаимосвязано с общим повышением культуры развода, безусловно, очень актуально.

В последнее время, как уже отмечалось, о развитии брачно-семейных отношений исследователю доступна крайне скудная статистическая информация, дающая возможность проследить лишь общую динамику разводимости. После снижения второй половины 1990-х гг., с 2000 г. в Республике Коми, как и по стране в целом, еще с 1999 г. наблюдалось повышение уровня официальной разводимости. В 2001–2002 гг. максимальные уровни 1994–1995 гг. оказались не только достигнутыми, но и превышенными. В течение последующих трех лет (2002–2005 гг.) показатели разводимости вновь обнаружили тенденцию к снижению, сменившуюся затем четырехлетним ростом (2006–2009 гг.). В дальнейшем на протяжении пяти лет (2010–2014 гг.) для уровня разводимости населения республики была характерна колебательная динамика без видимого тренда. И лишь в последние четыре года (2015–2018 гг.) при колебательной динамике показателя в регионе вновь прослеживается убывающий тренд. В 2018 г. уровень разводимости населения Республики Коми соответствует уровню 2005 г.

Таким образом, динамика разводимости населения находится в сильной зависимости от брачно-семейного законодательства, от отношения населения к разводам, а также от внешних обстоятельств, таких как война, изменение нравственно-психологического климата в обществе, социально-экономический кризис и пр. В Республике Коми, как и в целом по России, следует отдельно рассматривать несколько этапов разводимости. В советский период истории четко выделяются три этапа: этап законодательного разрушения брака, семьи и семейной собственности как социальных институтов (до середины 1930-х гг.); этап государственного восстановления института семьи и приспособления его к задачам тоталитарного государства (до середины 1960-х гг.); этап реформ, призванных придать либеральный характер правовому регулированию социалистических семейных отношений, испытывающих сильнейший кризис (со второй половины 1960-х гг.) [4, с. 78]. Постсоветский период ввиду своей незначительной продолжительности пока не позволяет выделять четкую периодизацию развития разводимости населения. Следует лишь отметить, что российский демографический кризис конца XX – начала XXI в. сопровождался критическими тенденциями и в развитии брачно-семейных отношений. При этом для разводимости, как и для других демографических процессов, характерной чертой стал колебательный характер динамики, даже некоторая цикличность развития: демографические события, отложенные населением на одном временном отрезке, концентрируются на другом. Однако лишь 1990-е и самое начало 2000-х гг. дают возможность полноценного анализа закономерностей разводимости населения: по типам населенных пунктов, по полу, по возрасту, по очередности и продолжительности брака, по наличию и количеству детей в семье. А после 2005 г. разрабатываемые органами статистики данные позволяют лишь фиксировать тенденции процесса в целом по всему населению региона.

Литература

1. Попова Л.А. Развитие брачно-семейных отношений в Республике Коми в 1920–1990-е годы // Историческая демография. 2018. № 2 (22). С. 38–44.
2. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.
3. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят на сессии ВЦИК 16.09.1918 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.
4. Кошечев А.В. Расторжение брака по советскому законодательству // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 4–1. С. 75–79. DOI: 10.0000/cyberleninka.ru/article/n/rastorzhenie-braka-po-sovetskomu-zakonodatelstvu-1.
5. Синельников А.Б. Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 27–37.
6. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
7. Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей, и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе» // Собрание законодательства СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
8. Иванова Е.И. Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: Матер. науч. конф. (27–28 февраля 2002 г., г. Москва). URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_010.html (дата обращения: 5.06.2020).
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
10. Демографический ежегодник Республики Коми. 2005. Сыктывкар, 2005.
11. Естественное движение населения Республики Коми за 2005 г. Экспресс-информация Комистата № 44-24-21/3 от 14.04.2006. Сыктывкар, 2006.
12. Демографический ежегодник Республики Коми. 2019. Сыктывкар, 2019.
13. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989.
14. Демографический ежегодник России. Статистический сборник. М., 2000.
15. Естественное движение населения Российской Федерации за январь–сентябрь 2000–2001 гг. (статистический бюллетень). М., 2001.
16. Социально-экономические показатели регионов Северо-западного федерального округа в 1995–2002 гг. Статистический сборник. Сыктывкар, 2003.
17. Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 5.06.2020).
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1965 г. № 4238-VI «О некоторых изменениях порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 49. Ст. 725.
19. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
20. Фотеева Е.В. Семья в современном буржуазном мире. М., 1988.

21. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. С. 16.
22. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М., 1986.
23. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М., 1989.

К.Т. Байжиенова*

Оценка влияния развития системы здравоохранения на показатели демографии Республики Казахстан

В статье на материале показателей по развитию системы здравоохранения и демографии Республики Казахстан рассмотрена их взаимосвязь. Для статьи были использованы такие показатели демографии как детская смертность и смертность, которые, на взгляд автора, имеют зависимость от реального состояния системы здравоохранения. Приведена аналитика по структуре смертности. Рассмотрены варианты повышения эффективности системы здравоохранения Республики Казахстан.

Ключевые слова: показатели демографии, влияние системы здравоохранения на смертность

К.Т. Baizhiyenoova

Estimation of the influence of development of the health system on the demographic indicators of the Republic of Kazakhstan

Based on indicators on the development of the healthcare system and demography of the Republic of Kazakhstan, the article discusses their relationship. For the article, such demographic indicators as child mortality and mortality were used, which, in the author's opinion, are dependent on the real state of the healthcare system. The analysis of mortality structure is given. Options for improving the efficiency of the healthcare system of the Republic of Kazakhstan are considered.

Key words: demographics, health system impact on mortality

Одними из показателей демографической ситуации в государстве являются детская смертность и общая смертность. Данные показатели используются организациями системы здравоохранения для демонстрации успехов от реализации государственных программ и проектов в сфере медицины, здоровья населения. Правительство Республики Казахстан на текущий момент реализовало следующие программы:

- Государственная программа реформирования и развития здравоохранения Республики Казахстан на 2005–2010 годы [1];
- Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Қазақстан» на 2011–2015 годы [2];
- Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Денсаулық» на 2016–2019 годы [3].

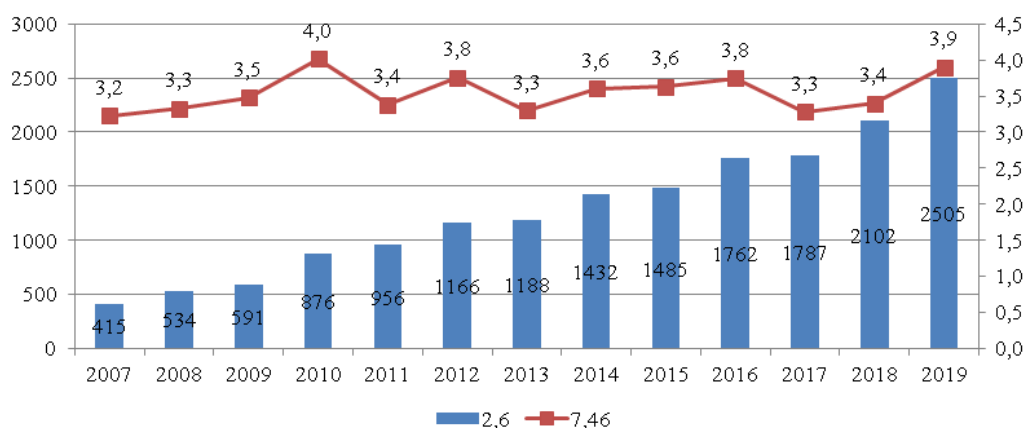

Рис. 1. Динамика общих расходов на здравоохранение Республики Казахстан за 2007–2019 гг.
Источник: Национальные счета здравоохранения Республики Казахстан за 2007–2019 годы.

* Байжиенова Кымбат Тлегеновна (Нур-Султан) – докторант исторического факультета Кафедры истории Казахстана РГП на ПХВ «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева», Республика Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Брусиловского, 20, ktlegenkyzy@mail.ru

До 2005 г. система здравоохранения финансировалась по узконаправленным или бюджетным программам. Так, например, в 2007 г. была запущена «Программа по снижению материнской и детской смертности в Республике Казахстан на 2008–2010 годы». Составлен график общих расходов на финансирование системы здравоохранения Республики Казахстан за 2007–2019 гг. (рис. 1).

Рис. 1 демонстрирует стабильный рост объемов общего финансирования системы здравоохранения Республики Казахстан. С 2007 г. номинальные суммы финансирования увеличились в шесть раз. Это обусловлено не только обесценением национальной валюты, но и развитием коммерческого сектора в системе здравоохранения страны. Для большей объективности переведем расходы на здравоохранение в иностранную валюту, которая менее подвержена инфляционным процессам (рис. 2).

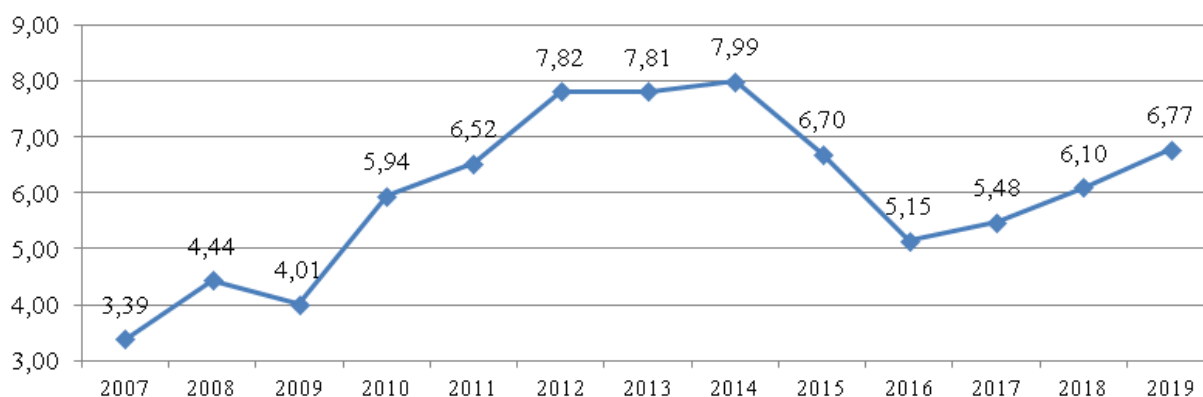

Рис. 2. Динамика общих расходов на здравоохранение Республики Казахстан за 2007–2019 гг., млрд. долларов США

Источник: Национальные счета здравоохранения Республики Казахстан за 2007–2019 годы.

Система здравоохранения Республики Казахстан в большой степени зависит от зарубежных закупок как лекарственных средств, так и медицинского оборудования. Соответственно, реальная эффективность функционирования системы здравоохранения будет зависеть, в том числе, и от курса национальной валюты к иностранной, так как закупки производятся, как правило, в долларах или ЕВРО. Итак, отметим, что в долларах США система здравоохранения испытала спад в финансировании в 2009 и 2016 гг. – годы, следующие за обесценением национальной валюты. Общее финансирование системы здравоохранения в долларах США с 2007 по 2019 г. увеличилось не в шесть раз, а в два раза. Далее проведено сравнение динамики общего финансирования системы здравоохранения и демографического коэффициента младенческой смертности на 1000 чел. (рис. 3).

Рис. 3. Сравнение расходов на здравоохранение Республики Казахстан и коэффициента младенческой смертности за 2007–2019 гг.

Источник: Национальные счета здравоохранения Республики Казахстан за 2007–2019 годы.

Рис. 3 показывает, что уровень младенческой смертности имеет устойчивую тенденцию к снижению с 2008 по 2017 г. Так, если показатель 2008 г. составлял 20,76 на 1000 родившихся живыми, то в 2017 г. он показал наименьшее значение за весь период исследования в 7,93. Частота возникновения врожденных пороков развития младенцев по данным международной науки достаточно низкая и в структуре смертности детей до одного года, как правило, не превышает 8 % [4]. В Казахстане врожденные пороки развития указываются как причина младенческой смертности в разные годы – 14–23 %. Считаем, что в данном случае врожденные пороки развития используются для сокрытия иных причин смерти, которые могли быть предотвращены медицинскими сотрудниками при правильной диагностике, правильном лечении и пр. Одной из основных причин неэффективности системы здравоохранения является недостаточное его финансирование – замедление темпов обновления медицинского оборудования, роста фонда оплаты труда медицинских работников и, соответственно, потеря профессиональных кадров и пр. В соответствии с рис. 3 показатели младенческой смертности ухудшаются после двух–трех лет после наступления определенного кризиса в финансировании (макроэкономическая дестабилизация, девальвация, инфляция и пр.). Снижение финансирования было зафиксировано с 7,99 млрд. долларов США в 2014 г. до 6,7 млрд. долларов США в 2015 г. и до 5,15 млрд. долларов США в 2016 г. Коэффициент младенческой смертности стал расти с 2017 г. – 7,93 на 1000 родившихся младенцев до 8,03 в 2018 г. и до 8,28 в 2019 г.

Далее составлен график по причинам смертности, которые можно было предотвратить при развитой системе здравоохранения (рис. 4).

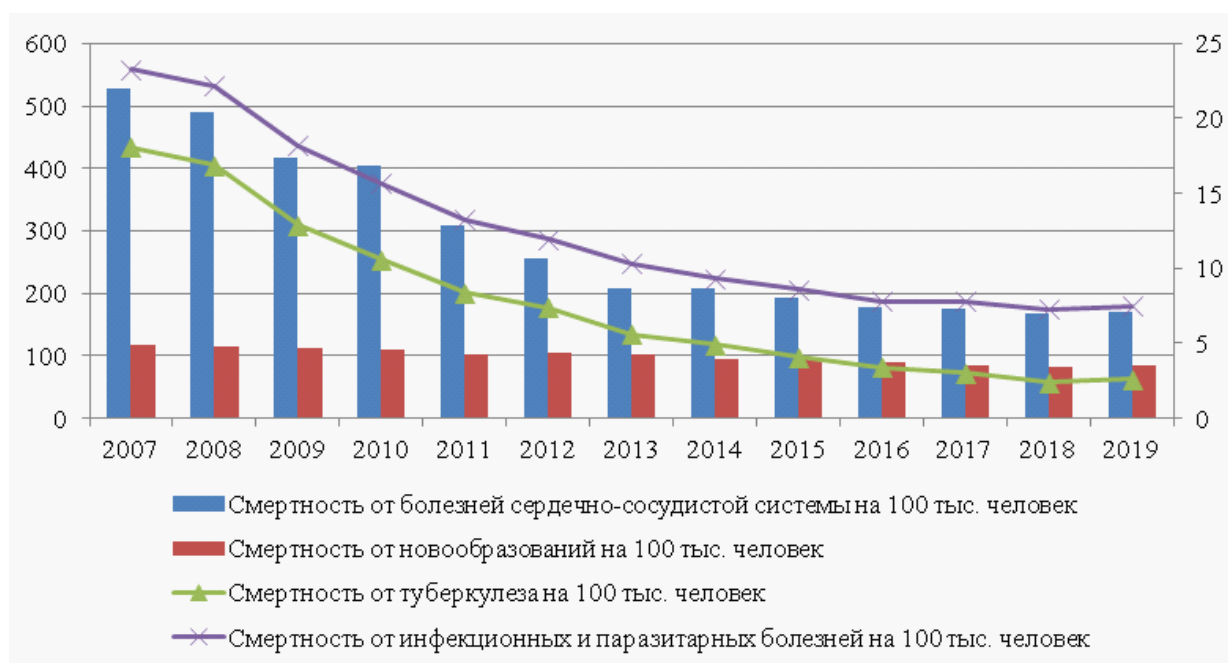

Рис. 4. Динамика причин смертности за 2007–2019 гг.

Источник: Национальные счета здравоохранения Республики Казахстан за 2007–2019 годы.

Несмотря на то, что график показывает стабильное снижение смертности от болезней ССС, новообразований, туберкулеза, инфекционных и паразитарных болезней, можно отметить, что в выявленные периоды снижения финансирования системы здравоохранения, замедляются и темпы снижения по рассмотренным показателям: 2009–2010 гг., 2015–2016 гг. В то же время нам представляются нереальными данные, где от болезней сердечно-сосудистой системы в 2017 г. умерло в три раза больше населения, чем в 2019 г. Как отмечали, ряд высокопоставленных чиновников системы государственного управления, система построена на вынужденной необходимости приписок. Составляется стратегия или программа с контрольными индикаторами эффективности, неисполнение которых грозит снятием с должности, лишением премии и перспектив продвижения по службе. В этой связи для составления успешного отчета о выполнении очередной программы или стратегии, достижения запланированных показателей допускаются приписки, которые искажают общую картину и реальные взаимосвязи.

Таким образом, нами показана определенная степень взаимосвязи полноты финансирования системы здравоохранения с рядом демографических показателей. Для подтверждения гипотезы, необходимы дополнительные и более детализированные исследования, поиск взаимосвязей в конкретных медицинских учреж-

дениях. Данные результаты дадут возможность более эффективно использовать государственные финансы, направленные на повышение уровня благосостояния и здоровья населения Республики Казахстан.

Источники и литература

1. Государственная программа реформирования и развития здравоохранения Республики Казахстан на 2005–2010 годы. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1050424 (дата обращения: 20 декабря 2018 г.).
2. Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Қазақстан» на 2011–2015 годы. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1000001113> (дата обращения: 20 декабря 2018 г.).
3. Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Денсаулық» на 2016–2019 годы. URL: <https://www.enbek.gov.kz/ru/node/332663> (дата обращения: 20 декабря 2018 г.).
4. Программа по снижению материнской и детской смертности в Республике Казахстан на 2008–2010 годы. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P070001325_ (дата обращения: 20 декабря 2018 г.).
5. Национальные счета здравоохранения Республики Казахстан за 2007–2019 годы. URL: <https://www.rcrz.kz/docs/nsz> (дата обращения: 20 декабря 2018 г.).

А.К. Гагиева, Н.Н. Гагиев*

**Роль купеческого элемента в освоении арктических территорий
Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX века.
К постановке проблемы**

Изучение роли купеческого элемента в освоении арктических территорий Европейского Севера России до настоящего времени недостаточно изучена. В работах, посвященных истории торговли, формированию рынков в Коми крае второй половины XIX – начала XX в., рассматривались различные вопросы, связанные с коммерческой деятельностью купцов, мещан и крестьян. Однако их деятельность по освоению арктических территорий Европейского Севера либо умалчивалась, либо не являлась исследовательской задачей. Цель настоящего сообщения – изучить роль купеческого элемента в освоении арктических территорий.

Ключевые слова: арктические территории, население, купцы, крестьяне, модернизация, рынки, пути сообщения

A.K. Gagieva, N.N. Gagiev

**The role of the merchant element in the development of the Arctic territories
of the European North of Russia in the second half of the XIX – early XX
centuries. To the formulation of the problem.**

The study of the role of the merchant element in the development of the Arctic territories in the Arctic territories of the European North of Russia has not been sufficiently studied to date. In the works devoted to the history of trade, the formation of markets in the Komi region of the second half of the XIX – early XX centuries, various issues related to the commercial activities of merchants, burghers and peasants were considered. However, their activities on the development of the Arctic territories of the European North were either silent or not a research task. The purpose of this report is to study the role of the merchant element in the development of the Arctic territories.

Key words: Arctic territories, population, merchants, peasants, modernization, markets, communication routes

Изучение истории освоения арктических территорий является актуальным. Это связано не только с усилением внимания к освоению Арктики сегодня, но и с новыми подходами к изучению исторических процессов. Речь идет о концепции модернизации, которая занимает достойное место в российской историографии и в системе гуманитарного знания. В работах ученых уральской школы В.В. Алексеева, И.В. Побережникова, К.И. Зубкова и других разработаны концептуальные подходы к изучению российской модернизации, ее факторы, механизмы и этапы [1]. При этом под модернизацией понимается протяженный, охватывающий несколько десятилетий всеобъемлющий исторический процесс, включающий инновационные мероприятия, в ходе которых люди совершали переход от традиционного, аграрного общества к современному индустриальному. Если на уровне становом и региональном история модернизации достаточно хорошо изучена, то для ряда национальных регионов изучение процесса модернизации и ее влияния на историческое развитие только начинается [2].

* Гагиева Анна Капитоновна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор, доцент, Коми республиканская академия Государственной службы и управления, gngkol2@mail.ru; Гагиев Николай Николаевич (Москва) – кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный экономический университет им. Г.В. Плеханова.

Цель работы состоит в исследовании роли купеческого элемента в освоении арктических территорий Коми края во второй половине XIX – начале XX в. Основными источниками стали опубликованные материалы, посвященные исследованию развития торговли и путей сообщения в Коми крае, а также материалы, отложившиеся в Научном архиве Коми научного центра [3].

Арктические территории – термин относительно новый. Он обозначает часть Арктики, находящейся под суверенитетом той или иной страны. Мы рассматриваем арктические территории, находящиеся под суверенитетом России, которые включают, кроме Мурманской области, Ненецкого и Чукотского автономных округов и др., территории, находящиеся в Республике Коми: города Воркута, Усинск, Инта и Усть-Цилемский район. В изучаемое время – это Большеземельская тундра, северная часть бассейнов рек Печора, Цильма, Уса и их притоков. Она входила в Печорский уезд Архангелогородской губернии. История заселения этих районов представлена трудами Л.Н. Жеребцова, И.Л. Жеребцова, Д.В. Вишняковой и др. [4]. Авторы показывают миграционные процессы, проходившие на этой территории, анализируют основные занятия населения, показывают роль русского элемента при продвижении на север и т.д. На основе опубликованных и неопубликованных источников авторы приходят к справедливому выводу, что ко второй половине XIX в. фиксируется увеличение количества населения на реках Печора, Ижма, Цильма и Пижма [5]. Заселение этой территории к началу изучаемого периода было практически завершено.

Все территории отличались суровыми природно-климатическими условиями, малопригодными для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний. Это не могло не отразиться на складывающихся здесь социальных и экономических отношениях. Следствием низкого плодородия почвы и недостатка в силу климатических условий рабочего времени являлись невысокий уровень производительности труда и агротехнической культуры. Это, в свою очередь, приводило к сохранению общинных форм жизнедеятельности, обеспечивающих солидарное поведение крестьян в хозяйственной, социокультурной и прочих сферах [6].

Прибывая на северные территории, зачастую поселенцы сталкивались с иными, чем прежде, климатическими условиями, а также начинали выстраивать коммуникации с проживающим здесь населением. По данным архивных документов, освоение вновь заселенных пространств требовало становления новых хозяйственных типов. Русские переселенцы, создавая свой «мир», организовывали хозяйство в соответствии с географическими условиями и параллельно с этим создавали свой быт, культуру, при этом сохраняя те традиционные черты, которые они принесли с собой. Освоение территорий носило исключительно аграрно-промысловый характер. На него оказывал существенное влияние и конфессиональный элемент. Он был представлен «внесистемными» и оппозиционными элементами в виде преследуемых старообрядцев [6]. Они были оформлены организационно и успешно существовали в Усть-Цильме. Представители этих общин активно участвовали в освоении арктических территорий, а представители купечества – выходцы из старообрядческой среды – активно использовали ресурсную базу арктических территорий, что, в конечном итоге, усиливало роль купеческого элемента в освоении изучаемой территории.

В настоящее время деятельность купеческого элемента при освоении этих территорий рассмотрена недостаточно. Тогда как исследование деятельности купечества и его роли в истории Коми края имеет обширную историографию. Ученые, рассматривая рынки сбыта, ассортимент продаваемых товаров, абсолютно верно подчеркивали значение торговых центров и путей сообщения на изучаемой территории в деле снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, однако в работах не нашли отражения ряд вопросов, связанных с методами развивающихся рыночных отношений в регионах [7].

Купечество или купеческий элемент в широком смысле означает торговцев, а в узком – исторически сформировавшуюся социальную общность людей, занятых торговлей или иной предпринимательской деятельностью. В XIX – начале XX в. купечество стало вторым по численности после крестьянства источником формирования буржуазии. С принятием Положения «О пошлинах на право торговли и иных промыслов» (1 января 1863 г., с изменениями от 9 февраля 1865 г.) представители всех сословий получили возможность заниматься торговым или промышленным предпринимательством, платя особые сборы и не перечисляясь в купечество. Связь между получением купеческого гильдейского свидетельства и занятием предпринимательством окончательно прекратилась после издания Положения «О государственном промысловом налоге» (8 июня 1898 г.), согласно которому право на ведение собственного дела стали давать промысловые свидетельства трех торговых и восьми промышленных разрядов в зависимости от доходности, расположения, степени механизации предприятия, числа рабочих. Это привело к активизации рыночных отношений, расширению сферы торговли, увеличению оборота.

Купцы доставляли товары в труднодоступные арктические районы по грунтовым дорогам, рекам, где одной из главных оставалась Печора с ее притоками. В зимнее время дорога проходила по «зимникам», которые проходили по руслам замерзших рек и болот. Как показано в исследованиях М.А. Мацука и В.В. Шаньги-

ной, все дороги в зависимости от назначения делились на «почтовые, торговые и проселочные». В арктической зоне – это зимняя дорога между Усть-Цильмой и Вожгоры (на р. Мезень), а также водно-гужевой тракт между Печорским и Камским бассейнами через Якшинскую пристань и др. По этим дорогам населению арктических территорий доставлялись самые разнообразные грузы и вывозились продукты охоты, рыболовства, точильный камень и т.д. [8]. Дороги использовались и в предыдущее время и были известны как купцам, так и промышленникам. Эта транспортная инфраструктура и стала базой освоения новых территорий со стороны купеческого элемента.

Во второй половине изучаемого времени перед обществом была поставлена задача расширения воспроизводственной базы. Это стимулировало освоение новых пространств, внедрение новых средств передвижения, активное включение населения и областей в производственные отношения. На первый план выдвигались скорость и эффективность развивающихся рыночных взаимодействий между территориями Коми края. Существовавшая в начале XIX в. структура товарообмена между районами позволяла осуществлять экономическое развитие края при сохранении определенной разобщённости. Монополия низких цен за счет эксплуатации природных ресурсов, что предполагало их экстенсивный «отбор» на огромных территориях и использование архаичных социальных институтов, приводила к развитию замкнутых хозяйственных и социальных «миров».

В изучаемое время ситуация меняется. Перед обществом ставится задача преодоления институциональной и технической отсталости страны и территорий. Она предполагала последовательное расширение «эффективной национальной территории», за счет развития рынка, пространственной мобильности основных факторов развития производства, капиталов, труда и транспортной инфраструктуры. При этом пространственной экспансии территорий отводилось особое место. Сюда входила и арктическая зона Европейского Севера России. Она представляла интерес для купеческого элемента не только наличием здесь уникальных природных богатств, но и наличием рынков сбыта.

Известно, что в 1887 г. на изучаемую территорию приходит сибирский купеческий элемент, представленный торговым домом А.М. Сибирякова. Благодаря его усилиям была проложена дорога до с. Ляпина, далее к р. Щугору – правому притоку Печоры. Прежде чем приступить к строительству, весь путь был обследован, составлены и уточнены карты, изучены климатические условия. Кроме этого, собирались сведения о составе населения, его платежеспособности, а также перспективах расширения освоенной территории. В 1886 г. дорога была открыта и по ней уже А.М. Сибиряков доставил до 30 тыс. пудов хлеба [9]. Помимо хлеба А.М. Сибиряков в 1886 г. доставил на Печору до 7 тыс. кож, 2,5 тыс. пудов каменной соли, 1 тыс. пудов сала. Кож и сало погрузил на пароход «Норденшельд» и отправил в Скандинавию. Оттуда привез до 10 тыс. пудов соли, по тысяче пудов масла деревянного, рису, керосину, тысячу пудов «красок тёртых», 120 пудов табака прессованного. Соль была продана на Печоре по 45 коп. за пуд, а все остальное увезли зимой в Сибирь, в том числе печорские товары: 300 пудов точильного камня, 300 пудов шерсти оленьей, 60 пудов семги [9]. В течение лета 1886 г. из Сибири до Ляпина было доставлено для зимней перевозки на Печору 150 тыс. пудов товаров, в том числе 130 тыс. пудов муки ржаной, 5 тыс. пудов ржи и т.д. [9].

Пространственно-ресурсный потенциал арктических территорий привлекал и усть-сысольское купечество. Речь идет о деятельности В.Н. Латкина. Известно, что в 1859 г. он создал Печорское лесное товарищество для вывоза в Лондон печорской лиственницы. Для этого его представитель Н. Оленников обследовал фарватер и устье Печоры, изучил бассейн реки и подтвердил возможность строительства порта в устье реки. В 1860 г. первая партия леса была доставлена в Нант, а в 1861 г. уже в Лондон и Бордо. В 1864 г. М.К. Сидоров организовал на Печоре речное пароходство, которое занималось перевозкой грузов в Европу через Нарьян-Мар. С 1860 по 1867 г. в устье Печоры побывало около 130 русских и иностранных кораблей [10]. Постоянное пароходное движение было организовано также купеческим элементом. Речь идет о чердынских купцах и предпринимателях, о которых достаточно много написано [11]. Однако не только природные ресурсы привлекали в арктические территории купцов и предпринимателей, ими двигали и научное познание неизведанного, и высокая идея служения обществу и народу, о чем красноречиво говорят дневники В.Н. Латкина [12].

К концу изучаемого времени, освоение региона со стороны купцов и предпринимателей расширяется. Особенностью этого этапа стало создание здесь промышленных предприятий лесозаготовительной отрасли, которые появились на Печоре в 1892–1895 гг. Активное участие в их создании принимают как российские купеческие дома, так и иностранные [13]. Рассматривая роль купеческого элемента в освоении арктических территорий, нельзя не упомянуть о крестьянах, которые получив от купцов, прибывающих на Печору товары, перепродавали их своим односельчанам. Эти предприимчивые крестьяне Усть-Цилемской и Ижемской волостей Печорского уезда к концу изучаемого периода создавали собственные торговые семейные дома. Они формировали сеть своих постоянных покупателей в населенных пунктах, которые сдавали им продукты охоты и рыболовства взамен на необходимые товары. Обычно сами перекупщики выезжали в населенные пункты и проводили торговые операции. Можно отрицательно относиться к подобным операциям, но следует учитывать и то обстоятельство, что, вовлекая местное население в подобные сделки, местный торговый элемент

расширял сферу своего влияния, активизировал освоение территорий, ускорял развитие товарно-денежных отношений.

Рассматривая роль купеческого элемента в освоении арктических территорий, необходимо также отметить, что она являлась опорным элементом конструкции региона, определяя в дальнейшем структуру его исторического развития. Снабжая население арктических территорий продуктами питания и предметами первой необходимости, купеческий элемент решал не только задачи получения прибыли. Строительство дорог, часовен, православных храмов, участие торговцев в общественных мероприятиях живущего здесь населения, научные обследования территории приводили к развитию континентального арктического района Российской империи. Влияние купеческого элемента на жизнь населения арктических районов способствовало созданию условий для выживания народа в трудных природно-климатических условиях. Это, в свою очередь, активизировало геополитический фактор на стадии российской модернизации второй половины XIX – начала XX в., что усиливало взаимоотношения общества и природной среды и вводило «ценностный компонент», который проявлялся в «отборе географических свойств территории действительно критически важных для выживания народа как государственно оформленной общности» [14].

Источники и литература

1. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / В.В.Алексеев, Е.В.Алексеева, К.И. Зубков и др.; Ин-т истории и археологии. Екатеринбург: Банк научной информации, 2011. 404 с.; *Побережников И.В.* Модель фронтальной модернизации в истории России: концептуальная интерпретация // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2012 и др.
2. *Алексеев В.В.* Эволюция и революция в модернизационной динамике Российской цивилизации // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2011. С. 4–29.
3. Чердынь // Перм. губ. ведомости. 1899. № 231; Чердынь // Перм. губ. ведомости. 1900. № 240; *Балуева Д.Д.* Промышленность Коми края в последней трети XIX века: Научный отчет // Науч. архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 55.
4. *Вишнякова Д.В.* Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в. Сыктывкар, 2012; *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1996; *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1972; *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII – середине XIX вв.: территория и заселение. Сыктывкар, 1998.
5. *Вишнякова Д.В.* Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в. Сыктывкар, 2012; *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1996.
6. *Гагиева А.К.* Модернизация Европейского Севера России в XVIII веке // **Коми Республиканская Академия государственной Службы и управления Вестник.** Теория и практика управления. 2014. № 12 (17). С. 63–69.
7. Очерки истории Коми АССР. Т. 1. Сыктывкар, 1955. 352 с.; История Коми АССР. 2-е изд., доп. Сыктывкар, 1981. 480 с.; История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Сыктывкар, 2004; *Мацук М.А., Шаньгина В.В.* Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. Сыктывкар, 1996; *Лейман И.И.* Социокультурный фактор ярмарочной деятельности (на примере Европейского Севера России XIX – начала XX вв.) // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография). Сборник статей. Сыктывкар: ГОУ КРАГСиУ, 2017. С. 89–101; *Лейман И.И.* Торговля на Европейском Севере России в XIX веке: историографический обзор // Литературное наследие региона: сохранение, интеграция в цифровую среду, перспективы чтения: материалы международной научно-практической конференции (Сыктывкар, 30 окт. – 1 нояб. 2017 г.) / Нац. б-ка Респ. Коми; сост. Н.В. Гурьева. Сыктывкар, 2017. С. 277–281 и др.
8. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Сыктывкар, 2004. С. 434–435; *Окладников Н.А.* Из прошлого Печорского края: исторические очерки. Архангельск, 2014. С. 40–55.
9. Обзорение Печорского края архангельским губернаторомъ действительным статским советникомъ князем Н.Д. Голицыным летом 1887 года. Архангельск, 1988. С. 107–108.
10. *Вавилов Н.Н., Кудрявцева Л.* В.Н. Латкин и его дневник путешествия на Печору (1840 и 1843) // Известия Коми филиала Всесоюзного геогр. об-ва. 1964. Вып. 9. С. 70–75; *Пыстин М.С.* Печора. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1974. 194 с.; *Богданов И.А.* Деятель не из ряда обыкновенных // Петербургская фамилия: Латкины. СПб.: Искусство, 2002. 268 с. и др.
11. *Чагин Г.Н.* Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь, 2002. С. 329–332; Он же. Социально-экономическое развитие Чердынско-Печорского края в XVIII–XX вв. // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (28), История, 2015.
12. *Латкин В.Н.* Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Ч. 1 и 2. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1853.
13. *Балуева Д.Д.* Промышленность Коми края в последней трети XIX века: Научный отчет // Науч. архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 55.
14. *Зубков К.И.* Геополитика как отражение структур исторического опыта // Воспитательный потенциал исторического образования: сб. науч.ст. XII Всерос. ист.-пед. чтений. Екатеринбург, 2008. Ч. I. С. 120.

Г.Н. Плотникова, С.Н. Плотников*

«Екатеринбургская неделя» как источник по демографии населения Пермской губернии последней четверти XIX века

В статье речь идет о статистических данных по демографической истории населения Пермской губернии последней четверти XIX в., опубликованных в газете «Екатеринбургская неделя». Авторы считают, что статистические сведения, содержащиеся в материалах первой в губернии частной газеты, являются уникальным, малоизученным комплексным источником по демографической истории Пермского края. Опубликованные статистические материалы являются высокоинформативными источниками, позволяющими проследить демографические процессы в динамике, выявить закономерности и особенности размещения населения губернии. Особый интерес представляет динамика заводских травм, инфекционных заболеваний и детской смертности.

Ключевые слова: «Екатеринбургская неделя», демография населения, статистические сведения, закономерности и особенности размещения, Пермская губерния последней четверти XIX века

G.N. Plotnikova, S.N. Plotnikov

«Yekaterinburg week» as a source for population demography Perm province of the last quarter of the XIX century

The article deals with statistical sources on the demographic history of the population of the Perm province of the last quarter of the 19th century, published in the Ekaterinburg Week newspaper. The authors believe that the statistical information contained in the materials of the first private newspaper in the province is a unique, poorly studied, comprehensive source on the demographic history of the Perm Territory. The published statistical materials are highly informative sources that allow you to track demographic processes in dynamics, to identify patterns and characteristics of the distribution of the population of the province. Of particular interest is the dynamics of factory injuries, infectious diseases and child mortality.

Key words: “Yekaterinburg week”, population demography, statistical information, patterns and features of accommodation, Perm province of the last quarter of the XIX century

«Екатеринбургская неделя» стала первой частной газетой в огромной Пермской губернии. Она издавалась в Екатеринбурге в 1879–1896 гг., т.е. около 18 лет [1]. Газета является уникальным комплексным источником по истории Пермской губернии последней четверти XIX в.

Особый интерес представляют опубликованные в издании разнообразные статистические материалы, позволяющие проследить демографические процессы в крае.

Материалы газеты позволяют наглядно представить динамику численности населения губернии в целом, а также по отдельным уездам, городам, населенным пунктам и заводам (рождаемость, брачность, естественный прирост и др). Так, известный врач Д.П. Никольский опубликовал статистические данные о численности

* Плотникова Галина Николаевна (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, sgp80@yandex.ru; Плотников Сергей Николаевич (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, sgp80@yandex.ru

населения Пермской губернии с распределением его по полу, месту жительства (в уездах, городах). Представленные материалы содержат сведения о количестве родившихся и умерших по годам – с 1883 по 1892 г. (с указанием пола, соотношения мальчиков и девочек). Кроме того, имеются данные об уровне естественного прироста (или убыли) населения [2]. Особую ценность представляют публикуемые в газете результаты однодневных переписей жителей различных городов Пермской губернии, проведенных по инициативе городских управ. Так, в 1887 г. была проведена однодневная перепись населения г. Екатеринбурга. Материалы переписи содержат данные о численности постоянных жителей города (домохозяев, квартирантов, прислуги, рабочих, служащих, приказчиков, солдат). В переписи также представлено распределение горожан по полу, вероисповеданию, сословиям, уровню образования, семейному положению, занятиям. При этом приведены процентные показатели по всем вышеназванным категориям [3]. Данные этой переписи сравниваются с результатами переписи 1873 г., что позволяет проследить динамику численности населения города за 14 лет [4]. 12 ноября 1887 г. была проведена аналогичная однодневная перепись жителей г. Красноуфимска, результаты которой были также опубликованы в газете [5]. По постановлению Пермского губернского статистического комитета 7 апреля 1890 г. была проведена однодневная перепись населения жителей Перми и Екатеринбурга. Сравнительные данные по двум самым крупным городам губернии были также опубликованы в газете. В публикации сравнивалось не только число жителей, но и соотношение мужчин и женщин [6]. Более обстоятельно результаты данной однодневной переписи в Перми были опубликованы в газете в 1892 г. В переписи указывалось число жителей с распределением его по полу, семейному положению, сословиям, месту рождения, родному языку, религии и образованию [7]. В публикациях газеты встречаются сведения о родильном покое в г. Перми, числе рожениц в нем с 1879 по 1889 г. Дано их распределение по сословиям, месту проживания (город, уезд, из других уездов и губерний, иностранок) [8]. Отдельно публиковались сведения о численности жителей Мотовилихи, половину из которых составляли приезжие (отходники), занятые на заводских работах [9]. В одной из заметок приводится динамика численности населения Екатеринбурга с 1870 по 1882 г. [10]. Значительный интерес также представляют опубликованные ежегодные данные о движении населения в Екатеринбурге (рождаемости, браках, смертности) за 9 лет (1883 – 1891 гг.). В них указаны вероисповедание (православные и единоверцы), численность рожденных по годам и месяцам с указанием незаконнорожденных и подкидышей, количество рождений на один брак, число мертворожденных. Эти данные сравнивались с аналогичными показателями за 1870–1883 гг. Основные демографические показатели, характеризующие население Екатеринбурга, даны в сравнении с другими регионами России и европейскими странами [11]. В газете также содержатся данные о численности населения города Шадринска [12]. Представляет интерес статистика рождаемости, смертности и браков жителей города Ирбита за 17 лет (1865–1882 гг.). Динамика движения населения представлена в публикации известного врача П.П. Серебренникова, основой которой явились данные Ирбитской санитарной комиссии. Автор приводит интересные сравнения с европейскими городами, в частности, Лондоном [13].

Значительный интерес представляют опубликованные в газете статистические данные о населении различных уездов Пермской губернии. В 1891 г. регулярно публиковались сведения о рождаемости и смертности населения в Екатеринбургском уезде за 13 лет (1870–1882 гг.). В них содержатся сведения о числе родившихся, вступивших в брак и умерших (по полу, возрасту, месяцам, годам и отдельным приходам). Кроме того, приводятся данные о средней продолжительности жизни, числе умерших насильственной смертью, естественном приросте населения. В публикациях указываются также волости, количество селений и число отходников. Проводится сравнение не только с другими уездами Пермской губернии, но и другими регионами России и европейскими странами (Францией, Англией, Бельгией, Италией, Швецией и др.) [14]. В отдельных заметках названы самые «многолюдные» волости Ирбитского уезда [15]. В издании опубликованы сведения о числе жителей Верхотурского и Шадринского уездов за 1890 и 1891 гг. [16].

В газете неоднократно публиковались демографические данные о жителях отдельных сел и деревень Екатеринбургского уезда Пермской губернии (с. Мостовском, с. Шарташ, д. Балтым и с. Белоярском) [17]. В публикациях указано число жителей с распределением их по полу, сословию, вероисповеданию, грамотности, представлены данные о рождаемости, браках и смертности за различные периоды времени.

Значительное место в газете уделено описанию отдельных заводов Пермской губернии, в которых содержатся демографические сведения о жителях заводов с указанием их пола, сословия и вероисповедания. Подобные материалы, в частности, содержатся о жителях Невьянского завода. В данных публикациях приведены сведения (по месяцам) о численности родившихся, количестве заключенных браков и умерших заводских жителей в течение 15 лет (1868–1882 гг.). Кроме того, указано количество незаконнорожденных и подкидышей, разделенных по полу, представлены данные о возрасте вступающих в брак и умерших (по возрасту и полу). При этом учитывались только православное население и единоверцы. Сведения о жителях Невьянска были опубликованы и за 1884 г. [18]. Аналогичные сведения опубликованы о жителях Березовского завода за 1868–1882 гг. [19] и Быньговского завода [20].

Опубликованные в газете статистические материалы дают представление о движении населения Пермской губернии в последней четверти XIX в. Сведения по отдельным уездам, городам, заводам и населенным пунктам края дают возможность проследить динамику его численности по отдельным регионам. Они позволяют выявить показатели естественного прироста населения, а также его убыли в отдельных местностях в различные годы изучаемого периода.

Особый интерес представляют данные об этническом составе населения отдельных местностей Пермской губернии. Так, в газете опубликованы сведения о вогулах (манси) Верхотурского уезда, приводятся данные об их численности, волостях проживания с разделением на оседлых и кочующих. В заметке содержатся сведения и об остяках (хантах), местах их проживания [21]. Отдельно публиковались статистические материалы о башкирах Красноуфимского уезда и черемисах (марийцах) Екатеринбургского уезда [22].

Борясь с аграрным перенаселением, правительство в начале 1890-х гг. законодательно способствовало крестьянским миграциям из европейской части России в Сибирь и на Дальний Восток. В связи с этим корреспонденты «Екатеринбургской недели» регулярно публиковали сведения о движении переселенцев из внутренних губерний в Сибирь через Пермь (взрослых, детей, всего) за 1891, 1892 и 1893 гг. [23]. Отдельно публиковались материалы губернского статистического комитета о движении переселенцев через Пермь за семь лет (1884–1890 гг.). Кроме того, печатались данные о движении переселенцев в Сибирь через Екатеринбург [24]. Значительное внимание корреспонденты уделяли и отхожим промыслам, указывая количество выданных паспортов на разные виды работ. В частности, имеются сведения по отдельным волостям Екатеринбургского уезда за 1880–1881 гг. [25]. Данные материалы позволяют представить масштабы внутренней миграции в изучаемый период, возрастной состав переселенцев, проследить рост и основные виды деятельности крестьян-отходников.

Материалы о численности учащихся по губернии в целом, а также по отдельным ее уездам позволяют представить уровень грамотности населения данного региона, проследить динамику развития народного образования, выявить процент неграмотных в общей численности населения края.

В связи с введением 1 января 1874 г. всеобщей воинской повинности в газете регулярно публиковались статистические сведения о призывниках. В статье «К статистике Пермской губернии» указано не только количество призванных из губернии за 10 лет (1874–1884 гг.), но и число лиц, негодных к службе (ввиду недостаточного роста, телесных недостатков, болезней, а также «невозмужалости») [26]. Сообщалось и число грамотных призывников. Сведения по Пермской губернии приведены в сравнении с соседними регионами (Вятской, Уфимской, Казанской губерниями) и данными по России в целом. В газете приведены сведения о количестве подлежащих призыву новобранцев в 1880, 1890 и 1894 гг. в России в целом и в Пермской губернии в частности. Поуездные показатели по губернии приведены с разделением на призывные участки.

В газете также публиковалась статистика преступлений в Пермской губернии. В статье «К изучению Пермской губернии» корреспондент приводит статистические данные о количестве преступлений в губернии за 1875–1881 гг., числе осужденных по годам за различные преступления с распределением по полу, возрасту, вероисповеданию и месту жительства [27].

В издании также публиковалась динамика травм (по годам), полученных работниками заводов и рудников губернии. Начиная с 1887 г. врач Д.П. Никольский регулярно сообщал статистику несчастных случаев, которые произошли с рабочими на горных заводах, рудниках и промыслах. Это касалось как России в целом, так и Уральского округа, включая Пермскую губернию, в частности. Фиксировалось число умерших, получивших тяжелые увечья, легкие увечья и ранения в 1886–1895 гг. В 1896 г. Д.П. Никольский опубликовал статью «О несчастных случаях в горнозаводской промышленности в 1893 г.», в которой привел статистические данные о пострадавших на Урале, в сравнении с другими регионами России [28]. Статистика несчастных случаев на горных заводах Пермской губернии за различные годы позволяет проследить данный процесс в развитии, сравнить с аналогичными показателями по другим регионам России, выявить общие тенденции и особенности.

В газете приведены и сведения о динамике инфекционных заболеваний (по месяцам в периоды эпидемий). В частности, со ссылкой на данные журнала «Екатеринбургского уездного комитета общественного здоровья», на основе санитарных карточек приведены сведения о заболевших в Екатеринбурге тифом и другими инфекционными заболеваниями на 11 марта 1880 г. Данные приведены с разделением по полу, возрасту, сословию, семейному положению и месту проживания. Эти материалы опубликованы председателем комитета общественного здоровья полицмейстером Азаровым [29]. Аналогичные сведения публиковались земским врачом А. Тимофеевым о больных в Шадринском уезде за 1881–1883 гг. (по месяцам). Значительное место в газете уделено публикациям о больных сифилисом. Так, имеются сведения о лицах, заболевших сифилисом в Екатеринбургском уезде. Больные разделены по полу, возрасту, занятиям, семейному положению, образованию и месту проживания. Значительное внимание борьбе с заболеваниями сифилисом в данном уезде уделял

в своих полемических публикациях известный врач Д.П. Никольский. Он проанализировал санитарное состояние городского населения Пермской губернии в 1863–1884 гг., привел данные о смертности, сравнив их с аналогичными показателями других городов Российской империи [30]. С осени 1890 г. регулярно печатались поездные статистические данные об эпидемических заболеваниях в Пермской губернии с распределением больных по полу и возрасту. При этом указывались различные формы заболеваний и количество пораженных селений. Начиная с 1892 г., в связи с эпидемией тифа в крае еженедельно печатались сведения о количестве заболевших в Екатеринбурге и Екатеринбургском уезде. В них фиксировалось число заболевших, выздоровевших и умерших за неделю. В связи с эпидемией холеры в издании печатался санитарный бюллетень г. Перми, в котором также отражалось число заболевших и умерших по неделям. При этом сравнивались данные о больных с аналогичными показателями соседней Тобольской губернии. Кроме того, в газете были опубликованы статистические данные о заболевших холерой в Перми с 1830 по 1891 г. с разделением по возрастам, сословиям, полу. Отдельно фиксировалось количество умерших. Санитарный врач В.Ф. Предтеченский привел статистические данные о числе заболевших холерой в губернии с распределением их по уездам и городам, месту работы, сословиям, полу и возрасту, а также умерших [31]. Врач Д.П. Никольский опубликовал статистические данные о количестве заболевших, а также умерших от различных болезней, включая венерические, в 1891 г. Он сравнил их с аналогичными показателями 1887–1890 гг. [32]. Особое внимание корреспонденты уделяли высокой детской смертности (от 3 месяцев до 5 лет).

Данные публикации позволяют проследить динамику эпидемических заболеваний в губернии в последней четверти XIX в., сравнить их с аналогичными показателями соседних губерний и выявить особенности их протекания в крае.

Материалы газеты также содержат статистические сведения о губернских и уездных земских гласных, гласных городских дум отдельных городов Пермской губернии (их численности и социальном составе). Приведены поименные списки (по трем разрядам) избранных в гласные Екатеринбургской городской думы на 1880–1884 гг.

Отдельный интерес представляют данные земских статистиков, которые занимались хозяйственно-экономическим описанием различных населенных пунктов и местностей Пермской губернии.

Таким образом, «Екатеринбургская неделя» является малоизученным уникальным комплексным источником по демографической истории Пермской губернии последней четверти XIX в. Демографические материалы, опубликованные в газете, позволяют проследить динамику численности населения губернии. Они дают возможность выявить количество новобранцев, подлежащих призыву, уровень их грамотности. Опубликованные материалы показывают масштабы и динамику эпидемических заболеваний, стихийных бедствий, несчастных случаев на заводах, различных видов преступлений, внутренних и внешних миграций в изучаемый период. Кроме того, данные материалы помогают выявить региональные особенности демографических процессов в крае. В то же время не следует забывать о том, что использование статистического материала требует критического осмысления в силу его плохой сопоставимости из-за отсутствия единой системы сбора и обработки статистических сведений в изучаемую эпоху. Особую ценность представляет земская статистика, которая основывалась на материалах добровольных корреспондентов, отчетах и другой документации. Для своего времени она являлась самой прогрессивной системой учета. В газете были представлены выдержки из статистических сборников, опубликованных как центральными, так и местными изданиями.

Источники и литература

1. Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. Становление и функционирование первой частной газеты «Екатеринбургская неделя» в Пермской губернии в последней четверти XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 2 (45). С. 76–86.
2. Никольский Д.П. Краткий врачебно-санитарный очерк Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1896. № 4. 28 января. С. 81–82; № 5. 5 февраля. С. 105; № 6. 11 февраля. С. 125–126; № 8. 25 февраля. С. 169–170.
3. Результаты переписи жителей Екатеринбурга в 1887 г. // Екатеринбургская неделя. 1888. № 15. 10 апреля. С. 326–327.
4. Вниманию екатеринбуржцев // Екатеринбургская неделя. 1890. № 37. 23 сентября. С. 816.
5. Красноуфимск // Екатеринбургская неделя. 1889. № 10. 12 марта. С. 235–236.
6. Корреспонденции Екатеринбургской недели // Екатеринбургская неделя. 1890. № 19. 20 мая. С. 391.
7. Пермский губернский статистический комитет и однодневная перепись г. Перми 7 апреля 1890 г. // Екатеринбургская неделя. 1892. № 33. 23 августа. С. 683; Санитарный бюллетень г. Перми // Там же. № 34. 30 августа. С. 702–703.
8. О родильном покое г. Перми // Екатеринбургская неделя. 1892. № 5. 2 февраля. С. 96–98.
9. Из Мотовилихи // Екатеринбургская неделя. 1880. № 8. 20 февраля. С. 130.
10. Что говорят метрические книги про Екатеринбург // Екатеринбургская неделя. 1884. № 27. 11 июля. С. 468–470.
11. О движении населения в г. Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1892. № 41. 18 октября. С. 840–841; № 42. 25 октября. С. 861–863; № 43. 1 ноября. С. 885; № 45. 15 ноября. С. 930–932; № 47. 29 ноября. С. 979–980; № 48. 6 декабря. С. 999–1001; № 49. 13 декабря. С. 1030; № 50. 20 декабря. С. 1057.

12. Шадринская земская публичная библиотека // Екатеринбургская неделя. 1880. № 17. 30 апреля. С. 279.
13. Хроника // Екатеринбургская неделя. 1883. № 4. 26 января. С. 61.
14. О рождаемости и смертности в Екатеринбургском уезде с 1870 по 1882 гг. // Екатеринбургская неделя. 1891. № 24. 32 июня. С. 532–533; № 25. 30 июня. С. 550–551; № 26. 7 июля. С. 570–572; № 27. 14 июля. С. 596–597; № 31. 11 августа. С. 673; № 37. 22 сентября. С. 800–801; № 41. 20 октября. С. 901–902.
15. Ирбитский уезд // Екатеринбургская неделя. 1880. № 27. 9 июля. С. 439.
16. Школьные ночлежные приюты в Верхотурском уезде // Екатеринбургская неделя. 1890. № 2. 14 января. С. 29; 1891. № 47. 1 декабря. С. 1054.
17. Село Мостовское Екатеринбургского уезда // Екатеринбургская неделя. 1884. № 20. 23 мая. С. 354–356; № 22. 6 июня. С. 390–391; № 23. 13 июня. С. 411–413; № 24. 20 июня. С. 424; Село Шарташ Екатеринбургского уезда // Там же. № 31. 8 августа. С. 534–535; Деревня Балтым // Там же. № 45. 14 октября. С. 766; Краткий очерк села Белоярского Екатеринбургского уезда // Там же. 1891. № 23. 16 июня. С. 510–511; № 24. 23 июня. С. 531–532; № 25. 30 июня. С. 550–551.
18. Невьянский завод в торговом и промышленном отношении // Екатеринбургская неделя. 1882. № 32. 18 августа. С. 494–496; Статистика Невьянских заводов // Там же. 1883. № 37. 21 сентября. С. 599–602; Из Невьянска // Там же. 1884. № 10. 7 марта. С. 187–189.
19. Корреспонденции Екатеринбургской недели // Екатеринбургская неделя. 1884. № 23. 13 июня. С. 470–471; № 28. 18 июля. С. 484–486.
20. Быньговский завод // Екатеринбургская неделя. 1885. № 50. 18 декабря. С. 677–678.
21. О вогулах Верхотурского уезда Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1880. № 10. 5 марта. С. 162–164.
22. О башкирах Красноуфимского уезда // Екатеринбургская неделя. 1882. № 15. 21 апреля. С. 227; Черемисское общество // Там же. 1887. № 19. 17 мая. С. 389.
23. Движение переселенцев из внутренних губерний через г. Пермь // Екатеринбургская неделя. 1892. № 20. 24 мая. С. 409; № 22. 7 июня. С. 449; № 25. 28 июня. С. 509; 1893. № 21. 30 мая. С. 320; № 22. 6 июня. С. 459.
24. Движение переселенцев через Екатеринбург в Сибирь // Екатеринбургская неделя. 1894. № 24. 19 июня. С. 489–490.
25. Об отхожих промыслах // Екатеринбургская неделя. 1882. № 25. 30 июня. С. 386–387.
26. К статистике Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1888. № 17. 1 мая. С. 369–370.
27. К изучению Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1889. № 35. 3 сентября. С. 732.
28. Никольский Д.П. О несчастных случаях в горнозаводской промышленности в 1893 г. // Екатеринбургская неделя. 1896. № 31. 11 августа. С. 673–674; № 41. 20 октября. С. 960–961.
29. Журнал Екатеринбургского уездного комитета общественного здоровья // Екатеринбургская неделя. 1880. № 13. 26 марта. С. 208; 1881. № 49. 16 декабря. С. 693.
30. Никольский Д.П. Заметки о санитарном состоянии России и, в частности, городского населения Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1886. № 18. 7 мая. С. 287–288.
31. Предтеченский В.Ф. Отчет об эпидемии холеры и о мероприятиях губернского земства против ее распространения в Пермской губернии за 1894 г. // Екатеринбургская неделя. 1895. № 25. 25 июня. С. 500–502.
32. Никольский Д.П. Краткий врачебно-санитарный очерк Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1896. № 6 от 11 февраля. С. 125–126.

А.П. Обедков*

**Отечественная научная школа географического градоведения:
лидеры и направления научных исследований**

Рассматриваются особенности становления и развития отечественной научной школы географического градоведения как междисциплинарного научно-аналитического и прикладного направления на стыке общественной географии, урбанистики и градостроительства. Раскрыт научный вклад ведущих географов-градоведов страны в разработку теории и методологии географического изучения городов в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Охарактеризованы сложившиеся локальные научные школы географического градоведения России.

Ключевые слова: научная школа, научное сообщество, географическое градоведение, география городов, георбанистика, направления научных исследований

A.P. Obedkov

**National scientific school of geographical urban studies:
leaders and research areas**

The features of the formation and development of the national scientific school of geographical urban studies as an interdisciplinary scientific-analytical and applied direction at the junction of public geography, urbanism and urban planning are considered. The scientific contribution of the leading geographers of the country to the development of the theory and methodology of geographical study of cities in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods is revealed. The established local scientific schools of geographical urban studies of Russia are characterized.

Key words: scientific school, scientific community, geographical urban studies, the geography of cities, geourbanistics, directions of scientific research

Активизация научной деятельности в XX в. в значительной мере происходила благодаря возникновению и развитию новых форм научных сообществ, способствующих генерации, распространению и практическому использованию научных знаний. Одной из ведущих форм научных сообществ, появившихся в прошедшем столетии, стала научная школа-объединение научно-исследовательских коллективов и отдельных учёных, формирующееся под влиянием признанного лидера в рамках определённой научной традиции и системы научных знаний. Научные школы возникают на основе общности объекта исследования и единой парадигмы научной деятельности, что позволяет обеспечить преемственность научных идей и воспроизводство новых знаний в ходе смены поколений учёных. Актуальность изучения научных школ определяется их ведущей ролью в развитии современной науки.

Научные школы обычно развиваются на базе подразделений научно-исследовательских учреждений и кафедр высших учебных заведений. Однако преобладание форм коллективной организации научной деятельности не отменяет возможность самостоятельного осуществления научной деятельности отдельными энтузиастами-одиночками, которые зачастую проводят научные исследования на инициативной основе. Как правило, они причисляют себя к одной из сложившихся научных школ в соответствии с местом получения базового высшего профессионального образования.

В связи с большим типологическим разнообразием существующих научных школ и особенностями их формирования в разных областях науки возрастает необходимость конкретизации исследования отдельных типов научных школ. К одному из таких типов школ в науке относится научная школа географического градоведения. Она развивается как междисциплинарное научно-аналитическое и прикладное направление на стыке общественной географии, урбанистики и градостроительства, возникшее на основе комплексного изучения сети городов, городского расселения, процессов и форм урбанизации.

* Обедков Анатолий Павлович (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера, Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН». 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая д. 26, ObedkovAP@gmail.com

Отечественная научная школа географического градоведения имеет давнюю историю. В её становлении и развитии чётко просматриваются дореволюционный (начальный), советский и постсоветский периоды, отличающиеся уровнем теоретико-методологического осмысления сущности городских систем как ведущей формы расселения людей и места концентрации прогрессивных видов человеческой деятельности, а также повышением роли географо-градоведческих исследований в практике городского управления и формирования градостроительной, экистической и городской политики.

Дореволюционный период становления научной школы географического градоведения

На начальном этапе географического изучения городов и их территориальных сетей сбор и систематизация фактических знаний о них велись в рамках региональных комплексно-географических исследований, поскольку в то время города ещё не рассматривались в качестве самостоятельного объекта научных исследований. Первым опытом комплексно-географической характеристики российских городов стала работа крупнейшего отечественного географа XVIII в. И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привёл и оставил неизречёнными трудами Пётр Великий», подготовленная в 1727 г. виде двух книг, но изданная лишь в 1831 г. историком М. Погодиным. Эта работа стала первым систематическим комплексно-географическим описанием России. В 1745 г. под руководством И.К. Кирилова, руководившего на протяжении многих лет всеми картографическими работами в стране, был издан первый отечественный «Атлас Всероссийской империи». Кроме физико-географических объектов, на его картах были нанесены картографические символы городов, пригородов, слобод, крупных сельских поселений и связывающих их больших дорог, что позволило получить объективное представление о формирующихся в стране региональных сетях городов и связанных с ними поселений [1]. Между тем основная заслуга в возникновении географии городов как особого вида комплексно-географических описаний принадлежит К.И. Арсеньеву.

Арсеньев Константин Иванович (1780–1865 гг.) – один из первых исследователей в области экономической географии, зачинатель отечественной географии городов и основоположник отечественной научной школы географического градоведения. Фундаментальное исследование К.И. Арсеньева «Гидрографическо-статистическое обозрение городов Российской империи с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков от начала XVII столетия и доньне» (1832–1834) положило начало комплексному и систематическому изучению российских городов [2]. Информационной базой для изучения особенностей формирования сети городов явились «Книга Большому Чертежу», официальные указы и таблицы городов, а также разнообразные научные и литературные источники. Благодаря использованию разных источников, К.И. Арсеньев проследил всю цепочку административно-территориальных преобразований и выявил причины изменений в географии городов. Это позволило ему создать объективную историко-географическую картину становления и развития сети российских городов. Публикация фундаментального труда о российских городах выдвинула К.И. Арсеньева в число зачинателей отечественной географии городов как особого вида географических описаний. В этой работе впервые даётся характеристика каждого отдельного города была с учётом их географического положения, генезиса, динамики развития и выполняемых функций. С географической точки зрения, особый интерес представляет исследование закономерностей и особенностей формирования территориальных сетей городов. В ходе их изучения К.И. Арсеньев широко использовал гидрографический (бассейновый) принцип, исторический и районный подходы, генетическую и функциональную типологию. В этом уникальном историко-географическом исследовании впервые была дана всесторонняя и детальная характеристика масштабных изменений в географии свыше 500 российских населённых пунктов, имевших статус города в период с 1637 г. до конца первой четверти XIX в. В этой работе он впервые обозначил два основных направления географического изучения городов: экономико-географическое (экономическая география городов) и историческое (историческая география городов).

В последующие десятилетия XIX в. к рассмотрению отдельных вопросов географии городов России в своих трудах обращались В.П. Андросов, А.И. Воейков, А.П. Заблоцкий-Десятовский, П.И. Кёппен, Н.А. Милютин и П.П. Семёнов. В этих публикациях давалось комплексное описание городов и их территориальных систем на основе статистических данных о населении и хозяйстве с использованием географических, исторических, демографических и экономических характеристик. В первые десятилетия XX в. были опубликованы работы М.Г. Диканского и А.А. Крубера, в которых анализировались факторы формирования планировочной структуры городов и было заявлено о зарождающемся процессе городского агломерирования.

В конце первого десятилетия XX в. увидела свет научная монография В.П. Семёнова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии», ставшая достойным продолжением фундаментального исследования российских городов К.И. Арсеньева на рубеже веков. Издание этой монографии позволило отнести её автора к числу основоположников отечественной научной школы географического градоведения в дореволюционный период.

Семёнов-Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870–1942 гг.) – выдающийся географ-энциклопедист, экономико-географ и статистик, один из основоположников отечественной географии расселения и географии городов. Географические интересы В.П. Семёнова-Тян-Шанского в области изучения населения во многом определило его активное участие в подготовке и проведении Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В дальнейшем население стало основной темой его статистико-географических исследований. В 1910 г. он опубликовал свой главный труд по теории и практике географии расселения и географии городов под названием «Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии», в котором заложена методологическая основа анализа сети городов и системы расселения в целом, выделены признаки города как особого типа населённых пунктов и его принципиальные отличия от сельского поселения [3].

Важным научным вкладом в становление отечественной теории расселения и географии городов явились предложенное В.П. Семёновым-Тян-Шанским районирование территории России по типам заселения, типология городских и сельских населённых пунктов на основе географического положения, людности, характера выполняемых ими функций и планировочных особенностей городов различного генетического происхождения, а также схема функционально-пространственной эволюции крупного города и его окружения. Среди выделенных им функциональных типов городов – административный, юридический, военный и торгово-промышленный типы, связанные с определёнными историческими периодами становления городской сети России. Отказавшись от следования официальным административным критериям выделения городов, В.П. Семёнов-Тян-Шанский выделил классы «истинных городов» и промежуточных полугородских поселений, названных им «городками» (юридические города, посады, местечки, слободы и посёлки с определённым торгово-промышленным значением), «административными пунктами» (официальные города, не имеющие торгово-промышленного значения) и «будущими городами» (менее значительные сельские торгово-промышленные поселения). При этом в качестве ведущих признаков города он справедливо считал высокий уровень развития промышленных и торговых функций, «торгово-промысловую бойкость», «способности к городской жизни», а также факторы, влияющие на рост городов и их экономическую активность. Такие городские населённые пункты были отнесены В.П. Семёновым-Тян-Шанским к категории так называемых «экономических городов».

Сеть «экономических городов», выявленная В.П. Семёновым-Тян-Шанским в начале XX в., была востребована в ходе административно-территориальной реформы 1923–1929 гг., когда многие из этих населённых пунктов были официально преобразованы в города и посёлки городского типа. Практическое использование получила также разработанная им типология населённых пунктов, основанная на учёте зональных особенностей их генезиса и соответствующих им показателей заселённости в виде средней людности и частоты поселений. Она легла в основу составленной В.П. Семёновым-Тян-Шанским «Карты расселения и городов Европейской России», которая была издана в 1910 г. Продолжая исследование вопросов географии расселения, В.П. Семёнов-Тян-Шанский в 1922 г. приступил к выполнению грандиозной работы, связанной с составлением детальной географической карты плотности населения Европейской России. Для её составления использовались фактические данные людности населённых пунктов. Анализ их сгущений позволил выявить места концентрации населения и формирования будущих городских агломераций. Тем самым, В.П. Семёнов-Тян-Шанский оказался в числе первых экономико-географов, сумевших выявить ведущие факторы и понять сущность зарождавшегося процесса городского агломерирования.

В 1928 г. В.П. Семёнов-Тян-Шанский вновь обратился к некоторым аспектам географии городов в книге «Район и страна», уделив внимание вопросам функционально-пространственной эволюции крупного города и его окружения, географического положения и географии восприятия городов [4]. В этой работе В.П. Семёнов-Тян-Шанский вновь обратился к исследованию процесса городской агломерации как одной из важнейших закономерностей пространственного распределения городских населённых пунктов.

Научные исследования В.П. Семёнова-Тян-Шанского в области географического градостроения и географии расселения продолжает вдохновлять современных географов. Его научному творчеству посвящён монографический сборник, посвящённый самой известной его работе «Город и деревня в Европейской России» [5].

В дореволюционный период получили развитие следующие направления географического изучения городов:

- анализ факторов и особенностей формирования территориальных сетей городов (К.И. Арсеньев, А.А. Крубер, В.П. Семёнов-Тян-Шанский);
- обоснование критериев выделения и классификации городов на основе людности (А.И. Воейков; В.П. Семёнов-Тян-Шанский);
- комплексно-географическое и географо-статистическое описание городов и их территориальных сетей (А.И. Воейков, П.И. Кёппен, И.К. Кирилов, Н.А. Милютин, П.П. Семёнов);
- комплексная характеристика территории, населения и хозяйства крупного города на фоне его взаимоотношений с пригородной зоной и поселениями других губерний (В.П. Андросов; В.П. Семёнов-Тян-Шанский);

- микрогеографическое описание города (А.П. Заблоцкий-Десятовский);
- комплексная типология городов (А.А. Крубер, В.П. Семёнов-Тян-Шанский);
- районирование территории России по типам заселения (В.П. Семёнов-Тян-Шанский);
- анализ факторов, сущности и практического значения зарождавшегося процесса городского агломерирования (В.П. Семёнов-Тян-Шанский);
- исследование комплекса экономических, ландшафтно-географических, правовых, санитарно-гигиенических, архитектурно-планировочных и художественно-эстетических аспектов развития и застройки городов (М.Г. Диканский);
- изучение факторов формирования планировочной структуры городов (А.А. Крубер);
- составление и издание географических атласов столичных городов (А. Хотев, Н.И. Цылов);
- картографирование плотности и расселения населения (И.К. Кирилов, Н.А. Милютин, А. Ракинт, В.П. Семёнов-Тян-Шанский).

Советский период формирования научной школы географического градоведения

В советский период круг исследователей проблем географии городов существенно расширился, а публикации градоведческой проблематики стали более регулярными и разносторонними. В первой половине 1920-х гг. появились программные работы культурологического, историко-географического и краеведческого изучения жизни города на различных этапах его развития с учётом взаимодействия с городским окружением, заложившие основы отечественной культурологической урбанистики и городского краеведения. Между тем географическое изучение городов в 1920–1930-е гг. проводилось главным образом в рамках общей проблематики экономического районирования, реализации политики индустриализации и целевых территориальных комплексных народнохозяйственных программ, направленных на преодоление ранее сложившихся диспропорций в размещении производительных сил и обживание районов нового хозяйственного освоения.

В 1930–1940-е гг. появились программные работы Н.Н. Баранского, О.А. Константинова и Р.М. Кабо по географии городов, в которых были сформулированы программные цели, задачи и перспективные направления географического изучения городов. При этом наиболее целенаправленно и последовательно географическим изучением городов в довоенный период занимался О.А. Константинов, которому принадлежит приоритет в разработке программы, методики, подходов и принципов, а также первого отечественного курса географии городов, что позволило начать повсеместное преподавание этой научной дисциплины на географических факультетах государственных университетов и педагогических институтов.

В послевоенные годы география городов стала рассматриваться как самостоятельный раздел географии населения, связанный с изучением общих закономерностей и региональных особенностей эволюции городов и городского расселения. В эти годы произошло оформление научных концепций и подходов, определивших теоретическое содержание и методологию географического изучения городов и городского расселения. Большинство публикаций по географии городов было посвящено экономической географии городов, геодемографии городов и микрогеографии города. Стали разрабатываться и внедряться новые подходы к изучению проблем урбанизации с целью прогнозирования и управления развитием городских систем расселения. Важным результатом развития географии городов в послевоенный период стало признание практического значения районной планировки в качестве важнейшего инструмента городского проектирования и совершенствования расселения населения. Другим важным итогом географо-градоведческих исследований в советский период стало усиление внимания к социальному и экологическому аспектам развития и функционирования отдельных городов и систем городского расселения.

Непрерывный рост публикаций о городах и их территориальных группах, пространственных формах городского расселения и процессах урбанизации способствовал превращению географического градоведения в доминирующую тему общественно-географических исследований послевоенных десятилетий.

В возросшем потоке градоведческих публикаций наметились основные направления геоурбанистики, связанные с изучением таких проблем как научная систематизация городов и городских агломераций; использование математико-географических методов исследования городских сетей и систем; анализ региональных и глобальных аспектов развития процесса урбанизации; комплексное изучение городской среды и экологических проблем расселения; проблемы регулирования развития и роста городов, городских агломераций и систем расселения наднагломерационного уровня, городского расселения на уровне страны и экономических районов различного таксономического ранга; научные разработки на стыке геоурбанистики, градостроительства и районной планировки. Опираясь на эти исследования, с первой половины 1970-х гг. началась разработка генеральных схем (концепций) расселения на уровне страны и входящих в её состав регионов различного таксономического ранга, направленных на совершенствование формирующихся систем расселения.

Научный интерес к сложным и многоаспектным проблемам урбанизации определил разнообразие подходов к их изучению и управлению развитием городских систем расселения. Одним из актуальных направ-

лений исследований в области геоурбанистики в эти годы был вопрос о путях и перспективах дальнейшего развития урбанизации. Многочисленные предположения и прогнозы развития урбанизации сводились к двух противоположным точкам зрения. Согласно одной из них, процесс урбанизации должен завершиться деконцентрацией и дезурбанизацией. В соответствии с другой точкой зрения, в перспективе должно произойти территориальное расширение процесса урбанизации и его переход на качественно новый уровень, ориентированный на постепенное слияние города и села в ходе урбанизации сельской местности и распространения в ней городских стандартов и городского образа жизни.

В советский период получили развитие следующие направления географического изучения городов:

- развитие представлений о городе как саморазвивающейся системе (М.Г. Диканский);
- исследование города с культурологических, историко-географических и краеведческих позиций (Н.П. Анциферов, И.М. Гревс);
- комплексное исследование жизни городского населения в пространственно-временном аспекте, проблем и внутренней инфраструктуры городов (М.Г. Диканский);
- развитие теории расселения населения (Г.А. Гольц, В.Г. Давидович, Ж.А. Зайончковская, С.А. Ковалёв, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенгургт, В.В. Покшишевский, Б.С. Хорев);
- разработка понятия об экономико-географическом положении города (Н.Н. Баранский, И.М. Маергойз);
- понятие, методы оценки и типы урбанизированности территории (О.А. Константинов, П.М. Полян);
- разработка схем комплексной характеристики города (Н.Н. Баранский, И.М. Маергойз, Ю.Г. Саушкин);
- комплексная характеристика городов (Г.М. Лаппо, Ю.Г. Саушкин);
- классификация и типология городских населённых пунктов (Н.Т. Агафонов, Н.И. Блажко, В.Г. Давидович, Э.В. Кнобельсдорф, С.А. Ковалёв, А.М. Колотиевский, О.А. Константинов, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенгургт, И.М. Маергойз, А.А. Минц, В.В. Покшишевский, Ю.Г. Саушкин, И.М. Смоляр, Л.Л. Трубе, Б.С. Хорев);
- научные подходы к выделению и анализу городских агломераций (Н.И. Блажко, Д.И. Богорад, В.Г. Давидович, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенгургт, Н.И. Наймарк, П.М. Полян);
- проблемы регулирования развития городов и городских агломераций (Н.И. Блажко, Д.И. Богорад, В.Г. Давидович, Г.А. Гольц, О.К. Кудрявцев, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенгургт, В.Я. Любовный, В.В. Покшишевский, П.М. Полян, Б.С. Хорев);
- историко-географическое исследование городов и их региональных сетей (В.В. Воробьёв, Л.Е. Иофа, Р.М. Кабо, О.А. Константинов, Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцик, К.И. Спидченко, Е.Л. Шувалов);
- комплексный анализ проблем пространственного развития урбанизации и систем городского расселения СССР (К.С. Глабина, Г.А. Гольц, Г.М. Лаппо, Е.Е. Лейзерович, Ф.М. Листенгургт, О.П. Литовка, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский, Ю.Г. Саушкин, Д.Г. Ходжаев, Б.С. Хорев);
- особенности и проблемы развития урбанизации в зарубежных странах (В.М. Гохман, С.Б. Лавров, И.М. Маергойз, Я.Г. Машбиц, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский, С.А. Польский, А.Е. Слука, В.М. Харионов);
- анализ мировой урбанизации как глобального процесса (Г.М. Лаппо, И.М. Маергойз, Я.Г. Машбиц, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский);
- районирование и типология расселения населения (С.А. Ковалёв, О.А. Константинов, Н.И. Ляликов, В.В. Покшишевский, Ю.Г. Саушкин);
- использование математико-географических методов исследования городских населённых пунктов и математического моделирования их территориальных систем (Ю.Р. Архипов, Н.И. Блажко);
- комплексное изучение городской среды и экологических проблем расселения населения (Н.Б. Барбаш, В.В. Владимиров, В.Л. Глазычев, Ю.В. Медведков, Е.Н. Перцик, С.Б. Чистякова, О.Н. Яницкий, З.Н. Яргина);
- комплексные исследования на стыке географии городов, градостроительного проектирования и районной планировки, направленные на совершенствование систем городского расселения населения на основе архитектурно-планировочных подходов (В.Н. Белоусов, Д.И. Богорад, Э.И. Вайнберг, В.В. Владимиров, Г.А. Гольц, А.Э. Гутнов, В.Г. Давидович, М.Я. Гинзбург, А.П. Иваницкий, А.В. Кочетков, О.К. Кудрявцев, Г.А. Ладовский, Г.М. Лаппо, Е.Е. Лейзерович, Ф.М. Листенгургт, В.Я. Любовный, Н.А. Милютин, Н.И. Наймарк, В.И. Нудельман, Е.Н. Перцик, Н.П. Першин, И.А. Портянский, Б.В. Сакулин, В.Н. Семёнов, И.М. Смоляр, Г.Н. Фомина, Д.Г. Ходжаев, С.С. Шестаков, Е.С. Щацило, З.Н. Яргина);
- исследование процесса городского агломерирования как важнейшей закономерности пространственного распределения городов и концентрации населения (М.Г. Диканский, А.А. Крубер, Б.В. Сакулин, В.П. Семёнов-Тян-Шанский);
- поиск путей и перспектив дальнейшего развития урбанизации.

Наиболее яркими представителями и безусловными лидерами советской научной школы географического градovedения были Н.Н. Баранский, Н.И. Блажко, Д.И. Богорад, В.М. Гохман, В.Г. Давидович, Л.Е. Иофа,

Р.М. Кабо, О.А. Константинов, Г.М. Лаппо, Н.И. Ляликов, И.М. Маергойз, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский, Ю.Г. Саушкин и Б.С. Хорев. При этом плодотворная научная деятельность Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцика, Ю.Л. Пивоварова и Б.С. Хорева на поприще географического градоведения продолжилась и в постсоветский период.

Баранский Николай Николаевич (1881–1963 гг.) – выдающийся советский экономико-географ, создавший ведущую отечественную научную школу экономической и социальной географии. Начало целенаправленной научно-преподавательской деятельности Н.Н. Баранского в области экономической географии было положено в 1924 г., когда им был написан первый учебник по экономической географии СССР в районном разрезе – «Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана», в котором одним из важнейших был раздел о населении [6]. Издание этого учебника положило начало районному направлению в экономической географии. Последующая научная деятельность Н.Н. Баранского способствовала становлению географии населения как науки, в которой население рассматривалось как главное звено в системе природа – население – хозяйство. Одновременно с этим он основал экономическую картографию – специальную научную дисциплину, в которой особое внимание уделялось картографированию населения и населённых пунктов [7]. Практически все основные работы Н.Н. Баранского стали классическими и по-прежнему оказывают большое влияние на развитие теории и методологии общественной географии.

В многогранном научном наследии Н.Н. Баранского особое место занимают исследования в области географии городов, проводимые им в рамках районного и страноведческого направлений. В работах 1920–1930-х гг. он впервые раскрыл сущность экономико-географического положения города и предложил развёрнутую схему комплексной характеристики города, которая не утратила своего научного значения и поныне. Программным трудом по географии городов стала известная статья Н.Н. Баранского «Об экономико-географическом изучении городов» (1946) [8]. Выдвинутые в ней концептуальные идеи заложили научные основы отечественной географии городов, определив основные направления её дальнейшего развития. Научный вклад Н.Н. Баранского в экономико-географическое изучение городов состоит в разработке представлений о системе и иерархии, классификации и типологии городов, также научного метода их экономико-географического исследования. Важное методологическое значение для современной георбанистики имеет выдвинутая Н.Н. Баранским идея о единстве экономических и социальных процессов развития городов. Опираясь на научные достижения советской экономической географии, связанные с разработкой теории географического разделения труда, экономического районирования и экономико-географического положения, Н.Н. Баранский раскрыл роль городов как организующих центров экономических районов различного таксономического уровня и узлов транспортной сети. При этом он рассматривал города как «фокусные пункты» и «командный состав страны, организующий её во всех отношениях». Известное высказывание Н.Н. Баранского о том, что «города плюс дорожная сеть – это каркас, это остов, на котором остальное держится, остов, который формирует территорию, придаёт ей определённую конфигурацию», позволяет считать его основоположником концепции опорного каркаса расселения [9]. Выдвинутая Н.Н. Баранским идея опорного каркаса территории состояла в необходимости выделения и преимущественного развития в качестве опорных узлов больших городов и связывающих их транспортных магистралей. Научные идеи Н.Н. Баранского явились стимулом для дальнейшего развития градоведческих исследований в социально-экономической географии в последующие десятилетия.

Кабо Рафаил Михайлович (1886–1957 гг.) – советский экономико-географ, внёсший значительный вклад в становление отечественной географии населения как самостоятельной науки и учебной дисциплины. Вклад Р.М. Кабо в теорию и методологию географии населения состоит в выделении основных разделов изучения географии населения, разработке методики географического изучения населения и населённых пунктов, анализе градообразующих факторов и процесса возникновения и развития системы городов, обосновании ведущей роли общественного производства в расселении населения. Уникальность Р.М. Кабо как известного учёного и преподавателя состояла в том, что он не получил систематического образования и развивался главным образом на основе самообразования [10]. Под его научным руководством было подготовлено 15 кандидатов наук. Среди известных учеников Р.М. Кабо – доктора географических наук, профессора С.И. Брук и С.А. Ковалёв, а также бывший ректор Свердловского государственного педагогического института (в 1967–1984 гг.), кандидат географических наук, профессор Е.Л. Шувалов.

В годы Первой мировой войны Р.М. Кабо работал во Всероссийском бюро труда при Союзе городов, где подготовил свою первую научную работу по городской проблематике – брошюру «Потребление городского населения России» (1918), в которой был дан анализ данных бюджетных и выборочных обследований состава питания различных социальных групп ряда российских городов с целью определения возможных норм снабжения населения продовольствием. Результаты многочисленных дореволюционных бюджетных обследований населения были им систематизированы и сведены в единую таблицу. При этом было осуществлено их сравнение с данными по другим странам и физиологическими рекомендациями [11].

С начала 1920-х гг. Р.М. Кабо приступил к преподавательской деятельности и до 1927 г. преподавал политическую экономию в ряде московских вузов, а с конца 1920-х гг. и до выхода на пенсию по состоянию здоровья в 1954 г. посвятил свою жизнь экономической географии. С 1934 г. он работал в должности профессора географического факультета МГПИ имени В.И. Ленина, где длительное время заведовал кафедрой экономической географии. В предвоенные годы Р.М. Кабо начал задумываться о создании нового научного направления экономической географии, связанного с географическим изучением населения. Однако реализовать эти замыслы путём формирования теоретических и методологических основ географии населения, ему удалось лишь в военные и послевоенные годы. В 1941 г. была опубликована его первая статья по географии населения - «Элементы географического изучения населения», имевшая во многом программный характер для становления этой научной дисциплины [12]. В ней была обоснована необходимость изучения географией населения всех сторон жизни человека, которые в той или иной степени связаны с освоением территории и не только с хозяйственной деятельностью человека. Между тем основные труды Р.М. Кабо по теории и методологии географии населения были опубликованы в первое послевоенное пятилетие. В эти годы он разработал вузовскую программу по географии населения для географических факультетов. На её основе в 1947–1948 гг. Р.М. Кабо прочитал в МГУ и МГПИ первый вузовский курс по географии населения, который впоследствии стал обязательной учебной дисциплиной для студентов географических специальностей сначала педагогических институтов, а с 1976 г. и университетов страны.

Одним из первых Р.М. Кабо обратил внимание на взаимоотношения человека и природы в качестве предмета социально-культурной географии, делая акцент на хозяйственную функцию культурного ландшафта [13]. Эта работа позволяет считать Р.М. Кабо одним из основоположников отечественной социально-культурной географии. В обобщающей статье, опубликованной в сборнике научных трудов «Город и район как объекты географического изучения» (1949) под его редакцией, Р.М. Кабо выделил три основных направления географического изучения городов – экономическая география города, геодемография города и микрогеография города, определившие приоритеты социально-экономико-географических исследований в данной области на все последующие десятилетия послевоенного времени [14].

Ярким образом историко-экономического исследования города стала самая крупная и известная работа Р.М. Кабо – научная монография «Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX века)» (1949) [15], в которой рассмотрен процесс возникновения и развития системы городов Западной Сибири. Анализируя принципиальные вопросы географии населения и городов, он обосновал ведущую роль общественного производства на характер расселения населения, разработал методику географического исследования населения и населённых пунктов, выявил градообразующие факторы и рассмотрел процесс возникновения и развития системы городов.

Р.М. Кабо принимал активное участие в работе Географического общества СССР. При образовании в 1945 г. его Московского филиала Р.М. Кабо основал Комиссию географии населения и городов, которую возглавлял до 1952 г.

Ляликов Николай Иванович (1900–1961 гг.) – видный советский экономико-географ, один из основоположников отечественной географии населения и расселения. Широкую известность Н.И. Ляликову принесли работы по географии населения СССР, опубликованные главным образом во второй половине 1940-х гг. Важную роль в становлении теории и методологии географии населения сыграл цикл статей Н.И. Ляликова под общим названием «Очерки по географии населения», опубликованный научно-методическом журнале «География в школе» за 1948 г. (№ 2; 3; 5) и 1949 г. (№ 2; 3).

Среди различных аспектов географии населения, всесторонне рассмотренных в публикациях Н.И. Ляликова, ведущее место занимали проблемы изучения плотности населения и её взаимосвязи с хозяйственным освоением территории, особенности формирования городского и сельского расселения, вопросы типологии городских и сельских населённых пунктов [16]. В научной статье Н.И. Ляликова «О географическом изучении города» (1949) был сформулирован ряд важных теоретических положений о городе как объекте экономико-географического исследования, значении производственных функций города и необходимости изучения города на микрогеографическом уровне [17]. Н.И. Ляликову принадлежит приоритет в установлении и обосновании главной полосы хозяйственного освоения и расселения в пределах Российской империи, а затем и СССР, которую он связывал с выделением зональных типов расселения. Помимо географии населения и городов, в последнее десятилетие своей жизни Н.И. Ляликов занимался изданием учебников по экономической географии и экономико-географической характеристикой экономических районов СССР.

Богорад Даниил Ильич (1902–1967 гг.) – советский экономико-географ, крупнейший специалист в области районной планировки и градостроительства, географии расселения и городов. Д.И. Богорад был в числе первых специалистов районной планировки, осознавших её тесные связи с географической наукой и конструктивную роль экономической географии в преобразовании природы и хозяйства района. В 1961 г. Д.И. Богорад

защитил докторскую диссертацию «Принципы, методы и организация районной планировки промышленных районов». Наиболее значительными научными трудами Д.И. Богорада были авторские монографии «Районная планировка. Вопросы планировки промышленных районов» (1960) и «Конструктивная география района. Основы районной планировки» (1965), а также вышедший под его редакцией сборник трудов «Городские агломерации Украинской ССР» (1966) [18–20]. С именем Д.И. Богорада связано внедрение в практику районной планировки, которую он назвал «конструктивной географией района», ряда важнейших идей в области городского расселения населения, связанных с созданием групповых форм поселений и преимущественным использованием существующих населённых мест всех типов, регулированием роста и развития городских агломераций, прогнозированием городского населения и методикой комплексной районной планировки территории с многопрофильным хозяйством.

Константинов Олег Аркадьевич (1903–1986 гг.) – крупный советский экономико-географ, один из основоположников советской экономико-географической школы градovedов, внёсший значительный вклад в разработку теории и методологии отечественной географии городов. В разные годы в сферу его научных интересов входили вопросы истории, теории и методологии экономической географии, административно-территориального деления и экономического районирования. Между тем главной темой его научных исследований на протяжении всей научной деятельности была география городов. О.А. Константинову принадлежит приоритет в разработке первого отечественного курса географии городов, программы, методики, подходов, принципов и направлений экономико-географического изучения городских населённых пунктов.

Научный интерес О.А. Константинова к вопросам географии населения и географии городов проявился ещё в 1920-е гг. в процессе разработки проблем административно-территориального деления, экономического районирования и комплексной характеристики конкретных экономических районов. В 1933 г. О.А. Константинов сделал программный доклад о путях экономико-географического изучения городов на I Всесоюзном географическом съезде [21]. Он предложил рассматривать города как опорные элементы экономики стран и районов, подчёркивая важность их изучения для определения их места в географическом разделении труда и роли в территориальной структуре хозяйства и территориальной организации жизни общества. В ходе изучения экономико-географических особенностей крупных экономических районов О.А. Константинов выделил региональные типы городов. Их характеристика, представленная в статье «Опыт изучения влияния особенностей района на характер городских поселений» (1934), способствовала зарождению одного из главных направлений в георбанистике – региональной географии городов [22].

В послевоенный период О.А. Константинов представил образцы комплексной характеристики городов и региональных систем расселения, опубликовав очерки о городах Урала (1954) и Украины (1954), а также особенностях расселения населения в Средней Азии (1966). Продолжая традицию К.И. Арсеньева по комплексному изучению эволюции сети городских населённых пунктов страны, О.А. Константинов опубликовал обзорные статьи «Изменения в географии городов за советский период» (1947) и «Географическое изучение городских поселений в СССР» (1964), в которых показаны особенности формирования сети городских населённых пунктов в советское время. Одним из первых он начал разрабатывать проблемы классификации и типологии городов [23–26]. Пионерный характер имели также изданные им в эти годы работы по районированию расселения населения [27, 28]. Содержательная часть этих работ не потеряла своего научного значения до настоящего времени, а актуальность и важность для географического градovedения страны сохраняются и поныне. Особым направлением научной деятельности О.А. Константинова была публикация многочисленных обзорных статей и рецензий на значительные публикации в области географии населения и географии городов, которая представляла собой своеобразный мониторинг развития этих важных разделов общественной географии.

Покшишевский Вадим Вячеславович (1905–1984 гг.) – выдающийся советский экономико-географ, один из основоположников отечественной географии населения, стоявший у истоков создания географических основ отечественной миграциологии и историко-географического исследования процессов миграции в СССР, которые тесно связаны с вопросами расселения населения и географии городов. В 1949 г. В.В. Покшишевский успешно защитил докторскую диссертацию на тему «География миграций населения России. Опыт историко-географического исследования», которая стала первой диссертацией на соискание учёной степени доктора географических наук по проблематике географии населения. Он был автором и редактором нескольких томов по экономико-географической характеристикой союзных республик и крупных экономических районов СССР. В последние два десятилетия жизни в связи с переходом на работу в Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР В.В. Покшишевский разрабатывал проблемы развития этногеографии и этнической картографии, а также участвовал в работе по созданию Атласа населения мира. Одним из важных направлений многогранной научной деятельности В.В. Покшишевского было написание многочисленных статей в Большую Советскую энциклопедию, Краткую географическую энциклопедию и ряд других

энциклопедических изданий по экономической географии, географии обслуживания, географии населения, этногеографии, проблемам миграций населения и урбанизации в Большую Советскую энциклопедию, Краткую географическую энциклопедию и ряд других энциклопедических изданий. Также его внимание привлекали вопросы истории развития географической мысли и оценки научного вклада известных российских географов, которым он посвятил ряд крупных публикаций.

Видное место в многогранном творческом наследии В.В. Покшишевского занимала градovedческая проблематика. Ему принадлежит постановка и разработка проблемы соподчинения местных центров и роли второго города в развитии городских агломераций. В ходе работы над конкретными проектами планировки городов, он разработал методику учёта природных условий в микрогеографии города, градостроительстве и проектах районной планировки конкретных территорий. Итогами многолетних научных исследований в области географии населения и городов стали фундаментальные учебные пособия для высшей школы «География населения СССР. Экономико-географические очерки» (1971), «География населения зарубежных стран. Экономико-географические очерки» (1971), а также монографические работы «Население и география» (1978) и «География мирового процесса урбанизации» (1981) [29–31].

Давидович Владимир Георгиевич (1906–1978 гг.) – видный советский экономико-географ и экономист, специалист по географии населения и географии городов, выступавший в качестве проектировщика и эксперта крупных работ по градостроительству и районной планировке. В 1930-е гг. были опубликованы первые работы В.Г. Давидовича, посвящённые проектированию новых городов Урала и Кузбасса. Теоретические и практические разработки В.Г. Давидовича по этому вопросу нашли отражение в работе «Вопросы планировки новых городов» (1934) [32]. С этого времени планировка городов и районная планировка стали основным направлением его научной деятельности. В послевоенный период основными направлениями научного поиска В.Г. Давидовича было изучение закономерностей и тенденций развития городского расселения, динамики сети городских населённых пунктов и образования групповых форм населённых мест, взаимосвязанных процессов урбанизации и субурбанизации, включая формирование городских агломераций, пригородных зон и городов-спутников, а также исследование проблем маятниковых миграций и подвижности населения в городах и их пригородных зонах. Им были разработаны новые методы регионального анализа динамики населения и сети городов.

Опубликовав в 1947 г. фундаментальную работу «Планировка городов (инженерно-экономические основы)», В.Г. Давидович заявил о себе как крупный исследователь комплексных проблем градостроительства и планировки городов, потребовавших междисциплинарной разработки вопросов теории и практики расселения [33]. В 1956 г. В.Г. Давидович защитил докторскую диссертацию на тему «Расселение в промышленных узлах». Последовательно и всесторонне разрабатывая вопросы теории расселения в тесной связи с практикой градостроительства и районной планировки, он рассматривал её как «конструктивную географию районов». Своеобразным итогом географического изучения городского расселения стала работа В.Г. Давидовича «О развитии сети городов СССР за 40 лет» (1959) [34]. В ней содержится обстоятельное исследование развития сети городов страны за весь советский период, предлагается классификация и типология городов, раскрываются региональные особенности урбанистического развития и пути управления развитием системы расселения населения.

Все последующие работы В.Г. Давидовича по проблемам расселения и районной планировки отличало органическое сочетание экономико-географического подхода к анализу условий и проблем развития расселения населения с инженерно-экономической постановкой задач и поиском путей их конструктивного решения. В конце 1950-х гг. В.Г. Давидович обосновал концепцию групповых систем населённых мест. В качестве групповых систем расселения он рассматривал взаимосвязанные городские поселения и сельские населённые пункты различных категорий людности и разного профиля, объединённые территориально-производственными связями и использованием общей инфраструктуры. В известной работе В.Г. Давидовича «Расселение в промышленных узлах СССР (инженерно-экономические основы)» (1960) были выделены несколько типичных групповых форм расселения и сделан основной вывод о формировании групповых систем как закономерном результате концентрации общественного производства и основном направлении развития сети поселений и систем расселения [35]. Концепция групповых систем населённых мест получила широкое использование в отечественной практике градостроительного проектирования в 1970–1980-е гг.

Иофа Леонид Евгеньевич (1908–1974 гг.) – советский экономико-географ, внёсший заметный вклад в методологию экономико-географического изучения городов, в историческую географию и исследование истории географической мысли. Являясь учеником Н.Н. Баранского, он последовательно развивал и углублял его идеи об историзме в экономической географии и методологическом значении историко-географического изучения различных территориальных общностей, о специфике экономико-географического изучения и экономико-географическом положении городов, а также определяющей роли городов в процессе формирова-

ния экономических районов. Главным трудом жизни Л.Е. Иофа стала фундаментальная монография «Города Урала. Часть I. Феодалный период» (1951) [36]. В этой работе была раскрыта история формирования сети уральских городов как целостной системы на протяжении почти четырёх столетий с 1472 по 1861 г. Работа задумывалась как трилогия, но реализовать первоначальный замысел ему не удалось. Предполагаемая вторая часть монографии должна была раскрыть динамику развития городской сети Урала в капиталистический период, а третья часть – особенности процесса урбанизации в советский период. При этом для подготовки третьей части монографии Л.Е. Иофа предполагал привлечь уральских экономико-географов. Однако даже в незавершённом виде исследование городов Урала, выполненное Л.Е. Иофа, было признано географами и историками как выдающийся научный труд и образец регионального историко-географического исследования [37]. В этой и других его работах градоведческого характера содержатся интересные научные идеи и положения, предвосхитившие развитие теории географии городов. В их числе – раскрытие понятия «экономико-географического опыта жизни городов», обоснование необходимости познания процесса развития городов как целостной системы, изучение социального характера городов и учёта влияния социальных факторов на формирование экономико-географического положения городов.

Маергойз Исаак Моисеевич (1908-1975 гг.) – выдающийся советский экономико-географ, внёсший значительный вклад в развитие теории и методологии общественной географии, географии промышленности, страноведения и географии городов. Одним из основных направлений научного поиска И.М. Маергойза была география городов. Уже первые научные публикации И.М. Маергойза, посвящённые экономико-географическому положению и комплексной экономико-географической характеристике городов, принесли ему широкую известность. В кандидатской диссертации «Географическое положение города Сталинграда», защищённой И.М. Маергойзом в 1945 г., и написанной на её основе статье было всесторонне раскрыто экономико-географическое положение Сталинграда. Первой большой работой И.М. Маергойза стала брошюра «Киев – столица Украинской ССР» (1950), посвящённая комплексной экономико-географической характеристике города Киева, в котором в 1940 г. началась его научная деятельность. Цикл работ по экономико-географическому положению городов, опубликованных в 1940-е гг., во многом определил главное направление первого этапа научного творчества И.М. Маергойза, обозначенного его учениками и последователями как «градоведческо-положенческий этап» [38].

С начала 1950-х и вплоть до самой кончины центром научных интересов И.М. Маергойза было страноведение, связанное с комплексной характеристикой ряда социалистических стран зарубежной Европы. Главной страноведческой работой И.М. Маергойза была монография «Чехословацкая Социалистическая Республика» (1964), защищённая им как докторская диссертация. В теоретическом отношении качестве основного предмета защиты в ней было дано представление о тесной взаимосвязи между социально-экономической, отраслевой и территориальной структурами народного хозяйства. При этом предметом собственно экономической географии И.М. Маергойз называет лишь территориальную структуру, представление о которой он наполняет глубоким теоретическим смыслом и называет одним из ключевых понятий общественной географии [39]. В ходе подготовки страноведческих работ о социалистических странах Восточной Европы, он разработал эталонные монографические характеристики ряда крупнейших городов СССР и Восточной Европы, выступив в роли зачинателя географического направления в исследовании проблем урбанизации. Своеобразным обобщением и промежуточным итогом градоведческих исследований И.М. Маергойза в эти годы стала публикация в 1956 г. научной статьи «К экономико-географическому изучению городов». Развивая начатые Н.Н. Баранским исследования по экономико-географическому положению городов, И.М. Маергойз предложил более развёрнутую схему изучения экономико-географического положения города.

В последние годы жизни И.М. Маергойз вновь обратился к городской проблематике, изучая географические проблемы урбанизации и промышленно-городские агломерации. В 1970-е гг. он создал свои главные научные труды, существенно обогатившие созданную им теорию территориальной структуры хозяйства. В качестве одной из разновидностей территориальных структур, функционирующих в выявленных им интегрально-пространственной, множественной территориально-отраслевой и питательно-распределительной формах, И.М. Маергойз предложил рассматривать опорный каркас. Этому важному направлению его научного творчества посвящён фундаментальный труд «Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза» (2012), в котором обобщён научный вклад этого выдающегося учёного в теорию и методологию общественной географии [40].

Наиболее известными учениками И.М. Маергойза, подготовившими диссертации под его научным руководством, являются доктора географических наук В.П. Максаковский, Н.С. Мироненко и А.И. Трейвиш. При этом многие современные экономико-географы считают его своим учителем, продолжая намеченные им направления научных исследований и пропагандируя его многогранное научное творчество. По их инициативе часть трудов И.М. Маергойза, опирающаяся на архивные материалы и неопубликованные рукописные

работы, вышла посмертно. Среди них – научная монография «Географическое учение о городах» (1987), подготовленная к печати его учениками и коллегами [41]. В ней собраны воедино все его ранее опубликованные и неизданные работы по географии городов и геоурбанистике, раскрывающие географические особенности и проблемы урбанизации в СССР, в ряде зарубежных стран и в мире в целом.

Саушкин Юлиан Глебович (1911–1982 гг.) – выдающийся советский экономико-географ, ученик и преемник дела Н.Н. Баранского, внёсший значительный вклад в разработку теории и методологии общественной географии, обоснование её новых разделов и направлений исследования. В 1947 г. Ю.Г. Саушкин защитил докторскую диссертацию, которая в том же году была опубликована в форме монографии под названием «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности в различных районах Советского Союза». Анализируя взаимодействие сельского хозяйства и природной среды в стране, он осуществил синтез данных физической и экономической географии [42]. В 1970-е гг. Ю.Г. Саушкин издал три обобщающих труда по истории, теории и методологии географической науки: «Экономическая география: история, теория, методы, практика» (1973), «История и методология географической науки» (1976) и «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» (1980), в которых получила отражение его борьба за интеграцию, единство и целостность географической науки, развитие её теоретических основ и новых направлений, разработку и внедрению новых подходов и методов. Ратуя за проникновение в теорию и практику географической науки системного подхода и стремясь показать системный характер всех важнейших объектов физической и экономической географии, в качестве ведущего метода изучения в экономической географии он называл территориальный системно-структурный анализ, связанный с выделением пространственно-временных систем. К ним им были отнесены «... ландшафты и ландшафтные области, океаны и моря, речные бассейны, озёрные котловины, биогеоценозы, территориально-производственные системы (комплексы), производственные узлы и индустриальные районы, экономические районы, транспортные сети и системы, город как система и система городов, районы расселения, курортные зоны и многие другие» [43].

В многогранном научном наследии Ю.Г. Саушкина представлено несколько публикаций, глубоко раскрывающих городскую проблематику. В обзорной научной статье Ю.Г. Саушкина «Об изучении системы городов Советского Союза» (1960) даётся глубокий анализ формирования территориальных групп городов на основе системного подхода и основных направлений географического изучения городов СССР в послевоенный период [44]. Он первым среди отечественных экономико-географов использовал термин «геоурбанистика», вложив в него современное звучание [45].

Между тем основным объектом градоведческих исследований Ю.Г. Саушкина была Москва как главный город страны. Его первая книга о Москве опубликована в 1955 г. под редакцией Н.Н. Баранского и выдержала пять изданий [46]. Последняя монография «Москва среди городов мира. Экономико-географическое исследование», написанная в соавторстве с В.Г. Глушковой, увидела свет в 1983 г., через год после его смерти [47]. В этих работах, посвящённых крупнейшему городу государства и его признанной столице, получили дальнейшее развитие многие теоретические и методологические положения о географическом изучении городов, выдвинутые его учителем Н.Н. Баранским.

Блажко Нина Ивановна (1915–1982 гг.) – видный российский экономико-географ, крупнейший специалист в области внедрения математических методов в экономико-географическую теорию, внёсшая значительный вклад в исследование территориальных систем городских поселений. В 1965 г. Н.И. Блажко защитила докторскую диссертацию «Экономико-географические методы исследования системы городских поселений», результаты которой были опубликованы в 1960-е гг. в ряде научных статей. В этих работах впервые были намечены многие перспективные направления использования в экономической географии формализованных системных понятий и математического моделирования экономико-географических территориальных систем, которые были реализованы ею в последующие годы.

Среди оригинальных научных разработок Н.И. Блажко в области изучения географии городских населённых пунктов – методика количественного анализа связей городов, построение матричной модели города, выделение функциональных типов городских населённых пунктов [48]. Важным вкладом в развитие теории географии в целом и географии городов в частности стало издание в 1970 г. монографии «Математико-географические методы исследования городских поселений», подготовленной в соавторстве с казанскими географами [49]. В ней изложен математико-географический метод определения ступеней развития городских населённых пунктов в системе с помощью циклов и стадий взаимосвязанных и соподчинённых производств, выделяемых в производственном комплексе города. При этом для каждой такой ступени развития городских населённых пунктов, связанной друг с другом отношениями функционально-производственного соподчинения, показаны типичные выполняемые функции и людность. Этот метод, основанный на балльной оценке, оказался пригодным для использования в разных целях, в числе которых – определение уровня развитости производственного комплекса города, классификация городских населённых пунктов по ступеням развития и

их типизации на математико-географической основе. Опыт системного исследования городских населённых пунктов позволил Н.И. Блажке перейти к изучению общих систем расселения. Научный интерес Н.И. Блажке в этой области был связан с анализом динамического аспекта развития систем расселения и их структуры на основе использования матричного метода, позволившего исследовать направления перераспределения населённых пунктов из одних форм в другие [50].

Гохман Вениамин Максович (1918–1986 гг.) – известный советский экономико-географ, внёсший значительный вклад в разработку ряда новых направлений в теоретической географии, тематической картографии и геоинформатики, страноведении и географической американистике, географии мирового хозяйства в тесной связи с геоглобалистикой как важнейшей части комплексно-географического изучения глобальных проблем человечества. В рамках разработанной им концепции проблемного страноведения он делал упор на сопряжённый анализ территориальной организации хозяйства и расселения населения.

Среди разнообразных научных интересов В.М. Гохмана важное место занимало географическое изучение города и его особой роли как системы в системе городов. Он входит в число географов-обществоведов, обосновавших становление геоурбанистики как нового этапа в развитии классической географии городов. Занимаясь исследованием географической сущности и факторов процесса урбанизации, В.М. Гохман рассматривал его как многоплановый социально-экономико-географический процесс. В его работах много внимания уделено изучению функциональной структуры городов, выступающих в роли фокусов роста в общей структуре социально-экономического развития стран и регионов. При активном участии В.М. Гохмана, выступавшего в роли переводчика, редактора, автора предисловий и послесловий, отечественные учёные познакомились со многими классическими работами зарубежных экономико-географов и регионалистов, в том числе и в области географии городов. В числе последних – фундаментальные труды о городах США Г. Александерсона «Экономическая структура городов США» (1959) и Р. Мерфи «Американский город» (1972) [51, 52].

Постсоветский период развития научной школы географического градovedения

В постсоветский период завершилось преобразование географии городов в геоурбанистику. В её составе появился ряд новых направлений исследований, связанных с рыночными преобразованиями общества и задачами постиндустриального перехода. В эти годы в составе геоурбанистики оформилась урбоэкология как ключевой элемент концепции устойчивого развития города. Повысилась роль районной планировки как прикладного направления геоурбанистики и ведущей области градостроительного проектирования. Стали широко использоваться новые подходы к регулированию городского развития, рассматривающие города и городское расселение как саморазвивающиеся системы – объект городского управления и муниципального индикативного, стратегического и территориального планирования.

В новых условиях особую актуальность приобрели вопросы создания научных основ городского управления и формирования городской политики. В постсоветский период круг объектов городской политики существенно расширился. В сферу целенаправленного регулирования должны попасть следующие категории, группы и типы городских населённых пунктов, которые нуждаются в проведении специальной городской политики. В их числе: посёлки городского типа и несельскохозяйственные населённые пункты; проблемные города (моногорода, кризисные и депрессивные города); малые и средние города; большие, крупные и крупнейшие города; города-миллионники; городские агломерации и мегалополисы; города-спутники и другие городские населённые пункты пригородной зоны; города федерального значения; административные центры федеральных округов, столицы и административные центры субъектов РФ; исторические поселения; новые города; наукограды; закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) и другие городские населённые пункты с особым режимом жизнедеятельности; города с уникальным геостратегическим положением; городские населённые пункты, расположенные в пределах особо охраняемых природных территорий; городские населённые пункты, расположенные в регионах с экстремальными природно-климатическими условиями; городские населённые пункты, расположенные в регионах с особо неблагоприятными экологическими условиями.

В постсоветский период получили развитие следующие направления географического изучения городов и процессов урбанизации:

- обобщающие работы по геоурбанистике как конструктивно-преобразовательному этапу развития географии городов (Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров);
- теоретико-методологические основы анализа эволюции и закономерностей развития пространственной урбанизации, городов и систем городского расселения (Г.М. Лаппо, А.М. Лола, А.П. Обедков, Е.Н. Перцик, Е.Г. Трубина);
- территориальная и социальная трансформация внутригородского пространства в условиях рыночных преобразований и постиндустриального перехода (К.Э. Аксёнов, О.Ю. Голубчиков, М.В. Зотова, Н.В. Кирсанов, А.Г. Махрова, А.П. Обедков);

- историко-географическое изучение российских городов и их территориальных сетей (В.Г. Глушкова, Г.М. Лаппо, А.П. Обедков, Е.Н. Перцик);
- особенности и проблемы формирования региональных систем городского расселения (О.Ю. Коваленко, Г.М. Лаппо, А.П. Обедков, Л.П. Фукс, И.А. Худяев);
- комплексные градоведческие исследования на стыке геоурбанистики, районной планировки и градостроительного проектирования (А.Г. Большаков, В.В. Владимиров, В.Л. Глазычев, Е.Н. Перцик, Д.С. Питерский, И.М. Смоляр, И.А. Фомин);
- особенности и проблемы формирования городских агломераций России в постсоветский период (Г.М. Лаппо, В.Я. Любовный, А.П. Обедков, Е.Н. Перцик, П.М. Полян);
- проблемы мировой урбанизации и формирования городских агломераций в зарубежных странах (Д.В. Кузнецов, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, И.И. Попов, Л.В. Смирнягин, Р.Ф. Темиргалеев, А.А. Шанин);
- роль мировых городов в глобальных процессах и системе мирохозяйственных связей (В.А. Колосов, А.В. Курасов, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, Н.А. Слука, Л.В. Смирнягин);
- исторические поселения России и их роль в познании эволюции городского расселения населения и развитии культурно-познавательного туризма (В.Р. Крогиус, Г.М. Лаппо, А.П. Обедков);
- проблемы социально-экономического развития и пути активизации моногородов (И.З. Зурабова, В.Я. Любовный, А.П. Обедков, Р.А. Попов, И.Д. Тургель, В.К. Федотова);
- особенности формирования и проблемы социально-экономического развития посёлков городского типа в региональных системах расселения населения (М.А. Григорович, А.П. Обедков, М.В. Прохорчук);
- особенности северной урбанизации и геоурбанистика Российского Севера (А.П. Обедков);
- экология урбанизированных территорий (В.П. Алексеев, Т.И. Алексеева, В.Р. Битюкова, В.В. Владимиров, Е.Я. Власова, Е.С. Година, В.П. Казначеев, Г.С. Камерилова, Н.А. Колдобская, Е.М. Микулина, Н.Ф. Реймерс, Я.Я. Яндыганов, З.Н. Яргина);
- изучение морфологии экономического пространства города в целях функционального зонирования городской территории, регулирования инвестиционных стратегий и проведения муниципальной политики землепользования (В.С. Занадворов, В.В. Засядь-Волк, Н.В. Кирсанова, Л.Э. Лимонов, А.Г. Махрова);
- маркетинг и брендинг города (Д.В. Визгалов, Е.В. Демидова, Н.Ю. Замятина);
- разработка научных основ городской политики (Е.Г. Анимича, Н.Ю. Власова, Г.М. Лаппо, А.П. Обедков, Е.Н. Перцик, Я.П. Силян).

Ряд представителей научной школы географического градоведения получили широкую известность и стали лидерами в географическом изучении городов ещё в советское время. Их научный авторитет как лидеров научной школы географического градоведения ещё более укрепился в постсоветский период. Среди них следует особенно отметить наиболее ярких представителей академической науки (Г.М. Лаппо, П.М. Полян) и вузовской (Е.Г. Анимича, Е.Н. Перцик, Ю.М. Пивоваров, Б.С. Хорев).

Лаппо Георгий Михайлович (1923 г.р.) – российский экономико-географ и выдающийся географ-урбанист, являющийся одним из лидеров современной российской геоурбанистики. Являясь учеником Н.Н. Баранского, И.М. Маергойза и Ю.Г. Саушкина, Г.М. Лаппо продолжил и существенно углубил с исторических, системных и комплексных позиций заложенные в их трудах отечественные традиции географического изучения городов во взаимосвязи с вопросами градостроительства, развития расселения и хозяйства. В многогранном научном наследии учёного представлены научные монографии, статьи и препринты докладов, учебники и учебные пособия, существенно обогатившие геоурбанистику и общественную географию.

Начало градоведческих исследований Г.М. Лаппо было положено его курсовой работой под названием «Экономико-географическая характеристика города Нижнего Тагила», выполненной им на втором курсе учёбы на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. После окончания МГУ с 1953 по 1956 г. он проходил обучение в аспирантуре географического факультета. В годы обучения в аспирантуре главным объектом научного исследования Г.М. Лаппо стали все города Московской области. Их географическое изучение легло в основу его кандидатской диссертации, которая готовилась под научным руководством Ю.Г. Саушкина. Однако защитить её удалось лишь в 1962 г. [53].

Важным этапом в научной деятельности Г.М. Лаппо стала работа в Институте градостроительства и районной планировки (предшественник ЦНИИП градостроительства) Академии строительства и архитектуры СССР, где с 1957 по 1964 г. он трудился в секторе по реконструкции больших городов. В эти годы он получил возможность широкого использования географических знаний в сферу градостроительства, которая рассматривалась им как важнейшая сфера прикладных исследований географии городов. В годы работы в Институте градостроительства и районной планировки Г.М. Лаппо принял участие в подготовке фундаментальной четырёхтомной монографии «Основы советского градостроительства» [54]. Им были написаны несколько глав в первом томе монографии, в которой были рассмотрены вопросы расселения и регулирования роста городов,

реконструкции сложившихся городов и планировки новых городов, городского движения и транспорта [55]. Продолжая сотрудничество с географами МГУ, в эти годы он участвовал в работе по составлению «Карты развития географических поселений СССР» в масштабе 1:2500000 и в специальных обследованиях по выявлению трудовых связей городов Подмосковья.

В 1964–1969 гг. Г.М. Лаппо работал на географическом факультете МГУ, где вслед за В.В. Покшишевским и В.Г. Давидовичем продолжил чтение учебного курса «Географии городов с основами градостроительства». В 1969 г. на основе этого курса было издано в СССР учебное пособие с одноимённым названием. Это учебное пособие стало первой книгой Г.М. Лаппо. Её выход в свет ознаменовал переход к геоурбанистике – новому этапу развития отечественной географии городов [56].

С 1969 по 2006 г. Г.М. Лаппо трудился в Институте географии АН СССР, где продолжил исследования в области географического градоведения. Комплексное изучение региональной системы расселения Московской области и крупнейшей в стране Московской агломерации, осуществлённое в годы учёбы в аспирантуре МГУ, подготовило его органичный переход к следующему этапу геоурбанистических исследований, связанному с анализом особенностей и проблем формирования городских агломераций СССР. Докторская диссертация на эту тему была успешно защищена Г.М. Лаппо в 1975 г. Спустя три года на её основе была издана научная монография «Развитие городских агломераций в СССР» (1978) [57]. Логичным продолжением изучения городских агломераций стала разработка концепции опорного каркаса расселения и территориальной структуры хозяйства, которая позволила раскрыть вопросы анализа и делимитации опорных каркасов расселения разного уровня, а также их узловых и линейных элементов. Совместно с другими географами-урбанистами Г.М. Лаппо разработал концепцию каркасно-сетевой структуры территории, согласно которой в условиях зрелой урбанизации города начинают в большей степени взаимодействовать друг с другом, а не с окружающей территорией.

В последующие годы Г.М. Лаппо вновь вернулся к изучению городов как главных объектов геоурбанистических исследований. Под научной редакцией Г.М. Лаппо вышла фундаментальная энциклопедия «Города России» (1994) [58]. Публикация этой многоплановой и масштабной работы стала своеобразным итогом историко-географического изучения российских городов в советский период истории. Своеобразным итогом развития геоурбанистики в России стало появление обобщающей работы Г.М. Лаппо «География городов» (1997). В том же году был опубликован сборник статей в честь Г.М. Лаппо, в подготовке которого приняли участие его ученики и последователи [59]. Среди крупных градоведческих трудов Г.М. Лаппо, увидевших свет после 2000 г. следует выделить монографию «Города России. Взгляд географа» (2012) [60].

На протяжении всей своей научной деятельности Г.М. Лаппо много внимания уделял изданию научно-популярной литературы о городах. Начало этому было положено изданием книги «Рассказы о городах», которая выдержала два издания в 1972 и 1976 [61, 62] гг. Большой интерес у читателей вызвала книга Г.М. Лаппо «Города на пути в будущее» (1987) [63]. Он является автором научно-популярных книг о Москве, которые были изданы на английском, болгарском, французском и японском языках, но так и не вышли на русском языке. Многочисленные научно-публицистические статьи Г.М. Лаппо об исторических и современных российских городах способствовали развитию особого жанра «литературной геоурбанистики».

Пивоваров Юрий Львович (1929 г.р.) – один из ведущих российских географов-урбанистов, известный исследователь проблем географии населения, урбанизации и региональной социальной географии. Являясь учеником выдающегося исследователя экономической географии зарубежных стран И.А. Витвера, в 1970–1980-х гг. Ю.Л. Пивоваров занимался научной разработкой взаимосвязанных проблем населения, расселения и урбанизации в социалистических странах Восточной Европы, в СССР и в мире в целом. В эти годы он издал несколько крупных монографических исследований: «Население социалистических стран зарубежной Европы: структурно-географические сдвиги» (1970), «Современная урбанизация: Основные тенденции расселения» (1976, в соавторстве), «Урбанизация в современном мире: Особенности пространственного развития» (1983), «География населения СССР в условиях НТР: Основные факторы и изменения расселения» (1988) [67], «Мировая урбанизация: городские проблемы» (1989) [64–68]. В этих работах была заложена традиция изучения городского населения и расселения в рамках исследования вопросов миграции трудовых ресурсов, развития сети городов и городского расселения. В одной из своих основных монографий советского времени «Современная урбанизация: Основные тенденции расселения» (1976, в соавторстве) Ю.Л. Пивоваров исследовал взаимосвязь процессов урбанизации и расселения населения. В ней была предпринята попытка теоретического обоснования определяющей роли урбанизации в эволюции форм расселения, характеризующейся переходом от города через городскую агломерацию к урбанизированным районам и зонам. Своеобразным итогом научной деятельности Ю.Л. Пивоварова в советский период стала защита в 1987 г. докторской диссертации на тему «Пространственная эволюция урбанизации в социалистических странах Европы».

В постсоветский период Ю.Л. Пивоваров опубликовал ряд научных трудов, в которых раскрыты особен-

ности российской урбанизации и научные основы отечественной георбанистики. Важнейшие из них – «Современный урбанизм: Курс лекций» (1994), «Основы георбанистики: Урбанизация и городские системы» (1999), «Россия и мировая урбанизация: Антропокультурная и пространственная динамика» (2007) [69–71]. В этих книгах Ю.Л. Пивоварова рассмотрены особенности российской урбанизации на фоне её мирового развития в XX в. В них углублены представления на урбанизацию как антропокультурный, глобальный и пространственно-избирательный процесс. Причины кризиса урбанизации России после распада СССР Ю.Л. Пивоваров видит в недостатках сложившейся в 1930–1980-е гг. советской модели городского развития и городской политики, а также в ориентации на экстенсивное освоение новых территорий вместо использования интенсивных факторов в ареалах преимущественного развития.

Анимица Евгений Георгиевич (1931 г.р.) – российский экономико-географ, градовед и регионовед, основоположник и руководитель научной школы «Региональная экономика в системе пространственной экономики». В сфере научных интересов Е.Г. Анимицы городская проблематика занимает центральное место. Его первые крупные работы по георбанистике были посвящены уральским городам: «Города Среднего Урала» (1975), «Города Среднего Урала: прошлое, настоящее, будущее» (1983) [72, 73]. В 1988 г. Е.Г. Анимица защитил диссертацию «Развитие городов крупного экономического района (на примере Уральского региона)» на соискание учёной степени доктора географических наук.

В 1993 г. профессор Е.Г. Анимица организовал и осуществляет руководство кафедрой региональной и муниципальной экономики, на которой впервые в России в рамках специальности «Национальная экономика» была начата подготовка экономистов по новой специальности «Региональная и муниципальная экономика». Созданию подобной кафедры способствовало длительное формирование научного направления «Проблемы социально-экономического развития городов и регионов России». На кафедре разрабатываются новые научные направления в экономических науках – пространственная экономика, региональная экономика, муниципальная экономика, городская экономика, социэкономика, сетевая экономика. С 2004 г. под научным руководством Е.Г. Анимицы были реализованы два крупных исследовательских проекта по городской проблематике: научно-исследовательская работа «Исследование пространственно-временной парадигмы эволюционного развития городов» и грант РГНФ «Особенности развития финансовых процессов в городах в условиях социально-экономической трансформации». Среди опубликованных в последние два десятилетия научных монографий с под научной редакцией и при участии Е.Г. Анимицы по городской проблематике следует выделить «Крупнейший город: концептуальные подходы к проблемам занятости населения» (1997, в соавторстве), «Качество жизни населения крупнейшего города» (2000, в соавторстве), «Теоретико-методологические аспекты структурной трансформации городов старопромышленного региона» (2000, в соавторстве), «Структурная трансформация экономики городов старопромышленного региона» (2001, в соавторстве), «Закрытые атомные города России (особенности развития и управления)» (2002, в соавторстве), «Бюджет большого города» (2002, в соавторстве), «Стратегия развития крупнейшего города: взгляд в будущее (научно-методологический подход)» (2003, в соавторстве), «Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования» (2003, в соавторстве), «Городская политика: теория, методология, практика» (2004, в соавторстве), «Горнозаводские города: научно-теоретические аспекты исследования» (2004, в соавторстве), «Малые и средние города региона: тенденции и стратегия социально-экономического развития» (2004, в соавторстве), «Экономическое развитие горнозаводских городов» (2005, в соавторстве), «Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города» (2010, в соавторстве), а также учебное пособие «Градоведение» (1998, 2006, 2008, 2010, в соавторстве) [74–87]. Эти работы позволяют назвать Е.Г. Анимицу признанным лидером екатеринбургской научной школы географического градоведения.

Перцик Евгений Наумович (1931 г.р.) – учёный с мировым именем, получивший известность одновременно как исследователь проблем георбанистики России, закономерностей географии мировой урбанизации и особенностей урбанизационного процесса в зарубежных странах, разработчик проектов районной планировки, консультант и эксперт градостроительных проектов, преподаватель оригинальных университетских курсов, автор учебников и учебных пособий по географии городов и районной планировке. Признанным авторитетом среди отечественных географов-градоведов пользуется созданная Е.Н. Перциком университетская школа георбанистики. Его многогранное научное творчество охватывает широкий круг взаимосвязанных вопросов теории георбанистики и геопланировки, практики градостроительства и районной планировки. На рубеже 1960–1970-х гг. появились фундаментальные работы по географии городов и городскому расселению Е.Н. Перцика «Основы районной планировки» (1971) и «Районная планировка. Географические аспекты» (1973), наметившие переход к новому этапу развития географии городов – георбанистике. Опираясь на труды основоположников отечественной географии городов, Е.Н. Перцик обогатил её новыми направлениями и достижениями, способствуя перерастанию географии городов в георбанистику. Географические аспекты и проблемы развития городов и урбанизации были рассмотрены в крупных монографических исследованиях и

учебных пособиях Е.Н. Перцика «Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений» (1980), «География городов (геоурбанистика). Исторические этапы развития городов» (1985), «Среда человека: предвидимое будущее» (1990), «Геоурбанистика (география городов)» (1991), «Города мира. География мировой урбанизации» (1999), «Районная планировка (территориальное планирование)» (2006), «Геоурбанистика» (2009), «Географическая мысль: история, проблемы, поиск решений. История и методология географической науки, географические аспекты развития городов и урбанизации» (2013) [88–95]. В монографических работах Е.Н. Перцика раскрыты сущность и образы городов, закономерности и особенности формирующих их процессов, исторический подход в изучении городов и феномен урбанизации как глобальное явление, урбанистическая картина мира во временном (с древних времён до наших дней) и пространственном (весь земной шар, крупные регионы и страны мира) аспектах. В честь Е.Н. Перцика его ученики, коллеги и последователи издали сборник научных трудов «География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик» (2013), посвящённый основным направлениям его научного творчества [96].

Хорев Борис Сергеевич (1932–2003 гг.) – российский экономико-географ, градовед и демограф, заявивший о себе пионерными исследованиями во многих областях общественной географии, демографии и географии населения. Основными темами научного творчества Б.С. Хорева были взаимосвязанные вопросы развития городов и расселения населения, миграции и урбанизации. Широкую известность Б.С. Хореву принесли защищённая им в 1971 г. докторская диссертация на тему «Единая система расселения и развитие городов» и цикл научных монографий, посвящённый проблемам городских населённых пунктов и территориальной организации общества, в числе которых – «Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение)» (1968), «Проблемы городов (экономико-географическое исследование городского расселения в СССР)» (1971), «Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР)» (1975), «Территориальная организация общества» (1981), ознаменовавшие переход к новому этапу развития городов – геоурбанистике [97–100]. В этих фундаментальных работах нашли отражение основные положения теории расселения и геоурбанистики, концепции единой системы расселения и опорного каркаса расселения. При этом следует особо отметить большой личный вклад Б.С. Хорева в теоретическую разработку концепции единой системы расселения и обоснование семичленной иерархии населённых пунктов России. Б.С. Хорев предложил и ввёл в научный оборот термин «опорный каркас расселения», который он рассматривал как важную составную часть концепции единой системы расселения. Важнейшие положения концепции единой системы расселения были реализованы при составлении Генеральных схем расселения населения страны. Памяти Б.С. Хорева в 2002 г. был подготовлен и издан сборник статей по проблемам расселения – ключевой теме его научного творчества [101].

Полян Павел Маркович (1952 г.р.) – российский экономико-географ, демограф, историк и публицист, ученик Г.М. Лаппо. В разные годы в сферу научных интересов П.М. Поляна входили анализ и картографирование расселения населения; вопросы урбанизации и миграций; транспортные связи и демография городов; эволюция городского расселения и формирование систем расселения; развитие городских агломераций и опорного каркаса расселения; теоретическая география и историческая география. Совместно с Л.И. Василевским и А.И. Трейвишем он внёс большой вклад в развитие экономико-географической теории территориальных структур, метода потенциалов и центрографического метода исследования, изучение территориальной концентрации и методов её измерения.

В 1980 г. П.М. Полян защитил кандидатскую диссертацию на тему «Опорный каркас расселения и его важнейшие узловые и линейные элементы (на примере Кавказского региона)». По её материалам он опубликовал свою первую книгу «Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения» (1988) [102]. Она стала первой отечественной монографией, в которой были раскрыты географические основы концепции опорного каркаса расселения и методика выделения опорного каркаса расселения и городских агломераций как его основы, а также обоснованы критерии города-ядра и способы определения границ распространения пригородной зоны поселений-спутников. В 1998 г. П.М. Полян защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора географических наук на тему «География принудительных миграций в СССР». Совместно с Т.И. Селивановой П.М. Полян разработал географическую карту «Городские агломерации» [103].

Одним из важных направлений научного творчества П.М. Поляна является изучение и пропаганда научно-го наследия видных экономико-географов и градоведов В.П. Семёнова-Тян-Шанского [104–106], И.М. Маергойза [107, 108] и Г.М. Лаппо [109] путём подготовки и издания книг, в которых он выступает в роли научного редактора, автора-составителя и редактора-составителя. В нулевые годы П.М. Полян открыл зарекомендовал себя как историк и публицист, исследующий вопросы возрождения памяти и наследия, принудительных миграций, иммиграции и эмиграции. Однако в последние годы он вновь обратился к расселенческой проблематике, опубликовав авторскую монографию «Территориальные структуры – урбанизация – расселения: теоретические подходы и методы изучения» (2014), которую он посвятил своим учителям – Исааку Моисеевичу Маергойзу, Леониду Исааковичу Василевскому, Георгию Михайловичу Лаппо и Жанне Антоновне Зайончков-

ской. В этой фундаментальной работе всесторонне рассмотрены теоретические подходы и методы изучения взаимосвязанной триады, включающей территориальные структуры, урбанизацию и расселение [110].

Среди географов-урбанистов, чьё научное творчество пришлось главным образом на постсоветский период, выделяется представитель университетской науки Н.А. Слука, заявивший о себе как ведущий российский исследователь системы мировых городов.

Слука Николай Александрович (1960 г.р.) – российский географ-обществовед и градовед, известный своими трудами в области геоурбанистики, геодемографии, географии мирового хозяйства, международной торговли, географии международного туризма, общественной географии и корпоративной географии. В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономико-географический анализ развития столичных городов европейских стран-членов СЭВ», в 2006 г. – докторскую диссертацию на тему «Современные геодемографические процессы в мировых городах». Первой авторской книгой Н.А. Слуки стала научная монография «Экономико-географические проблемы столичных городов стран Восточной Европы» (1994) [111], в основу которой легли материалы его кандидатской диссертации. В нулевые годы в центре его научных интересов стали вопросы теории и проблемы мировых (глобальных) городов, которые стали первыми научными исследованиями в области мировой урбанистики среди российских градоведов. В своей монографии «Градоцентрическая модель мирового хозяйства» (2005) он обосновал концепцию формирования градоцентрической сете-узловой структуры мирового хозяйства. Раскрывая общую картину современного мироустройства с позиций геоурбанистики и глобалистики Н.А. Слука особое внимание уделяет глобальным городам, их месту в глобальных структурах мировой экономики и роли в системе мирохозяйственных связей [112]. Среди других крупных работ Н.А. Слуки по проблематике мировых городов – «Геодемографические феномены глобальных городов» (2009) и «Город в условиях глобализации» (2017), а также коллективные монографии «Глобальный город: теория и реальность» (2007) и «Город в контексте глобальных процессов» (2009), в издании которых он принял участие как соавтор и научный редактор [113–116].

Локальные школы географического градоведения

Начало географическому изучению городов в России было положено в Петербурге – дореволюционной столице страны, в которой в 1724 г. были основаны Петербургская академия наук (ныне РАН) и в её составе первое в стране светское высшее учебное заведение – Академический университет (официальный предшественник образованного в 1819 г. Санкт-Петербургского государственного университета), а также Русское географическое общество (1845 г.). В советский и постсоветский периоды ведущими центрами градоведческих исследований стали Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург. На их базе сформировались три ведущие локальные научные школы географического градоведения во главе с признанными лидерами и их довольно многочисленными последователями.

У истоков старейшей в России петербургской научной школы географического градоведения, возникшей в дореволюционный период, стояли зачинатели отечественной географии городов К.И. Арсеньев и В.П. Семёнов-Тян-Шанский. Среди дореволюционных петербургских учёных, опубликовавших в эти годы работы по географическому описанию городов и их территориальных сетей, следует выделить также В.П. Андросова, А.И. Воейкова, А.П. Заблоцкого-Десятовского, П.И. Кёппена, Н.А. Милютину и П.П. Семёнова. В 1920-е гг. увидели свет интересные публикации Н.П. Анциферова, И.М. Гревса и А.А. Крубера, в которых город исследовался с исторических, географических, краеведческих и культурологических позиций.

В советский период признанным лидером ленинградских географов-градоведов был О.А. Константинов, являющийся одним из основоположников советской географии городов. Между тем со времени ухода из жизни О.А. Константинова в Санкт-Петербурге так и не появились географы-урбанисты, сопоставимые с ним по масштабу и разносторонности градоведческих исследований. Большинство современных петербургских географов-урбанистов являются выпускниками географического факультета (затем факультет географии и геоэкологии, а ныне – Институт наук о Земле) Санкт-Петербургского государственного университета. В разные годы отдельные аспекты географии городов и геоурбанистики исследовали преподаватели экономико-географических кафедр Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета (К.Э. Аксёнов, А.А. Анохин, Д.В. Житин, В.М. Мякиненков), Северо-Западного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (В.В. Засядь-Волк, В.М. Ходачек), НИУ Высшей школы экономики – Санкт-Петербург (А.М. Ходачек) и учёные Института проблем региональной экономики РАН (Н.Т. Агафонов, О.П. Литовка).

С советских времён и поныне наиболее многочисленной и авторитетной в России является московская научная школа географического градоведения во главе с такими корифеями отечественной географии городов и геоурбанистики как Н.Н. Баранский, В.М. Гохман, В.Г. Давидович, Л.Е. Иофа, Р.М. Кабо, Г.М. Лаппо, Н.И. Ляликов, И.М. Маергойз, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский, Ю.Г. Саушкин и Б.С. Хорев, которые стали лидерами этого научного направления общественной географии в советский период. Большинство

их учеников и последователей являются выпускниками экономико-географических кафедр географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Различные аспекты географического изучения городов исследовали преподаватели и научные сотрудники географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (А.А. Агирречу, А.И. Алексеев, В.Р. Битюкова, Н.Ю. Замятина, Д.Ю. Землянский, Н.В. Зубаревич, Н.А. Колдобская, А.Г. Махрова, М.С. Савоскул, Н.А. Слука, Л.В. Смирнягин), Московского государственного педагогического университета (Ю.А. Симагин), Финансовой академии при Правительстве РФ (В.Г. Глушкова), НИУ Высшей школы экономики (О.Ю. Голубчиков), а также учёные Института географии РАН (О.И. Вендина, О.Б. Глезер, Г.А. Гольц, М.В. Зотова, Т.Г. Нефёдова, П.М. Полян, А.И. Трейвиш, С.А. Тархов), Финансового университета при Правительстве РФ (А.В. Курасов), Института микроэкономических исследователей (В.Я. Любовный), НИПИ Градостроительства (А.А. Эпштейн) и Фонда «Институт экономики города» (Г.Ю. Ветров, Д.В. Визгалов, Р.А. Попов, А.А. Шанин).

Признанным лидером екатеринбургской локальной научной школы географического градоведения является Е.Г. Анимица. Исследованием проблем градоведения и городской политики проводятся в Уральском государственном экономическом университете (Е.Г. Анимица, Е.Я. Власова, Н.Ю. Власова, Е.Б. Дворянкина, Я.П. Силин, Н.М. Сурнина, Я.Я. Яндыганов), Уральском федеральном университете (И.Д. Тургель) и Уральском государственном педагогическом университете (И.Н. Корнев, Е.Л. Шувалов).

Своими трудами в области географического градоведения отметились также энтузиасты-одиночки и многочисленные исследователи городов, в разные годы работавшие или продолжающие трудиться в научных учреждениях и вузах Архангельска (Н.С. Игловская), Иркутска (В.В. Воробьёв, Т.И. Заборцева), Казани (Н.И. Блажко, Р.Ф. Темиргалеев), Калининграда (А.В. Белова), Кирова (К.А. Чернышев), Краснодара (Г.С. Гужин, А.А. Филобок), Красноярска (М.В. Прохорчук), Махачкалы (Ш.С. Мудуев), Нижнего Новгорода (Г.С. Камерилова, И.К. Орфанов, Л.Л. Трубе), Нижнего Тагила (М.А. Григорович), Новосибирска (Л.П. Фукс), Перми (А.В. Сухих), Ростова-на-Дону (А.Г. Дружинин, Н.В. Кирсанова), Саранска (Н.Н. Логинова), Смоленска (М.Ю. Евдокимов), Ставрополя (В.С. Белозёров, О.Ю. Коваленко), Сыктывкара (А.П. Обедков), Твери (И.П. Смирнов, А.А. Ткаченко), Уфы (И.В. Голубченко), Чебоксар (Ю.Р. Архипов, З.А. Трифонова) и Читы (В.К. Федотова).

Вступление географии городов на качественно новый этап развития потребовало дальнейшего совершенствования теории и методологии геоурбанистики. Оформлению научной методологии геоурбанистики способствовали разработанные отечественными учёными концепции групповых систем населённых мест, опорного каркаса расселения, Единой системы расселения, «поляризованного ландшафта», «Центр - периферия», а также во многом заимствованные из-за рубежа стадийные концепции расселения, агломерационные концепции и системные подходы. В этих концепциях нашли отражение сложившиеся к тому времени научные представления о городском расселении и путях его развития от поселенческих сетей к территориальным группам городских и сельских населённых пунктов, представленных преимущественно городскими формами – групповыми системами населённых мест и расселения, городскими агломерациями и мегалополисами, урбанизированными районами и зонами. Основными теоретическими истоками формирования общей научной идеологии и методологии географического изучения закономерностей развития городов и эволюции городского расселения являются следующие учения, теории и концепции:

- учение о территориальной организации общества (Э.Б. Алаев, С.Я. Ныммик, Ю.Г. Саушкин, Б.С. Хорев, А.И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин и др.);
- учение об экономико-географическом положении (Н.Н. Баранский, Г.М. Лаппо, Е.Е. Лейзерович, И.М. Маергойз, Н.С. Мироненко, Е.Н. Перцик, Б.Б. Родоман, В.Я. Ром, В.В. Покшишевский, Ю.Г. Саушкин и др.);
- теория устойчивого развития (К.Я. Кондратьев, В.М. Котляков, С.Б. Лавров, М.Я. Лемешев, Н.Ф. Реймерс, А.Ю. Ретейом, Г.В. Сдасюк, Л.Р. Серебряный и др.);
- теория районной планировки (Д.И. Богорад, В.В. Владимиров, В.Г. Давидович, Г.М. Лаппо, Е.Е. Лейзерович, Е.Н. Перцик и др.);
- теория расселения (Н.Н. Баранский, В.Г. Давидович, З.А. Зайончковская, С.А. Ковалёв, О.А. Константинов, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенгурт, С.Г. Смилович, В.В. Покшишевский, Б.С. Хорев и др.);
- теория геоурбанистики (Е.Г. Анимица, Н.Н. Баранский, Д.И. Богорад, В.М. Гохман, В.Г. Давидович, Р.М. Кабо, О.А. Константинов, Г.М. Лаппо, И.М. Маергойз, Я.Г. Машбиц, А.П. Обедков, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский, С.А. Польский, Ю.Г. Саушкин, Н.А. Слука, В.М. Харитонов, Б.С. Хорев и др.);
- теория поляризованного ландшафта (Б.Б. Родоман и др.);
- теория центральных мест (Ю.В. Медведков, А.Л. Валесян, В.А. Шупер и др.);
- теория размещения производительных сил (Ф.Я. Кирич, Н.Н. Колосовский, А.Н. Лаврищев, Е.Е. Лейзерович, А.Е. Пробст, В.Я. Ром, Ю.Г. Саушкин, Я.Г. Фейгин, А.Т. Хрущёв и др.);
- теория территориальной структуры хозяйства (И.М. Маергойз, П.М. Алампиев, Л.И. Василевский, В.М. Гохман, Г.М. Лаппо, М.М. Паламарчук, П.М. Полян и др.);

- теория территориальных социально-экономических систем (А.М. Колотиевский, М.Н. Межевич, С.Я. Ныммик, М.М. Паламарчук, Ю.В. Поросёнков, А.И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин, И.Ф. Зайцев и др.);
- концепция опорного каркаса территории (Н.Н. Баранский, В.В. Владимиров, А.Э. Гутнов, Г.М. Лаппо, О.К. Кудрявцев, И.М. Маергойз, В.И. Нудельман, П.М. Полян, Б.С. Хорев и др.);
- концепция групповых систем населённых мест (В.Г. Давидович, А.В. Кочетков, Е.Е. Лейзерович, Ф.М. Листенгурт, Ю.Л. Пивоваров, Д.Г. Ходжаев и др.);
- концепция единой системы расселения (Б.С. Хорев, Э.Б. Алаев, Д.Г. Ходжаев и др.);
- концепция мирового (глобального) города (О.В. Грицай, В.А. Колосов, Н.А. Слука, Л.В. Смирнягин и др.);
- градоцентрическая концепция территориальной организации мирового хозяйства (Н.А. Слука и др.);
- концепция сжатия интенсивно используемого ландшафта (Ю.Л. Пивоваров и др.);
- стадийные концепции расселения (Г.В. Иоффе, Т. Коммель и др.);
- концепция эволюции расселения (Ж.А. Зайончковская и др.);
- концепция «Центр – периферия» (С.С. Артоболевский, О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, Т.Г. Нефёдова, А.И. Трейвиш и др.);
- концепция маркетинга и брендинга места (Д.В. Визгалов, Е.В. Демидова, Н.Ю. Замятина и др.).

Современные учёные географы-градоведы во многом приблизились к необходимости создания общенаучного учения о городе, которое должно стать теоретической основой научной школы географического градоведения. Оно должно опираться на базовые идеи признанных учений, теорий и концепций геоурбанистики и географии расселения, общественной географии и районной планировки, антропологии города и социологии города, экономики города и экологии города с достижениями прикладной урбанистики, полученными в рамках градостроительного проектирования и городского маркетинга, муниципального индикативного, стратегического и территориального планирования.

Источники и литература

1. *Иофа Л.Е.* Иван Кирилович Кирилов // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие / Сост. Т.Е. Губанова. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 129–132.
2. *Арсеньев К.И.* Гидрографическо-статистическое описание городов Российской империи с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков от начала XVII столетия и доныне. СПб.: Журнал Министерства внутренних дел. 1832. Ч. VI. № 2. С. 9–30; № 3. С. 5–28; № 4. С. 1–25; № 5. С. 1–27; Ч. VII. № 7. С. 1–48; № 9. С. 1–40; 1834. Ч. XII. № 4. С. 1–43; № 5. С. 129–190.
3. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России: Очерк экономической географии // Записки Русского императорского Географического общества по отделению статистики. СПб., 1910. Т. 10. Вып. 2.
4. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. 2-е изд., стереотип. М.: Пеликан, 2017. 314 с.
5. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Монографический сборник. Памяти Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского / Под ред. П.М. Поляна, А.И. Трейвиша, Т.Г. Нефёдова. М.: ОГИ, 2001. 506 с.
6. *Баранский Н.Н.* Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана. М.; Л.: Гиз, 1926. 294 с.
7. *Саушкин Ю.Г.* Николай Николаевич Баранский (1881–1963) // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие / Сост. Т.Е. Губанова. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 218–225.
8. *Баранский Н.Н.* Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. Сб. 2. М., 1946. С. 10–62.
9. *Баранский Н.Н.* Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз, 1960. С. 170, 176.
10. *Ткаченко А.А.* Из истории географии населения: 75 лет со времени выхода программной статьи Р.М. Кабо // Региональные исследования. № 2 (52). 2016. Смоленск: Универсум, 2016. С. 129–132.
11. *Кабо Р.М.* Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований) / Под ред. и вступительной статьёй Г. Шуба. М.: Типография Моссовета (бывшая Городская), 1918. 69 с.
12. *Кабо Р.М.* Элементы географического изучения населения СССР // География в школе. 1941. № 3. М., 1941. С. 49–55.
13. *Кабо Р.М.* Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Выпуск 5. География населения. М.: Географгиз, 1947. С. 5–32.
14. Город и район как объекты географического изучения // Вопросы географии. Сб. 14. География населения СССР. М.: Географгиз, 1949. 190 с.
15. *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX века). М.: Географгиз, 1949. 225 с.
16. *Ляликов Н.И.* Некоторые вопросы плотности населения в географической литературе // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. М.: Географгиз, 1947. С. 86–98.
17. *Ляликов Н.И.* О географическом изучении города // Учёные записки МПГИ. 1949. Т. 54. С. 4–14.
18. *Богорад Д.И.* Районная планировка. Вопросы планировки промышленных районов. М.: Госстройиздат, 1960. 243 с.
19. *Богорад Д.И.* Конструктивная география района. М.: Мысль, 1965. 407 с.
20. Городские агломерации УССР. Труды КиевНИИГрадостроительства / Под ред. Д.И. Богорада. Киев, 1966. 73 с.
21. *Константинов О.А.* Основные проблемы экономико-географического изучения городов СССР // Труды Первого Всесоюзного географического съезда. Вып. 4. Л., 1934. С. 72–95.

22. Константинов О.А. Опыт изучения влияния особенностей района на характер городских поселений // Труды института инженеров коммунального строительства. Л., 1934.
23. Константинов О.А. Изменения в географии городов России в советский период // Вопросы географии. Сб. 7. М.: Географгиз, 1947. С. 11–46.
24. Константинов О.А. Географическое изучение городских поселений в СССР // География населения в СССР. Основные проблемы. М.; Л.: Наука, 1964. С. 32–68.
25. Константинов О.А. О классификации городов в экономической географии // Вопросы географии. Сб. 41. М.: Географгиз, 1957. С. 65–92.
26. Константинов О.А. Типология и классификация городских поселений в советской экономико-географической науке // Материалы по географии населения. Л.: Изд-во ВГО, 1963. Вып. 2.
27. Константинов О.А. Опыт выявления районов расселения СССР // География населения и населённых пунктов СССР. Л.: Наука, 1967. С. 5–68.
28. Константинов О.А. Районирование расселения СССР // Научные проблемы географии населения. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. С. 48–70.
29. Покишиевский В.В. География населения СССР. Экономико-географические очерки. М.: Просвещение, 1971. 174 с.
30. Покишиевский В.В. География населения зарубежных стран. Экономико-географические очерки. М.: Просвещение, 1971. 176 с.
31. Озерова Г.Н., Покишиевский В.В. География мирового процесса урбанизации. М.: Мысль, 1981. 190 с.
32. Давидович В.Г. Вопросы планировки новых городов. Л.: ЛНИИХХ, 1934. 192 с.
33. Давидович В.Г. Планировка городов и районов. Инженерно-экономические основы. М.: Гос. изд-во литературы по строительству, 1964. 326 с.
34. Давидович В.Г. О развитии сети городов СССР за 40 лет // Вопросы географии. № 45. М., 1959. С. 37–71.
35. Давидович В.Г. Расселение в промышленных узлах (инженерно-экономические основы). М.: Госстройиздат, 1960.
36. Иофа Л.Е. Города Урала. Часть I. Феодалный период. М.: Географгиз, 1951. 422 с.
37. Степанов М.Н. Леонид Евгеньевич Иофа (1908–1974) // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие / Сост. Т.Е. Губанова. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 491–492.
38. Полян Н.М., Трейвиш А.И. Исаак Моисеевич Маергойз (1908–1975) // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие / Сост. Т.Е. Губанова. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 454.
39. Полян Н.М., Трейвиш А.И. Исаак Моисеевич Маергойз (1908–1975) // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие / Сост. Т.Е. Губанова. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 455.
40. Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. 896 с.
41. Маергойз И.М. Учение о городах / Сост. П.М. Полян, Ю.Л. Пивоваров и С.Е. Ханин. М.: Наука, 1987. 119 с.
42. Перцик Е.Н. Юлиан Глебович Саушкин (1911–1982) // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие / Сост. Т.Е. Губанова. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 305.
43. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем. М.: Просвещение, 1976. С. 11.
44. Саушкин Ю.Г. Об изучении системы городов Советского Союза // Вестник МГУ. Серия географическая. 1960. № 1. С. 23–30.
45. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 557 с.
46. Саушкин Ю.Г. Москва: Географическая характеристика. М.: Географгиз, 1955. 192 с.
47. Саушкин Ю.Г., Глушкова В.Г. Москва среди городов мира: экономико-географическое исследование. М.: Мысль, 1983. 285 с.
48. Блажко Н.И. Количественные методы изучения системы городских поселений // География населения и населённых пунктов. Л.: Наука, 1967. С. 175–213.
49. Блажко Н.И., Григорьев С.В., Заботин Я.И. Математико-географические методы изучения исследования городских поселений. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970. 145 с.
50. Трофимов А.М. Нина Ивановна Блажко (1915–1982) // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие / Сост. Т.Е. Губанова. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 513–514.
51. Александерсон Г. Экономическая структура городов США / Перевод с английского В.М. Гохмана; предисловие и редакция Н.Н. Баранского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 214 с.
52. Мерфи Р. Американский город / Редакция, авторское послесловие В.М. Гохмана; авторское послесловие Г.М. Лаппо; сокращённый перевод с английского В. Ковалевского. М.: Прогресс, 1972. 320 с.
53. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. С. 456–503.
54. Основы советского градостроительства. В 4-х томах. М.: Стройиздат, 1966–1969. 1100 с.
55. Основы советского градостроительства. В 4-х томах: том 1. Расселение и регулирование роста городов. Планировка новых городов. Реконструкция городов. Городское движение и транспорт / Авторский коллектив: Н. Баранов, В. Шквариков, Е. Баркова, О. Кудрявцев, В. Лавров, Г. Лаппо, О. Смирнова, К. Трапезников, М. Хауке, В. Ходатаев; ЦНИИГрадостроительства Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. М.: Стройиздат, 1966. 416 с.
56. Лаппо Г.М. География городов с основами градостроительства. М.: МГУ, 1969. 184 с.
57. Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.
58. Города России: энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 559 с.

59. Проблемы расселения: история и современность. М.: Ваш Выбор. ЦИРЗ, 1997. 154 с. (Серия: Россия 90-х: Проблемы регионального развития. Вып. 3).
60. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
61. Лаппо Г.М. Рассказы о городах. М.: Мысль, 1972. 192 с.
62. Лаппо Г.М. Рассказы о городах / Оформление художника Е.В. Ратмировой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1976. 224 с.
63. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 237 с.
64. Пивоваров Ю.Л. Население социалистических стран зарубежной Европы: Структурно-географические сдвиги. М.: Наука, 1970. 175 с.
65. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. М.: Статистика, 1976. 191 с.
66. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в современном мире: Особенности пространственного развития. М.: ВЛАДОС, 1983. 142 с.
67. Пивоваров Ю.Л. География населения СССР в условиях НТР: Основные факторы и изменения расселения. М.: Наука, 1988. 165 с.
68. Пивоваров Ю.Л., Грицай О.В. Мировая урбанизация: географические проблемы. М.: ВЛАДОС, 1989. 121 с.
69. Пивоваров Ю.Л. Современный урбанизм: курс лекций. М.: Российский открытый университет, 1994. 126 с.
70. Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. ГИЦ ВЛАДОС, 1999. 232 с.
71. Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2007. 336 с.
72. Анимца Е.Г. Города Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. 304 с.
73. Анимца Е.Г. Города Среднего Урала: прошлое, настоящее, будущее. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1983. 288 с.
74. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Силин Я.П. Крупнейший город: концептуальные подходы к проблемам занятости. Екатеринбург, 1997. 137 с.
75. Анимца Е.Г., Елохов А.М., Сухих В.А. Качество жизни населения крупнейшего города. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2000. Ч. 2. 2000. 260 с.
76. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Сурнина Н.М. Теоретико-методологические аспекты структурной трансформации городов старопромышленного региона. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2000. 147 с.
77. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Дворякина Е.Б., Сурнина Н.М. Структурная трансформация городов старопромышленного региона. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2001. 140 с.
78. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Дворякина Е.Б., Новиков Н.В., Софронов В.Н. Закрытые атомные города России (особенности развития и управления) / Отв. ред. Е.Г. Анимца. Екатеринбург: УрГЭУ, 2002. 186 с.
79. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Силин Я.П. Бюджет большого города. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 260 с.
80. Анимца Е.Г., Бочко В.С. Стратегия развития крупнейшего города: взгляд в будущее: научно-методологический подход. Екатеринбург: ГИПП Уральский рабочий, 2003. 455 с.
81. Анимца Е.Г., Медведева И.А., Сухих В.А. Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург, 2003. 105 с.
82. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Силин Я.П. Городская политика: теория, методология, практика. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. 306 с.
83. Анимца Е.Г., Дворякина Е.Б., Некрасов В.Г. Горнозаводские города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2004. 136 с.
84. Анимца Е.Г., Медведева И.А., Сухих В.А. Малые и средние города региона: тенденции и стратегия социально-экономического развития. Екатеринбург; Пермь, 2004. 246 с.
85. Анимца Е.Г., Дворякина Е.Б., Некрасов В.Г. Экономическое развитие горнозаводских городов региона. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2005. 266 с.
86. Концептуальные основы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е.Г. Анимца (руководитель авторского коллектива), В.С. Бочко, Э.В. Пешина, П.Е. Анимца; под ред. А.И. Татаркина, М.В. Фёдорова. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
87. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 1998. 309 с.
88. Перцик Е.Н. Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М.: Мысль, 1980. 286 с.
89. Перцик Е.Н. География городов (геоурбанистика). Исторические этапы развития городов. Курс лекций. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 145 с.
90. Перцик Е.Н. Среда человека: предвидимое будущее. М.: Мысль, 1990. 365 с.
91. Перцик Е.Н. Геоурбанистика (география городов): учебное пособие. М.: Высшая школа, 1991. 317 с.
92. Перцик Е.Н. Города мира. География мировой урбанизации: учебное пособие. М.: Международные отношения, 1999. 380 с.
93. Перцик Е.Н. Районная планировка (территориальное планирование): учебное пособие. М.: Гардарики, 2006. 398 с.
94. Перцик Е.Н. Геоурбанистика: Учебник. М.: Академия, 2009. 435 с.
95. Перцик Е.Н. Географическая мысль: история, проблемы, поиск решений. История и методология географической науки, географические аспекты развития городов и урбанизации. М.: Мастер, 2013. 428 с.

96. География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик / Отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2013. 296 с.
97. Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). Очерки географии расселения. М.: Мысль, 1968. 256 с.
98. Хорев Б.С. Проблемы городов (экономико-географическое исследование городского расселения в СССР). М.: Мысль, 1971. 416 с.
99. Хорев Б.С. Проблемы городов (Урбанизация и единая система расселения в СССР). М.: Мысль, 1975. 428 с.
100. Хорев Б.С. Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М.: Мысль, 1981. 320 с.
101. Расселение населения. Памяти Б.С. Хорева (1932–2003). Сборник статей / Под ред И.А. Даниловой, Н.Г. Джунаевой, Р.В. Дмитриева // Демографические исследования. Вып. 19. М.: МАКС Пресс, 2012. 328 с.
102. Полян П.М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1. М.: ИГАН СССР, 1988. 220 с.; Ч. 2. 66 с.
103. Полян П.М., Селиванова Т.И. Городские агломерации // Национальный атлас России. М.: ПКО Картография, 2007. С. 128–129.
104. Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский, 1870–1942 / Серия: Научные биографии. М.: Наука, 1989. 127 с.
105. Семёнов-Тян-Шанский В.П. То, что было. В двух томах / Сост. М.А. Семёнов-Тян-Шанский; послесловие и приложения – П.М. Полян. М.: Новый хронограф, 2009 (Т. 1. 1870–1970, 678 с.; Т. 2. 1917–1942, 664 с.).
106. Города деревня в Европейской России: сто лет перемен / Редакторы-составители П.М. Полян, А.И. Трейвиш, Т.Г. Нефёдова. М.: ОГИ, ИГ РАН, 2001. 586 с.
107. Маергойз И.М. Учение о городах / Сост. П.М. Полян, Ю.Л. Пивоваров и С.Е. Ханин. М.: Наука, 1987. 119 с.
108. Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства / Сост. П.М. Полян, Ю.И. Мониш и А.И. Трейвиш. Новосибирск: Наука, 1986. 324 с.
109. Проблемы расселения: история и современность. Сборник статей в честь Г.М. Лаппо / Серия: Россия 90-х: Проблемы регионального развития. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1997. 158 с.
110. Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселения: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014. 788 с.
111. Слука Н.А. Экономико-географические проблемы столичных городов стран Восточной Европы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 116 с.
112. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005. 168 с.
113. Слука Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск: Ойкумена, 2009. 317 с.
114. Слука Н.А. Город в условиях глобализации. Учебное пособие. М.: Изд-во «Белый ветер», 2017. 140 с.
115. Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: Аванглион, 2007. 243 с.
116. Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 448 с.

12 июля 2020 года рано утром после скоротечной болезни скончался замечательный ученый и преподаватель, профессор Сыктывкарского государственного университета, член Ученого совета Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, автор многих работ по этнологии и археологии, доктор исторических наук Виктор Анатольевич Семенов. Ушел из жизни наш друг и наставник, наш Профессор – чаще всего именно так мы его называли, и всем, кто был знаком с Виктором Анатольевичем, было абсолютно ясно, о каком Профессоре идет речь.

В будущем году исполнилось бы 45 лет с тех пор, как Виктор Анатольевич познакомился с Сыктывкаром, появившись здесь после окончания Ленинградского университета и аспирантуры при ЛГУ. Он думал, что приехал лишь на время, а оказалось – навсегда. Сыктывкар стал его второй родиной. Здесь, в относительно небольшом городе, как ни странно, Профессор, выросший и выбравший свой путь не где-нибудь, а во «второй столице» России, чувствовал себя вполне комфортно – и тогда, когда был еще не профессором и не доктором наук, а простым ассистентом без ученой степени, и тогда, когда стал и тем, и другим, а также Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, Заслуженным работником Республики Коми, Заслуженным профессором СГУ...

Впрочем, тем, кому довелось повстречаться с Профессором еще на заре его научной и педагогической карьеры и продолжить это знакомство в последующие годы, было ясно, что чины и звания в принципе не имели никакого значения – равно как и то, что именно Виктор Анатольевич преподавал или о чем писал в своих научных работах. Мне повезло встретиться с Профессором на историческом факультете СГУ 42 года назад. Студенческие годы – особое время между школьным детством и взрослой работой. Мы не только получали новые знания, нужные для взрослой жизни – мы учились быть взрослыми. И одним из тех, кто стал нашим наставником на этом пути, был Виктор Анатольевич. Год назад мне уже довелось сказать о том, что мы учились у Профессора не столько конкретным фактам, знаниям в той или иной области науки («Это вы и дома в книжке можете прочитать», – говорил сам Виктор Анатольевич), сколько самому подходу к науке, к исследованиям – да, собственно, и к самой жизни. Виктор Анатольевич своим примером показывал, что всегда можно и нужно быть самим собой, не бояться высказывать и аргументировано отстаивать свое мнение, ничего не принимая бездумно на веру, не преклоняясь перед авторитетами. Мы учились у него быть критически мыслящими личностями – такими, какими и должны быть настоящие исследователи.

Честно говоря, поначалу отношения мои с Профессором складывались непросто, но неформальное общение позволило нам лучше узнать друг друга. С годами наши отношения наставника и ученика, мастера и подмастерья переросли в совершенно дружеские, а в последнее время мы даже затеяли подготовить в соавторстве несколько публикаций по истории гуманитарной науки в Коми. По поводу одной из них (посвященной исследователю А.Н.Грену) Виктор Анатольевич традиционно при встрече спрашивал меня: «Где Грен?», а я столь же традиционно отвечал, что статья практически готова, и действительно был убежден в том, что «потом», совсем скоро, я ее доделаю и порадуя Профессора. И в который раз оказалось, что никакого «потом» нет, ибо Профессор ушел, и его фамилия как автора этой чертовой статьи (когда ее опубликуют – а ее опубликуют!) будет в траурной рамке...

Виктор Анатольевич на протяжении многих лет был бессменным членом Ученого совета ИЯЛИ, в течение нескольких лет сочетал преподавательскую деятельность в СГУ с работой в ИЯЛИ, написал в соавторстве с учеными института немало работ, множество раз выступал рецензентом и научным редактором публикаций сотрудников ИЯЛИ, участвовал едва ли не во всех научных конференциях и симпозиумах, который проводил Институт языка, литературы и истории, и вообще всегда был желанным гостем на всех мероприятиях института.

О том, что Профессор появился в стенах нашего института, было слышно сразу – всем и каждому. Его громкий и задорный голос проникал во все кабинеты, надолго опережая явление в них самого Профессора. После стремительной пробежки по институту Профессор располагался в облюбованном им месте, собирал вокруг себя круг слушателей (собственно говоря, и не собирал – этот круг с приходом Профессора мгновенно формировался сам собой) и тут же начинал что-нибудь рассказывать. Это могли быть какие-то свежайшие известия или недельной давности «новости» (которые Профессор забыл или не успел сообщить во время предыдущего визита), воспоминания о былом или планы на будущее, или – обычно – всё вместе взятое, дополненное привычными шутками-прибаутками. Слушали Профессора с неизменным интересом – даже те его рассказы, что уже успели выучить наизусть. Новый человек, впервые попадавший в общество Профессора, обычно сначала слегка терялся от его кипучей энергии и своеобразной лексики, но вскоре либо полностью проникался его харизмой, либо навсегда исчезал из «узкого круга» общения.

Надо сказать, Профессор далеко не всех в этот круг принимал, предпочитая многих держать на определенном расстоянии и не допуская с их стороны «вольностей» в общении. Но мне было приятно, что мои друзья, приезжавшие в Сыктывкар из самых разных мест (Михал Шмигель из Словакии, Евгений Кринко из Ростова-на-Дону, Юрий Смирнов из Муром и все-все-все), мгновенно находили с ним общий язык. Вячеслав Меньковский из Беларуси до сих пор с неизменной благодарностью вспоминает руку помощи, в трудную минуту протянутую ему Профессором во время одного из путешествий по республике. А впервые побывавший в Сыктывкаре (на моем юбилее) Андрей Сперанский из Екатеринбурга на прощанье с большевистской прямотой заявил: «Юбилеем твоим я, конечно, впечатлен, но главное впечатление произвел на меня профессор Семенов!» Молва о Профессоре дошла до Владивостока и Мурманска, Якутска и Сухума...

Постоянное, разнообразное и широчайшее общение со множеством людей (не только с родными и близкими друзьями, но и со всевозможными знакомыми, полужнакомыми, а то и вовсе незнакомыми...) было для Профессора способом его существования – и, видимо, единственно возможным способом. (Он даже заснуть не мог без «общения» с включенным телевизором). Наш общий друг и коллега Игорь Васкул предположил, что резкое, до минимума, сокращение круга общения в условиях режима самоизоляции из-за эпидемии коронавируса самым скверным образом сказалось на состоянии здоровья Профессора (которое богатырским назвать было трудно).

Наверное, режим самоизоляции, действительно, был для Виктора Анатольевича невыносим. Ему не хватало живых встреч со студентами, и дистанционное преподавание ни в коей мере не могло заменить их. Его угнетали обычно широко распахивавшиеся перед ним, а ныне наглухо закрытые из-за эпидемии двери ИЯЛИ, который Профессор привык посещать, а теперь не мог (потому что работал не тут и был старше, чем...) и вынужден был проходить мимо, ограничиваясь лишь телефонным звонком: «Как вы там? Режим без изменений? Ну ладно...» Не было ранее всегда многочисленных радушных приглашений на открытие выставок, презентацию книг, заседания ученых советов и научных обществ, на которые он исправно ходил, дружелюбно ворча на организаторов (мол, не дают ему покоя) – ибо месяц за месяцем никаких мероприятий не проводилось. Привычный, десятилетиями складывавшийся образ жизни Профессора был полностью разрушен злой коронавирусной напастью. Быть может, поэтому он и угас так быстро, в считанные дни, не дождавшись, когда падут сковавшие его жизнь запреты...

Профессор любил путешествовать: ежегодно навещал Питер; исколесил едва ли не всю страну, участвуя в разнообразнейших научных форумах; постоянно ездил, невзирая на возраст, в археологические экспедиции; с удовольствием посещал достопримечательности в близких и дальних странах. Но больше всего он любил возвращаться из путешествий в Сыктывкар, рассказывать родным, друзьям, коллегам и вообще любому слушателю о своих впечатлениях, которых всегда было громадье (причем Профессор обладал удивительным свойством абсолютно достоверно и убедительно описывать свои впечатления даже о том, чего он на самом деле не видел). Неизменно, едва вернувшись, Виктор Анатольевич начинал строить планы новых путешествий (возвратившись из нашего с ним прошлогоднего путешествия в Стамбул и Грецию, он тут же запланировал в этом году поехать со мной в Испанию, в Гранаду). Увы, Судьба, никого не спрося, неожиданно-негаданно стремительно отправила его в последнее путешествие, из которого Профессор к нам уже не вернется...

И.Л. Жеребцов

Виктор Анатольевич Семёнов родился 30 октября 1945 г. в г. Ломоносове (Ораниенбаум, ныне часть Санкт-Петербурга). Окончил в 1973 г. Ленинградский университет, в 1976 г. – аспирантуру при кафедре археологии исторического факультета ЛГУ. С декабря 1976 г. работал на историческом факультете Сыктывкарского государственного университета (ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор). В 1979 году стал кандидатом исторических наук, защитив в Ленинградском университете диссертацию по археологии «Свайные поселения бассейна Западной Двины III–II тыс. до н.э. как исторический источник». Одновременно с завершением диссертации по бассейну Западной Двины В.А. Семенов начал археологические исследования в бассейне другой Двины – Северной. Вначале он работал в составе Северо-Двинской археологической экспедиции под руководством Э.А. Савельевой, а позднее сам возглавлял экспедиционные отряды. В 1996 г. в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге В.А. Семенов защитил докторскую диссертацию «Традиционная семейная обрядность коми-зырян во второй половине XIX – первой половине XX века. Пространство и время» (специальность – этнология, этнография и антропология). В 1999 г. В.А. Семенову присвоено звание профессора. В 2000–2009 гг. он заведовал кафедрой источниковедения, археологии и этнографии исторического факультета СГУ, в 2009–2011 гг. – кафедрой истории России, этнографии и археологии, затем являлся профессором кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права СГУ. В 2014–2016 гг. одновременно по совместительству работал

главным научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Многие годы являлся членом Ученых советов ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и Национального музея Республики Коми. В 2008 г. В.А. Семенову присвоено почетное звание Заслуженный деятель науки Российской Федерации, в 2010 г. – почетное звание Заслуженный работник Республики Коми. Один из организаторов культурно-семиотической школы в Республике Коми, «Поморских чтений» в Архангельской области. Его научные интересы лежали в области изучения традиционной духовной культуры народа коми, финно-угро-самодийских контактов на материалах археологии и этнографии, археологии эпохи раннего металла на Европейском Северо-Востоке и Северо-Западе. Автор более 150 научных публикаций, среди которых монографии «Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера» (СПб., 1992) и «Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы» (в соавторстве с В.Н.Несанелене, Сыктывкар, 1997), четыре учебных пособия, два справочных издания, написанная в соавторстве научно-популярная книга «Они любили край родной», посвященная Обществу изучения Коми края (Сыктывкар, 1993), и составленный вместе с Д.А. Несанелисом сборник работ П.А. Сорокина «Этнографические этюды» (Сыктывкар, 1999). Неоднократно публиковался в журнале «Историческая демография». Постоянный участник научных конференций и симпозиумов по исторической демографии в Сыктывкаре в 2005–2018 гг.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» ЗА 2019 ГОД

2019, № 1 (23)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Леонтьев В.А. (Минусинск). О демографических условиях служилой колонизации Красноярского уезда в конце XVII – начале XVIII века. С. 4–10.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-4-10

Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Итеративные принудительные миграции на материалах Республики Коми и Вологодской области в 1940–1950-е годы. С. 11–18.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-11-18

Максимова Л.А., Беловол А.А. (Сыктывкар). Городское население в Коми АССР в 1930–1950-е годы. С. 19–22.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-19-22

Мацук А.М. (Сыктывкар). Специалисты среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР в 1950–1980-е годы: численность, гендерный аспект. С. 23–26.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-23-26

Карбаинов Н.И. (Санкт-Петербург). Карымы и ясачные в Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX века: численность этноконфессиональных групп и их сословная структура. С. 27–31.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-27-31

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Попова Л.А. (Сыктывкар). Демографический эффект и последствия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» в Республике Коми. С. 32–38.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-32-38

Обедков А.П. (Сыктывкар). Региональные особенности и тенденции демографического развития северных территорий России в первые десятилетия XXI века. С. 39–46.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-39-46

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Теребихин В.М. (Сыктывкар). К вопросу о валидности и актуальности использования идей Питирима Сорокина о самоубийстве для анализа суицидального поведения населения Республики Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века. С. 47–51.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-47-51

Фаузер В.В. (Сыктывкар). История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми. С. 52–60.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-52-60

Коровина Н.С. (Сыктывкар). Отражение миграционных процессов в коми фольклоре. С. 61–65.
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-61-65

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание журнала «Историческая демография» за 2018 год. С. 66–67.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография». С. 68–69.

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

- Черкасова М.С.** (Вологда). Сороки и трети как объекты демографического изучения (конец XIV – XVII в.). С. 4–9.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-4-9
- Мацук М.А.** (Сыктывкар). Купечество города Усть-Сысольска по ревизии 1795 г.: демографические аспекты. С. 10–13.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-10-13
- Суший С.Я.** (Ростов-на-Дону). Геодемографическая динамика населения приморских территорий Юга России в имперский период (середина XIX – начало XX в.). С. 14–19.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-14-19
- Вишнякова Д.А.** (Сыктывкар). Брачное состояние сельского населения Европейского Северо-Востока России (по материалам Переписи 1897 г.). С. 20–24.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-20-24
- Хашба А.Ш.** (Сухум). Некоторые аспекты формирования населения Абхазской АССР (конец XIX – начало XX в.). С. 25–29.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-25-29
- Садыков Т.С., Хасенова Ж.О.** (Нур-Султан, Казахстан). Спецпереселенцы в Казахстане в 1930-е гг. (к вопросу освоения Карагандинского угольного бассейна). С. 30–36.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-30-36
- Морозов Н.А.** (Сыктывкар). Воркуто-Интинский субрегион Коми АССР в 1940–1950-х гг.: социо-демографическое измерение. С. 37–52.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-37-52
- Захарова Е.Ю.** (Челябинск). БАКАЛЛАГ как градообразующий фактор в истории Metallургического района города Челябинска. С. 53–56.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-53-56
- Абдуразаков М.Ф.** (Нур-Султан, Казахстан). Влияние советской власти на процесс урбанизации в Казахстане (вторая половина XX в.). С. 57–62.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-57-62
- Мацук А.М.** (Сыктывкар). Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х гг. С. 63–66.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-63-66

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

- Жеребцов И.Л.** (Сыктывкар), **Назарова И.Г.** (Ухта), **Фаузер Г.Н.** (Сыктывкар). Демография, труд, расселение населения в Республике Коми: историография середина XX – начала XXI в. С. 67–74.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-67-74
- Силин В.И.** (Сыктывкар). Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г. как демографический источник. С. 75–77.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-75-77
- Куратов О.А.** (Сыктывкар). Материалы Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи как источник по истории миграции населения Европейского Севера России во второй половине XIX в. С. 78–80.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-78-80
- Лисовская Г.К.** (Сыктывкар). Трудовая миграция в Коми крае конца XIX – начала XX в. по произведениям К.Ф. Жакова. С. 81–84.
DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-81-84
- ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография». С. 85–86.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – Times New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5. Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)». Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.».

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «Рис. 2. Источники роста населения Северного края.».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Названия публикаций приводятся полностью, сокращения названий, употребление слов «Указ. соч.», «Там же» и т.п. не допускается. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

ISSN 2304-5922

Научный журнал

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

2020. № 1 (25).

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Формат 1 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 01.06.2020.

Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз. Заказ № 144.

Информационно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.